
И. Н. ЧЕМПАЛОВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ БОЛГАРИИ К ТРОЙСТВЕННОМУ ПАКТУ И ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Присоединение Болгарии к тройственному пакту и связанные с этим события на Балканах привлекают пристальное внимание советских и зарубежных историков. Несмотря на то, что в советской и зарубежной историографии нет специальных работ, посвященных непосредственно этому вопросу, ни один из исследователей не может обойти его при освещении событий на Балканах в конце 1940—начале 1941 года.

В западногерманской историографии развивается тезис гитлеровцев о превентивном характере действий Германии на Балканах в 1940—1941 годах.¹ Как известно, гитлеровцы стремились представить свою агрессию на Балканах и нападение на СССР как меры, направленные против «большевизации» балканских стран и призванные сорвать английский план создания на Балканах антигерманского фронта с участием СССР. «Только быстрые германские победы, — говорится в заявлении гитлеровского правительства от 22 июня 1941 года, — явились причиной провала англо-русского плана нападения на германские войска в Румынии и Болгарии».²

В противовес гитлеровцам и современным западногерманским буржуазным историкам Черчилль, Иден и авторы официальных английских изданий по истории второй мировой войны обвиняют СССР в том, что он не поддержал английских усилий на Балканах, что, по их словам, и привело в конечном счете к нападению Германии на СССР.³ В мемуарах Черчилля и

¹ A. Hillgruber. *Hitlers Strategie. Politik und Kriegsführung 1940—1941*. Frankfurt am Main, 1965; A. Hillgruber. *Hitler, König Carol und Marschall, Antonescu*. Wiesbaden, 1954; E. Schramm von. *Thadden. Griechenland und die Grossmächte im Zweiten Weltkrieg*. Wiesbaden, 1955.

² Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Ser. D, vol. XII, London, 1962. Doc. N 659, p. 1065.

³ W. S Churchill. *The Second World War. Vol. 3. The Grand Alliance*. Boston, 1950; *The Eden Memoirs. The Reckoning*. London, 1965; J. R. M. Butler. *Grand Strategie. September 1939 — June 1941*. London, 1957.

Идена преувеличивается роль Англии в противодействии проникновению Германии на Балканы и Ближний Восток, но даже из этих мемуаров видно, что правительство Черчилля заботилось тогда не о выполнении английских гарантий Греции, а о защите колониальных владений британского империализма на Ближнем Востоке.

В мемуарах К. Хэлла, С. Уэллеса безоговорочно поддерживается точка зрения Черчилля,¹ из работ американских буржуазных историков особый интерес представляет монография У. Лангера и С. Глизона «Необъявленная война», в которой они приоткрывают завесу над тем, как правительство США помогало Черчиллю и Идену в подготовке и заключении тайной сделки с Гитлером о временном разграничении сфер влияния на Балканах и Ближнем Востоке в начале 1941 года.²

В советской литературе вопрос о присоединении Болгарии к гитлеровскому блоку наиболее полно освещен в работах Л. Б. Валева.³ «В довольно запутанном переплете сложившихся к концу 1940 г. взаимоотношений на Балканах, — пишет Л. Б. Валева, — нетрудно заметить элементы негласного сговора обеих воюющих империалистических группировок, направленного в конечном счете на развязывание войны против СССР».⁴ Английская политика на Балканах рассматривается в работах А. М. Некрича и В. Г. Трухановского,⁵ оба они приходят к выводу, что правительство Черчилля заботилось в 1940—1941 годах о защите английских колониальных позиций на Ближнем Востоке. В. Г. Трухановский отмечает, что Черчилль стремился «повернуть германское наступление, нацеленное на Ближний Восток, в сторону Советского Союза».⁶

В данной статье освещаются события на Балканах и в Болгарии с конца декабря 1940 года до начала марта 1941 года, предшествовавшие присоединению Болгарии к тройственному пакту и оккупации ее территории немецко-фашистскими войсками. Особое внимание уделяется разоблачению закулисной сделки, заключенной в начале 1941 года правительством Черчилля с Гитлером при активном посредничестве правительства США.

¹ C. Hull. Memoirs. Vol. 1—2. New York, 1948; S. Welles. The Time for Decision New York and London, 1944.

² W. L. Langer and S. E. Gleason. The Undeclared War 1940—1941. New York, 1941.

³ Л. Б. Валева. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., «Наука», 1964.

⁴ Л. Б. Валева. Из истории Болгарии накануне и в начале второй мировой войны. — «Ученые записки института славяноведения». Т. 20, М., изд. АН СССР, 1960.

⁵ А. М. Некрич. Внешняя политика Англии в 1939—1941 гг. М., изд-во АН СССР, 1963; В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., «Наука», 1965.

⁶ В. Г. Трухановский. Указ. соч., стр. 162.

Срыв присоединения Болгарии к тройственному пакту привел к тому, что германское дипломатическое наступление в Юго-Восточной Европе было на несколько недель прервано, но это было лишь временное затишье.

После утверждения Гитлером плана «Марита» и плана «Барбаросса» начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал Иодль сообщил 21 декабря 1940 года послу по особым поручениям Карлу Риттеру, осуществлявшему связь между германским министерством иностранных дел и командованием вермахта, о том, что верховное командование вермахта приступило к проведению подготовительных мероприятий по плану «Марита» и что после завершения переброски в Румынию 16-й танковой дивизии (к 25 декабря 1940 г.) в начале января 1941 года начнется сосредоточение крупной армейской группы в Южной Румынии, которая должна в дальнейшем продвинуться через болгарскую территорию к Эгейскому морю. Генерал Иодль обратил внимание Риттера на необходимость обеспечения пропуска немецких войск именно через болгарскую территорию, так как он не был уверен в том, что Германии удастся привлечь Югославию к участию в нападении на Грецию с целью захвата Салоник. Генерал Иодль сообщил Риттеру, что в Болгарии уже создан «рекогносцировочный штаб София» во главе с полковником германского генерального штаба Цейтцлером, которому поручено договориться с болгарским генеральным штабом о расширении шоссейных дорог, ведущих на юг, и о создании на болгарской территории пунктов питания и снабжения германских войск. Верховное командование вермахта просило германское министерство иностранных дел помочь ему обеспечить беспрепятственный пропуск немецких войск через болгарскую территорию к греческой границе и договориться с болгарским правительством о том, чтобы во время продвижения немецких войск к греческой границе болгарская армия прикрывала болгаро-турецкую границу.¹

23 декабря 1940 года германское министерство иностранных дел пригласило болгарского премьер-министра Б. Филова прибыть в ближайшее время в Германию для переговоров с Риббентропом.² Германское министерство иностранных дел считало необходимым, кроме решения военных вопросов, договориться с Б. Филовым о присоединении Болгарии к тройственному пакту и о проведении согласованной политики в отношении Турции, Югославии и СССР.

Б. Филов выехал из Софии в Вену в обстановке строгой секретности 1 января 1941 года, его сопровождал германский посланник в Болгарии фон Рихтгофен. Вместо 2—3 января, как

¹ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. vol. XI, N 556, p. 939—940; (в дальнейшем DGFP).

² DGFP, N 556, p. 937—938; N 570, p. 965, f-n. 1.

это в начале предполагалось, болгаро-германские переговоры начались лишь 4 января.¹ Вначале Б. Филов был принят Риббентропом. Во время переговоров с Риббентропом Б. Филов заявил, что болгарское правительство не решилось присоединиться к тройственному пакту потому, что опасалось, как бы это не привело к осложнению отношений с Советским Союзом, Турцией и другими странами в условиях, когда Болгария недостаточно подготовлена в военном отношении; английский посланник в Софии Рендел недавно предупредил болгарское правительство, что в случае присоединения к тройственному пакту Болгария сразу же подвергнется нападению со стороны Турции и Югославии. В ответ на это Риббентроп заявил, что отказ болгарского правительства от присоединения к тройственному пакту сильно огорчил германское правительство. «Болгарии нечего опасаться каких-либо осложнений с Советским Союзом и Турцией, — сказал Риббентроп, — так как она будет опираться на огромную и все возрастающую военную мощь Германии, которая уже имеет в наличии 238 дивизий, в том числе 12 танковых и 12 моторизованных. В этих условиях всякая опасность нападения на Болгарию извне исключена».²

Однако Риббентропу не удалось убедить болгарского премьер-министра в том, что присоединение Болгарии к тройственному пакту является делом безопасным и, что это не встретит противодействия со стороны Советского Союза и Турции. Б. Филов заметил, что русские по-прежнему возражают против присоединения Болгарии к тройственному пакту. «Наша позиция в отношении присоединения Болгарии к тройственному пакту, — сказал он, — близка к вашей. Различие состоит только в том, когда это следует осуществить. Согласно вашей точки зрения, его необходимо совершить как можно скорее, а мы считаем, что нужно выждать более удобный момент».³

Переговоры Риббентропа с Б. Филовым носили предварительный характер, они стремились вначале выяснить позицию друг друга накануне встречи Б. Филова с Гитлером, которая состоялась в тот же день во второй половине дня.

Б. Филов сообщил Гитлеру, что между ним и Риббентропом достигнуто почти полное согласие относительно присоединения Болгарии к тройственному пакту за исключением его точного срока. Болгарское правительство в принципе согласно на присоединение, но пока считает его преждевременным, так как это может привести к осложнению отношений с Советским Союзом и вызвать даже нападение со стороны Турции и Югославии в условиях, когда болгарская армия недостаточно вооружена.

¹ Централен държавен исторически архив (в дальнейшем ЦДИА), ф. 456, оп. 1, д. 4, дневник Б. Филова, л. 2—4.

² ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4. Дневник Б. Филова, л. 8.

³ Там же, л. 10.

Прервав Б. Филова, Гитлер заявил, что ни со стороны Турции, ни со стороны Югославии никакой опасности Болгарии не угрожает. Югославия уже ведет переговоры о сотрудничестве с Германией. Гитлер заявил, что война с Грецией возникла помимо нашего желания. Это привело к вмешательству англичан. В свою очередь, Германия вынуждена принять меры к тому, чтобы выбросить англичан из Греции, нельзя допустить повторения Салоникской операции 1918 г. В результате всего этого Болгария оказалась в центре событий и для нее будет лучше всего как можно скорее присоединиться к тройственному пакту.¹ «Болгария может не вмешиваться в войну, — сказал Гитлер, — в целях предотвращения нападения на нее со стороны Турции мы готовы послать на турецкую границу столько дивизий, сколько будет необходимо». Во время переговоров с Б. Филовым Гитлер и Риббентроп стремились создать впечатление, что в случае необходимости они могут договориться с Советским Союзом о совместных действиях против Турции,² в то же время, они запугивали своего гостя «большевистской опасностью», к которой тот был весьма чувствителен. Если бы Германия попала в беду в этой войне, — сказал Гитлер, — то последствия для всей Европы были бы совершенно иные, чем это случилось в 1918 году, когда не было большой третьей партии в тылу, какой является теперь Советский Союз, который готов воспользоваться ситуацией. Поражение оси будет означать конец Европы, по этой причине все страны континентальной Европы должны быть заинтересованы в том, чтобы Европа сохранилась путем германской победы.³

Филов подтвердил готовность болгарского правительства присоединиться к тройственному пакту, но указал при этом на возможность совместных действий Советского Союза, Англии, Турции и Югославии против присоединения Болгарии к тройственному пакту. Гитлер вновь начал уверять Б. Филова, что никакой опасности со стороны Англии, Турции и Югославии не возникнет, как только германские и болгарские дивизии появятся у Черного моря и займут линию у Чаталджи, то все затруднения сразу же исчезнут.⁴

Во время переговоров с Гитлером Б. Филов поднял вопрос о дальнейшей судьбе Македонии, высказав болгарские опасения относительно того, что Германия может передать Салоники Югославии. Гитлер уклонился от прямого ответа на этот вопрос и лишь обещал предоставить Болгарии выход в Эгейское море. «Трудно будет сразу удовлетворить все болгарские требования, — сказал он, — к тому же надо вначале выиграть вой-

¹ DGFP, vol. XI, N 606, p. 1018—1021.

² ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 15—17.

³ DGFP, vol. XI, N 606, p. 1023.

⁴ DGFP, vol. XI, N 606, p. 1023.

ну. Главная опасность Балканам и всей Европе исходит от Советского Союза, крушение европейских государств привело бы к распространению большевизма».¹

Во время переговоров с Гитлером и Риббентропом Б. Филов не дал никакого определенного обещания относительно срока присоединения Болгарии к тройственному пакту, вероятно он был связан инструкциями, полученными от царя Бориса; в свою очередь Гитлер и Риббентроп уклонились от определенных обещаний по интересовавшим болгарских монархо-фашистских правителей территориальным вопросам, но гитлеровцы дали ясно понять своему гостю, что они в любом случае, — с согласия или без согласия болгарского правительства, — введут немецкие войска на болгарскую территорию. Б. Филов отметил в своем дневнике 4 января 1941 года: «Я сам не поднимал территориальных вопросов, потому что оба они уклонились от всего, что не было связано с подписанием пакта и потому не хотел принимать никаких обязательств, пока не будет решено в Софии, следует ли поспешить с подписанием пакта. Кроме того, считаю, что будет лучше этот вопрос поднять отдельно в том случае, если потребуется выиграть время».²

После возвращения в Софию вечером 7 января 1941 года Б. Филов доложил царю Борису о результатах переговоров с Гитлером и Риббентропом, отметив при этом, что для Болгарии нет иного выхода, кроме присоединения к тройственному пакту. Царь Борис вначале заявил, что он скорее отречется от престола, чем согласится на присоединение к тройственному пакту. Он высказал опасение, что в случае присоединения Болгарии к тройственному пакту англичане сразу же подвергнут бомбардировке болгарские города. Кроме того, царь Борис панически боялся собственного народа, ибо он прекрасно знал, что огромное большинство болгарского народа было решительно настроено против присоединения Болгарии к блоку фашистских агрессоров и против вовлечения ее в войну. «Народ не имеет никакого желания воевать, — сказал царь Борис, — и может вспыхнуть восстание, нет веры и в армию».³ После того, как царь Борис несколько успокоился, Б. Филову удалось убедить его согласиться на германские предложения. «Если мы не сделаем этого добровольно, — сказал он, — то немецкие войска войдут в страну помимо нашей воли и будут третировать нас в качестве оккупированной страны, как это случилось с Румынией, а это будет значительно хуже того, чем если бы мы стали

¹ DGFP, vol. XI, N 606, 1025—1026.

² ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 26—27.

³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 23—24. Лулчев также отметил в своем дневнике, что царь Борис боялся последствий присоединения Болгарии к тройственному пакту. Он обсуждал со своим ближайшим окружением вопрос о передаче власти А. Цанкову. ЦДИА, ф. 96, оп. 1, д. 1, л. 129.

их союзниками. Нам нечего ожидать от победы Англии, а в случае поражения Германии мы сразу же будем большевизированы».¹

После длительного совещания царь Борис и Б. Филов решили принять германские предложения. Присоединение Болгарии к тройственному пакту было решено осуществить перед вступлением немецко-фашистских войск на болгарскую территорию, болгарское правительство должно было предварительно заручиться согласием Германии на присоединение к Болгарии греческой Фракии и договориться с ней о совместных военных мероприятиях на случай возникновения конфликта с Турцией и Югославией. Царь Борис все еще надеялся на то, что предстоящие военные переговоры с немцами дадут болгарскому правительству возможность выиграть некоторое время и отсрочить присоединение Болгарии к тройственному пакту.

Решение о присоединении Болгарии к гитлеровскому блоку было принято в глубокой тайне от болгарского народа. Вначале об этом Б. Филов сообщил лишь министру внутренних дел П. Габровскому, министру иностранных дел И. Попову и военному министру генералу Т. Даскалову, входившим в состав так называемой «четверки», которая вместе с царем Борисом решала все важнейшие вопросы внутренней и внешней политики страны, но даже среди этой «четверки» не было полного единодушия относительно условий и методов осуществления сговора с гитлеровской Германией. Министр иностранных дел И. Попов считал необходимым осуществить присоединение к тройственному пакту лишь после вступления немецких войск в Болгарию, так как боялся восстания болгарского народа, кроме того, он не хотел брать на себя ответственность за оформление документов о присоединении Болгарии к тройственному пакту. И. Попов наотрез отказался лично участвовать в подписании тройственного пакта, он сообщил Б. Филову о своем намерении подать в отставку, с большим трудом Б. Филову удалось уговорить И. Попова остаться на своем посту, он предупредил его о том, что отставка министра иностранных дел накануне присоединения Болгарии к тройственному пакту вызовет недовольство в Берлине и усилит подозрение немцев в отношении болгарского правительства.² 10 января 1941 года на совещании у царя Бориса Б. Филов, И. Попов, П. Габровский и генерал Т. Даскалов решили сообщить болгарскому посланнику в Берлине П. Драганову о том, что болгарское правительство согласно присоединиться к тройственному пакту, но до этого необходимо обеспечить военную безопасность Болгарии и договориться по территориальным вопросам. На этом совещании

¹ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 22—25.

² ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 27—28.

было решено вызвать П. Драганова в Софию для консультации с болгарским правительством.¹

С начала января 1941 года началось сосредоточение немецких войск на румынском берегу Дуная. В связи с тем, что концентрация крупных германских сил в Румынии неизбежно должна была привлечь внимание Советского Союза, Турции и балканских стран германское министерство иностранных дел дало 7 января 1941 года указание германским дипломатическим представителям в Москве, Анкаре, Белграде и Афинах мотивировать отставку немецких войск в Румынию необходимостью изгнания английских войск из Греции. Германское министерство иностранных дел заверяло правительства Турции и балканских стран, что концентрация немецких войск в южной Румынии не направлена против этих стран.² 8 и 9 января 1941 года у Гитлера в Берггофе состоялось совещание руководителей вермахта, в котором принял участие министр иностранных дел Риббентроп. В своем выступлении на этом совещании Гитлер отметил, что ни в Норвегии, ни в Западной Европе Англия не сможет предпринять против германских вооруженных сил каких-либо крупных военных операций, за исключением воздушных налетов и отдельных изолированных военно-морских операций; вместе с тем он указал на изменение настроений во Франции, Испании и на Балканах. Летом 1940 года Франция была выведена из строя, но в результате греческих успехов в войне против Италии среди французов, в том числе в военных кругах, появилась надежда на изменение международной обстановки и усилилась тенденция к сопротивлению Германии. Франция также выступает против каких-либо территориальных уступок Италии. Даже в кругах, поддерживающих правительство Виши, считают, что необходимо занять выжидательную позицию, не связывать себя с кем-либо, это особенно сильно проявляется среди военной и гражданской администрации в Северной Африке. Испания также стала колебаться, но Германия постарается устранить эти колебания. «На Балканах,— сказал Гитлер,— только Румыния является дружественной по отношению к державам оси и только Болгария лояльной». Но болгарский царь отказался присоединиться к тройственному пакту и только теперь болгарское правительство решилось на это. «Югославия холодна по отношению к державам оси, она хочет выгадать без активного вмешательства и резервирует решение».³

«Англия возлагает свою единственную надежду на Соединенные Штаты Америки и Советский Союз,— сказал Гитлер.— Если при помощи этих стран ей удастся выстоять, то англичане сформируют вновь 40—50 дивизий и тогда для Германии

¹ ЦДИА, ф. 456, оп. 2, д. 4, л. 32.

² DGFP, vol. XI, N 616, p. 1040—1041.

³ DGFP, vol. XI, p. 1057—1058.

возникнет очень трудная ситуация. Этого не должно случиться. Но прежде, чем нам удастся разделаться с Англией, необходимо вывести из строя самого важного противника. Поэтому Россия должна быть теперь сокрушена. Тогда англичане либо уступят, либо Германия будет продолжать войну против Англии при самых благоприятных обстоятельствах. Крушение России также даст возможность Японии повернуть все ее силы против США. Это удержит последних от вступления в войну».¹ «Уничтожение русской армии, захват наиболее важных промышленных областей и разрушение остальных промышленных областей, особенно в районе Свердловска, должно быть целью операции; Бакинская область также должна быть оккупирована».²

В соответствии с решением совещания 8—9 января 1941 года основные усилия руководителей вермахта и германского министерства иностранных дел были направлены на подготовку нападения на СССР, но прежде чем гитлеровцы могли приступить к осуществлению агрессии против СССР, им необходимо было решить предварительно три важных проблемы: во-первых, обеспечить правый фланг на Балканах и предотвратить установление прямой связи между Англией и Советским Союзом через черноморские проливы и Персидский залив; во-вторых, упрочить тыл на Западе; в-третьих, не допустить окончательного поражения и выхода из строя Италии. Наибольшее значение гитлеровцы придавали решению первой проблемы, от ее обеспечения в значительной мере зависело решение двух остальных проблем.

9 января 1941 года Гитлер утвердил предложение главного командующего сухопутными силами фельдмаршала Браухича об установлении в ближайшее время контакта с болгарским генеральным штабом и подготовки на болгарской территории помещений для немецких войск. Переправу немецких войск через Дунай было решено начать через три—четыре недели, но не ранее 31 января 1941 года. 11 января 1941 года командование вермахта сообщило об этом решении германскому министерству иностранных дел.³

Во время концентрации немецко-фашистских войск в Румынии гитлеровцы предприняли дипломатический маневр, с помощью которого они рассчитывали усыпить бдительность Советского Союза и успокоить монархо-фашистских правителей балканских и придунайских стран, которые опасались обострения советско-германских отношений и боялись сближения между Англией, Турцией и Советским Союзом.

¹ DGFP, vol. XI, p. 1058—1059.

² DGFP, vol. XI, p. 1059.

³ Ibid., N 464, p. 1076.

В декабре 1940 года в Москву была послана германская торговая делегация во главе с посланником Шнурре. Одновременно изъявили желание вести торговые переговоры с Советским Союзом правительства Румынии, Венгрии, Словакии и Болгарии. 10 января 1941 года между Советским Союзом и Германией было подписано соглашение о товарообороте. Советский Союз должен был поставлять в Германию промышленное сырье, нефтепродукты и продовольствие. Германия обязалась поставлять Советскому Союзу оборудование и другие промышленные товары, наряду с этим были достигнуты соглашения по погранично-правовым вопросам и об урегулировании взаимных претензий в связи с присоединением к Советскому Союзу прибалтийских республик.¹

11 января 1941 года германское министерство иностранных дел направило всем германским дипломатическим представителям за границей инструкцию, в которой предложило обратить внимание правительств, частных лиц и прессы соответствующих стран на важное значение подписанных с Советским Союзом соглашений. В экономическом отношении соглашение означает окончательное крушение всех английских расчетов на экономическую блокаду Германии, отныне, говорилось в инструкции, Германия обеспечила себя сырьем и продовольствием. Далее указывалось на необходимость подчеркнуть важное политическое значение германо-советских соглашений. «Они возлагают надежду на то, что новому английскому министру иностранных дел Идену и тем в США, кто сами расположены к Советскому Союзу, удастся нарушить политическую дружбу и экономическое сотрудничество между Советским Союзом и Германией». Подписанные соглашения должны положить конец такого рода расчетам.²

В начале 1941 года Советское правительство продолжало прилагать усилия к тому, чтобы путем переговоров решить возникшие во второй половине 1940 спорные вопросы, в то же время оно не упускало возможности предупредить правительства балканских стран и Германию о своем отрицательном отношении к германским действиям на Балканах. 4 января 1941 года болгарский посланник в Бухаресте Ст. Петров сообщил болгарскому министерству иностранных дел о том, что в разговоре с ним советский полпред А. И. Лаврентьев не скрывал своего беспокойства в связи с концентрацией немецких войск в Румынии. По словам Ст. Петрова, Лаврентьев указал на усиление опасности для Советского Союза и на возможность дальнейшего продвижения немецких войск через болгарскую территорию

¹ Внешняя политика СССР, сб. документов, т. 4, М., 1946, стр. 536—538.

² DGFP, vol. XI, N 640, p. 1070—1072.

к Эгейскому морю и на Ближний Восток.¹ Болгарский военный атташе в Бухаресте подполковник Недев сообщил в Софию о беседе с советским военным атташе полковником Луниным, который также предупредил его о возможности продвижения немецких войск в Болгарию с целью нападения на Грецию и Турцию. Болгария не должна присоединяться к тройственному пакту и пропускать через свою территорию немецких войск, так как это может иметь для нее весьма опасные последствия, она могла бы воспрепятствовать этому с помощью Советского Союза, который предложил в конце 1940 года болгарскому правительству заключить пакт о взаимопомощи между Болгарией и Советским Союзом.² Эти советские предупреждения не были единичным изолированным явлением, из дневника болгарского премьер-министра Б. Филова видно, что в начале 1941 г. советский военный атташе в Софии полковник Дергачев предупредил болгарский генеральный штаб об опасных последствиях проникновения немецких войск в Болгарию.³

13 января 1941 года в советских газетах было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось: «В иностранной прессе распространяется сообщение со ссылкой на некоторые круги Болгарии, как на источник информации, что в Болгарию уже переброшена некоторая часть немецких войск, что переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР, что на запрос болгарского правительства о пропуске немецких войск в Болгарию СССР ответил согласием».

ТАСС уполномочен заявить, что:

1. Если немецкие войска в самом деле имеются в Болгарии и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то все это произошло и происходит без ведома и согласия СССР, так как германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию;

2. В частности, Болгарское правительство никогда не обращалось к СССР с запросом о пропуске немецких войск в Болгарию, — и, следовательно, не могло получить от СССР какой-либо ответ».⁴

Из первого пункта заявления ТАСС следовало, что переброска немецких войск в Болгарию является нарушением статьи

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 94. Шифр. телеграмма Петрова — БМИД от 11/1-1941 г.

² Там же, л. 95—97.

³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 34. Дн. Б. Филова, запись от 13 января 1941 г.

⁴ Внешняя политика СССР, сб. документов, т. 4, стр. 538—539.

третьей советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года.¹

Второй пункт заявления являлся предупреждением правительству Б. Филова, которое, прикрываясь лицемерными миролюбивыми заявлениями, готовилось присоединить Болгарию в ближайшее время к блоку фашистских агрессоров; Советское правительство предупреждало также болгарский народ о том, что правительство Б. Филова уже стало на путь военно-политического сотрудничества с гитлеровской Германией. Болгарские дипломатические представители в Москве, Лондоне и Стокгольме обратили внимание своего правительства на серьезный характер заявления ТАСС от 13 января 1941 года.² Но болгарские монархо-фашистские правители меньше всего думали о сохранении нейтралитета и защите национальных интересов своей страны. Однако они опасались, что присоединение Болгарии к блоку фашистских агрессоров может привести к внешнеполитическим и внутривнутриполитическим осложнениям. Правительство Б. Филова запретило болгарским газетам сообщать о заявлении ТАСС от 13 января 1941 года; в болгарских газетах было опубликовано заявление болгарского телеграфного агентства от 14 января 1941 года, в котором голословно отрицалось наличие каких-либо немецких войск на болгарской территории,³ одновременно с этим в болгарских газетах было опубликовано заявление германского информационного бюро, в котором вновь была предпринята попытка создать впечатление, что между Германией и Советским Союзом нет никаких разногласий относительно германских действий в Болгарии.⁴

* *

Концентрация немецких войск в Румынии вызвала в правящих кругах Англии противоречивую реакцию: с одной стороны, отвлечение немецких войск на Балканы привело к уменьшению опасности германского вторжения на Британские острова, с другой, — правительство Черчилля опасалось, что Германия не остановится на Балканах и при первой благоприятной возможности попытается захватить нефтеносные земли на Ближнем Востоке и Суэцкий канал. 6 января 1941 года новый английский министр иностранных дел А. Иден представил Черчиллю меморандум, в котором говорилось: «Необходимо, чтобы наши

¹ Согласно статьи 3-й Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23/VIII-1939 г. правительства Германии и Советского Союза обязались консультироваться друг с другом по «вопросам, затрагивающим их общие интересы». «Внешняя политика СССР», т. 4, стр. 443.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 16, д. 1, л. 78—83; д. 2, л. 117, л. 120—121.

³ Там же, д. 1, л. 78—79.

⁴ Там же.

победы в Северной Африке не повлекли за собой никакого ослабления бдительности со стороны турок и югославов, и мы делаем все возможное в политической сфере, чтобы добиться этого».¹ В тот же день Черчилль дал указание генеральному штабу принять необходимые меры к тому, чтобы воспрепятствовать продвижению немецких войск через болгарскую территорию. В письме к генералу Исмэю от 6 января 1941 года Черчилль писал: «...задержка любого продвижения немецких войск на Балканах до весны была бы для нас как нельзя более выгодна. Именно поэтому следует опасаться, что оно начнется раньше».² Черчилль предложил генеральному штабу принять меры к усилению оказания помощи Греции. «Для меня вполне ясно, — писал он Исмэю, — что после укрепления западного фланга в Египте необходимо в первую очередь оказать поддержку Греции».³ По расчетам Черчилля это должно было повлиять на позиции Турции, Югославии и Советского Союза. «Мы должны действовать таким образом, — писал Черчилль, — чтобы обеспечить вступление Турции в войну, если противник введет свои войска в Болгарию. Если позиция Югославии останется твердой и ей не будут угрожать, если греки захватят Валону и укрепятся в Албании, и если Турция станет нашим активным союзником, то, возможно, что позиция России изменится в благоприятную для нас сторону. Всякому ясно, с какими неприятностями, если не со смертельной опасностью, должно быть связано для России продвижение немецких войск к Черному морю или через Болгарию к Эгейскому морю».⁴

В своих мемуарах, опубликованных в период «холодной войны», Черчилль обвинял Советское правительство в том, что оно позволило немцам в 1940—1941 годах занять весь Балканский полуостров без всякого сопротивления со своей стороны, несмотря на то, что Румыния, Болгария, Югославия и Турция входили в зону жизненных интересов и безопасности Советского Союза. Все эти страны, писал Черчилль, могли быть объединены Советским правительством в январе 1941 года с активной помощью Англии, и на Балканах мог быть создан единый антигитлеровский фронт, однако Советское правительство не воспользовалось этой возможностью, в результате все балканские страны, за исключением Турции, попали в беду.⁵ По словам Черчилля, английское правительство стремилось в начале 1941 года объединить и воодушевить на борьбу с Германией Югославию, Грецию и Турцию. Если бы в результате усилий Англии, пишет Черчилль, Югославия, Греция и Турция стали дей-

¹ W. S. Churchill. The Second World War. Vol. III, London, 1950, p. 13.

² Ibid., p. 8.

³ Ibid., p. 9.

⁴ Ibid., p. 9—10.

⁵ Ibid., p. 315.

ствовать вместе, то либо Гитлер оставил бы Балканы в покое на некоторое время, либо объединенные силы связали бы там настолько крупные германские силы, что Гитлеру пришлось бы тогда отказаться от осуществления других военно-стратегических планов, но в Лондоне не знали, утверждал Черчилль, что «...Гитлер так далеко зашел с подготовкой гигантского вторжения в Россию. Если бы мы знали об этом, то мы бы почувствовали большую уверенность в успехе нашей политики. Мы бы могли тогда легко нарушить балканские приготовления Гитлера ради других, высших его намерений».¹

Яростные нападки Черчилля на Советский Союз не случайны: Черчилль знал в это время о подготовке германского нападения на Советский Союз. В период немецко-фашистской агрессии на Балканах правительство Черчилля стало нащупывать путь к закулисномуговору с Гитлером за счет Советского Союза и балканских стран, оно стремилось тогда отвлечь германские силы от Ламанша и от английских колониальных владений на Ближнем Востоке в сторону Советского Союза.

В своих мемуарах бывший государственный секретарь США К. Хэлл признал, что германское нападение на Советский Союз не было неожиданностью для госдепартамента США. В конце 1940—начале 1941 года правительство США получило ряд сведений о подготовке германского нападения на Советский Союз.² Американскому торговому атташе в Берлине С. Вудсу удалось узнать от лиц, связанных с рядом германских министерств и Рейхсбанком, о военных приготовлениях на Востоке, в январе 1941 года он передал в Вашингтон копию плана «Барбаросса».³ Бывший заместитель государственного секретаря С. Уэллес отметил в своих мемуарах, что в последние месяцы 1940 года из надежных источников, ставших доступными госдепартаменту, были получены сведения о том, что германское нападение на Советский Союз неминуемо. В начале января 1941 года полученная госдепартаментом информация устраняла всякие сомнения в этом. Германский генеральный штаб был согласен с Гитлером в том, что весной 1941 года должно быть принято внезапное нападение на Советский Союз.⁴ Правительство США сообщило об этих чрезвычайно важных донесениях из Берлина своему английскому союзнику.⁵ Таким образом, правительствам США и Англии стало известно о подготовке Германии к нападению на Советский Союз в самом начале осу-

W. S. Churchill. Op. cit., vol. 3, p. 84.

The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. New York, 1948, p. 967—968.

³ Л. В. Поздеева. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1939—1941 гг. М., «Наука», 1964, стр. 268.

⁴ S. Welles. The Time for Decision. New York—London, 1944, p. 170—171.

⁵ R. Sherwood. The White House papers of Harry L. Hopkins. On international History. Vol. 1, London, 1949, p. 299—300.

шествования операции «Марита», которая являлась важнейшей составной частью плана «Барбаросса». Полученная из Берлина секретная информация о подготовке германского нападения на Советский Союз была положена в основу англо-американской политики на Балканах и Ближнем Востоке.

Англичане не располагали достаточными силами на Ближнем Востоке для того, чтобы отразить германский и итальянский натиск, поэтому правительство Черчилля вновь использовало в борьбе против германского империалистического противника угрозу сближения с Советским Союзом и создания на Балканах антигерманского блока в составе Турции, Греции и Югославии. После назначения А. Идена министром иностранных дел (22 декабря 1940 г.) англо-советские отношения несколько улучшились, но существенных изменений в них не произошло. Английский буржуазный историк М. Беллофф отмечает, что развитие англо-советских отношений зависело не от частных вопросов, а определялось общей мировой ситуацией,¹ иными словами, английская политика по отношению к Советскому Союзу являлась частью «большой стратегии» Англии. Правительство Черчилля продолжало вести в отношении Советского Союза двойную игру: с одной стороны, оно как будто было склонно пойти на сближение с Советским Союзом,² с другой, — всячески препятствовало сближению Советского Союза с балканскими и ближневосточными странами. В конце 1940 — начале 1941 года А. Иден и другие руководители Форин оффис неоднократно обсуждали с советским послом в Лондоне И. М. Майским положение на Балканах и Ближнем Востоке, причем об этом сразу же становилось известно в Софии и Берлине. 1 января 1941 года болгарский посланник в Лондоне Н. Момчилов направил в Софию шифрованную телеграмму, в которой говорилось, что согласно полученным из достоверных источников сведениям 28 декабря 1940 года состоялась встреча между Иденом и И. М. Майским, во время которой обсуждался вопрос о возможных германских военных операциях на Балканах. Советский посол считал, писал Н. Момчилов, что улучшение болгаро-турецких отношений явилось бы серьезным препятствием на пути немцев в Болгарию, поэтому Советский Союз выступает за сближение Турции с Болгарией. Н. Момчилов обратил внимание своего правительства на то, что несмотря на отрицательное отношение болгарского правительства к советскому предложению о заключении пакта взаимопомощи между Болга-

¹ М. Beloff. The Foreign Policy of Soviet Russia. Vol. 2: London—New York—Toronto, 1952, p. 358.

² В шифрованной телеграмме БМИД от 13 января 1941 г. Н. Момчилов отметил, что «здесьнее Советское посольство явно пользуется расположением английского правительства с тех пор, как Иден возглавил Форин оффис» ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 83.

рией и Советским Союзом, в советском посольстве в Лондоне все еще считают, что болгарское правительство не дало окончательного ответа на предложение А. А. Соболева. Напротив, отказ болгарского правительства принять советское предложение был, по словам Н. Момчилова, «встречен в здешних руководящих кругах с явным одобрением».¹

Американский посол в Москве Штейнгардт дал знать болгарскому посланнику И. Стаменову, что в США с одобрением относятся к болгарскому политическому балансированию между Германией и Советским Союзом.²

Концентрация немецких войск в Южной Румынии, слухи о предстоящем присоединении Болгарии к тройственному пакту и опасность вступления немецких войск на болгарскую территорию вызвали сильную тревогу в Лондоне и Анкаре. Сообщение о тайной поездке Б. Филова в Германию было опубликовано в английских и американских газетах 3 и 4 января 1941 года, то есть в момент, когда он еще находился в Зальцбурге. В политических кругах Англии, говорилось в сообщении болгарского посланника в Лондоне, создалось убеждение, что Болгария находится под угрозой насильственных действий со стороны Германии.³ 8 января Иден вызвал к себе Н. Момчилова и обратил его внимание на тревожные сообщения из Софии. Английскому правительству не хотелось бы, сказал он, чтобы война охватила весь Балканский полуостров. Н. Момчилов заявил Идену, что поездка болгарского премьер-министра в Германию не носила политического характера,⁴ однако эта отговорка не убедила Идена. 9 января 1941 года английский посланник в Софии Дж. Рендел потребовал от болгарского правительства информировать его о поездке Б. Филова в Германию. Рендел спросил Б. Филова, верны ли слухи о том, что Болгария скоро изменит свою позицию. Б. Филов стал уверять английского посланника в том, что никаких перемен в болгарской позиции не предвидится. Рендел предупредил Б. Филова, что если болгарское правительство присоединится к тройственному пакту и пропустит через болгарскую территорию немецкие войска, то Англия будет считать Болгарию своим врагом и вместе с Турцией объявит ей войну, английский флот войдет в Черное море.⁵

Объективно зимой 1940—1941 года имелась возможность совместного, согласованного противодействия фашистской агрессии на Балканах и Ближнем Востоке со стороны Советского

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. Ш. т болгарского посланника в Лондоне — БМИД от 1 января 1941 г.

² Там же, л. 18, ш т болгарской миссии в Москве — БМИД от 3/1-41 г.

³ Там же, л. 40.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 53.

⁵ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, лл. 29—31. Дн. Б. Филова, запись от 9 января 1941 г.

Союза, Англии, балканских стран и Турции, все они фактически находились перед лицом общего врага: Англия продолжала войну с Германией; Советский Союз, балканские страны и Турция превратились или должны были превратиться в ближайшее время в очередные объекты фашистской агрессии, операция «Марита» и план «Барбаросса» являлись наглядным подтверждением этого. Советский Союз был жизненно заинтересован в сохранении мира на Балканах и в бассейне Черного моря. После оккупации Румынии немецко-фашистскими войсками и нападения фашистской Италии на Грецию, в целях обеспечения нейтралитета Болгарии и предотвращения распространения войны на весь Балканский полуостров Советское правительство предложило Болгарии заключить пакт о взаимопомощи. Несмотря на то, что это предложение соответствовало коренным интересам болгарского народа, царь Борис и правительство Б. Филова отклонили его. В первые два месяца 1941 года Советское правительство неоднократно давало знать в Софию о том, что советское предложение о заключении пакта о взаимопомощи сохраняет свою силу. Широкое народное движение за политическое сближение и экономическое сотрудничество с Советским Союзом возникло в Югославии. Греческий народ дал отпор итало-фашистским захватчикам и отбросил итальянскую армию от своих границ в Албанию, в случае совместных действий балканских стран против фашистских агрессоров греческая армия могла полностью очистить Албанию от итальянских войск.

Главная опасность балканским народам зимой 1940—1941 года угрожала со стороны блока фашистских агрессоров; гитлеровская Германия не участвовала до апреля 1941 года непосредственно в военных действиях против Греции, но к началу 1941 года ведущую роль в борьбе против Англии и ее союзников на Балканах, в Средиземном море и на Ближнем Востоке стала играть гитлеровская Германия, только при ее поддержке фашистская Италия могла продолжать войну против Англии и Греции. С начала 1941 года возникла серьезная угроза превращения Балкан в арену вооруженной борьбы между Германией и Англией.

Англия стремилась отстоять от натиска держав «оси» свои имперские коммуникации в Средиземном море и колониальные владения на Ближнем и Среднем Востоке, ей удалось сохранить союз с Турцией, после нападения фашистской Италии на Грецию правительство Черчилля заявило о вступлении в силу английских гарантий в Греции. 9 декабря 1940 года английские войска нанесли удар по итальянской армии в Ливии и затем до февраля 1941 года преследовали отступавшую итальянскую армию в Северной Африке.

Война Англии против держав «оси» в это время носила

сложный, противоречивый характер. С июля 1940 года Британские острова превратились в объект ожесточенных налетов германских военно-воздушных сил. Английский народ вел борьбу в защиту своей национальной независимости, и она была несомненно справедливой, но с осени 1940 года центр тяжести фашистской агрессии начал перемещаться с Запада на Восток и Юго-Восток, с этого времени возникла угроза нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и распространения фашистской агрессии на Балканы и Ближний Восток. Правительство Черчилля приняло все возможные меры к защите английских колониальных владений на Ближнем Востоке. В своей политике на Балканах, Ближнем Востоке и в Средиземном море в конце 1940 — начале 1941 года правительство Черчилля преследовало сугубо империалистические цели; тем не менее имелись определенные благоприятные предпосылки для сотрудничества между Англией и Советским Союзом. Для Советского Союза было далеко не безразлично, в руках какой из империалистических держав находился контроль над Балканами, Ближним и Средним Востоком. В первой половине 1941 года наибольшая опасность Советскому Союзу, балканским и ближневосточным странам угрожала со стороны гитлеровской Германии. Установление германского военно-политического и экономического контроля над Балканами, Ближним и Средним Востоком не только создало бы угрозу безопасности Советского Союза, но и обеспечило бы германскую военную машину нефтью, хромом и другим стратегическим сырьем. Борьба Англии против держав «оси» отвлекала часть сил фашистских агрессоров от Советского Союза и балканских стран и в известной мере способствовало ослаблению позиций гитлеровской Германии и фашистской Италии. Однако в течение года, предшествовавшего нападению Германии на Советский Союз, противники держав «оси» действовали порознь и часто в ущерб друг другу. Произошло это отнюдь не по вине Советского Союза, как утверждал Черчилль и повторяют вслед за ним английские и американские буржуазные историки, а потому, главным образом, что правительство Черчилля стремилось защитить метрополию и английские колониальные позиции на Ближнем Востоке путем отвлечения сил гитлеровской Германии в сторону Советского Союза и пограничных с ним стран в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Осенью 1940 года в Англии усилилось движение за сближение с Советским Союзом, английский народ, хотя и выиграл «битву за Англию», тем не менее понимал, что может полностью избавиться от опасности германского вторжения на Британские острова лишь при условии сотрудничества с Советским Союзом. Наибольшего размаха движение за сотрудничество с Советским Союзом достигло зимой 1940—1941 г. В январе

1941 года в Лондоне был созван Народный конвент, на котором было выдвинуто требование обеспечить англо-советское сотрудничество. Участники конвента — профсоюзный деятель Г. Адамс отметил, что английский народ ясно и твердо чувствовал необходимость единства с Советской Россией и глубоко ненавидел всех тех, кто открыто или путем темных интриг сеял рознь между Англией и Советским Союзом.¹ Правительство Черчилля при поддержке правых лидеров лейбористской партии прибегло к репрессиям против сторонников сближения с Советским Союзом, и, прежде всего, против передового отряда английских трудящихся — Коммунистической партии Великобритании. 21 января 1941 года по распоряжению министра внутренних дел — правого лейбориста Г. Моррисона было запрещено издание газеты «Дейли Уоркер» и журнала «Уик». Бернард Шоу заявил, что «Дейли уоркер» закрыта за то, что выступала за дружбу с Советским Союзом.² На Балканах и Ближнем Востоке английские империалисты стремились подавить революционное, антифашистское и национально-освободительное движения; в Греции они опирались на фашистский режим генерала Метаксаса, в остальных балканских странах поддерживали контакт с реакционной военщиной и проанглийски настроенными лидерами буржуазных политических партий.

В начале 1941 года правительство Черчилля обратилось в госдепартамент США с просьбой поддержать английскую политику на Балканах, и Вашингтон пошел навстречу. Правительство США начало оказывать на Болгарию все возрастающий дипломатический нажим, но американская политика по отношению к Болгарии была так же двойственной. Заместитель государственного секретаря США С. Уэллес предупредил болгарского посланника в Вашингтоне Дм. Наумова о том, что присоединение Болгарии к тройственному пакту произвело бы на правительство и общественное мнение США неблагоприятное впечатление.³ В своем сообщении в Софию Д. Наумов указал, что в американских политических кругах считают, что возможно и на этот раз Болгария выстоит перед германским дипломатическим давлением, но вряд ли она будет сопротивляться Германии, если та окажет на нее военный нажим.⁴ По вполне понятным причинам переброска немецко-фашистских войск в Южную Румынию вызвала сильную тревогу в Анкаре. Как только там были получены сообщения о переброске в Румынию 16-й германской танковой дивизии, турецкое правительство внес-

¹ В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., 1965, «Наука», 1965, стр. 186.

² В. Г. Трухановский. Указ. соч., стр. 157.

³ FR, 1941, vol. 1, p. 272.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 26.

ло в Меджлис законопроект о продлении осадного положения в европейской части Турции.¹

Во второй половине декабря 1940 года турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу и его заместитель Н. Менеменджиглу стали добиваться у германского посла в Анкаре фон Папена и болгарского посланника Саввы Кирова продолжения германо-турецких и болгаро-турецких переговоров, прерванных в конце 1940 года. По совету Папена Риббентроп согласился на продолжение германо-турецких переговоров с тем, чтобы не допустить укрепления англо-турецкого союза, но дал указание затягивать их до тех пор, пока Германия не сосредоточит достаточного количества войск в Южной Румынии.²

Тревога в Анкаре еще более усилилась после того, как там были получены сообщения о начавшейся массовой переброске немецких войск в Румынию и поездке Б. Филова в Германию. 4 января 1941 года Ш. Сараджоглу заявил Папену, что турецкое правительство собиралось уже отменить некоторые военные меры, предпринятые в конце 1940 года, но переброска новых германских войск в Румынию и поездка царя Бориса в Германию вновь вызвали в Турции беспокойство. В начале января 1941 года турецкий президент, в сопровождении министра обороны, предпринял инспекционную поездку в Восточную Фракию.³ 7 января 1941 года генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел Н. Менеменджиглу обратил внимание болгарского посланника С. Кирова на опасность продвижения немецких войск через болгарскую территорию на Юг. Н. Менеменджиглу спросил С. Кирова, согласно ли болгарское правительство договориться с Турцией взять на себя взаимные обязательства не пропускать иностранные войска через свою территорию, он предложил заключить между Болгарией и Турцией соглашение, в котором было бы ясно указано, что у Болгарии нет каких-либо агрессивных намерений в отношении Греции. Однако, в соответствии с инструкциями своего правительства, С. Киров согласился вести переговоры лишь по вопросам, касающимся болгаро-турецких отношений. Н. Менеменджиглу заметил в ответ на это предложение, что «турецкая программа переговоров очень широка, в то время как болгарская программа переговоров является слишком скромной», то есть дал понять болгарскому посланнику, что турецкое правительство склонно к заключению с Болгарией соглашения на приемлемой для него компромиссной основе. Н. Менеменджиглу обещал доложить своему правительству о болгарском предложении, при этом намекнул, что ему вполне понятно трудное положение Болгарии, которой приходится выбирать между присоединением к трой-

¹ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, д. 789, л. 9.

² DGFP, vol. XI, N 515, p. 872—873; N 548, p. 927; N 559, p. 944—945.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 31.

«троевненному пакту и заключением пакта о взаимопомощи с Советским Союзом.¹ Последнее замечание Н. Менеменджюглу имело особый смысл. Подобно своему английскому союзнику турецкое правительство не раз напоминало Софии и Берлину в трудные для себя времена о возможности сближения с Советским Союзом. На следующий день турецкий посол в Лондоне Т. Р. Арас заявил болгарскому посланнику Н. Момчилову, что «в Анкаре уже уверены в том, что Россия готова помочь Болгарии и Турции в случае насильственного германского нападения на них». Арас указал на то, что недавно Майский подтвердил ему это. Н. Момчилов отметил в сообщении своему правительству, что в английских официальных кругах разделяют эту точку зрения.² Заявление Араса произвело на болгарское правительство большое впечатление, 11 января болгарский министр иностранных дел И. Попов отправил в Берлин шифрованную телеграмму, в которой говорилось: «Арас заявил Момчилову, что Россия поможет Болгарии и Турции в случае насильственного германского нападения на них. Майский ему недавно подтвердил это».³ На следующий день болгарский посланник в Берлине Драганов прочитал текст этой телеграммы статс-секретарю германского министерства иностранных дел Вейцекеру, он сообщил ему также о предупреждении советского военного атташе в Софии болгарскому генеральному штабу. Болгария фактически уже является союзником держав «оси», сказал Драганов, но из-за военной неподготовленности не может немедленно присоединиться к троевненному пакту.⁴ Германское министерство иностранных дел прекрасно знало, к каким опасным последствиям могло привести присоединение Болгарии к троевненному пакту и особенно вступление немецких войск в Болгарию, но гитлеровцы продолжали идти напролом. 10 января 1941 года Папен предупредил германское министерство иностранных дел о том, что продолжение переброски немецких войск в Южную Румынию привлекает пристальное внимание политических и военных руководителей Турции. Турецкий генеральный штаб считает, писал Папен, что любое проникновение войск третьей стороны в Болгарию, которая является турецкой зоной безопасности, вынудит Турцию прибегнуть к вооруженному вмешательству. Папен был по-прежнему уверен в том, что Турцию можно удержать от вступления в войну на стороне Англии, но он считал, что одних германских дипломатических заверений Турции будет недостаточно, и потому предложил своему правительству заключить с ней договор, согласно кото-

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 36—37 Ш т. С. Кирова — БМИД от 8/1-1941 г.

² Там же, л. 61. Ш. т. Н. Момчилова — БМИД, от 8/1-41 г.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 62.

⁴ DGFP, vol. XI, N 649, p. 1083.

рому Германия должна была дать обязательство уважать целостность турецких границ и объявить 50-километровую полосу вдоль болгаро-турецкой границы буферной зоной; со своей стороны Турция должна была обязаться воздерживаться от предоставления Англии и Греции вооруженной помощи. Папен отметил, что решающим для определения будущей турецкой позиции является отношение Советского Союза к германскому проникновению на Балканы.¹

Вначале в Берлине игнорировали эти предостережения Папена и его советы действовать более осторожно, там полагали, что концентрация немецких войск в Южной Румынии приведет в скором времени к изменению настроений в правящих кругах Турции в пользу Германии. В инструкции Папену от 15 января 1941 года Риббентроп сообщил, что в ближайшее время количество немецких войск в Румынии достигнет таких размеров, что можно будет полностью отстранить Советский Союз от решения балканских дел; Германия сможет тогда моментально изгнать Турцию из восточной Фракии, Риббентроп назвал английские угрозы Болгарии «обычным блефом». Риббентроп дал указания Папену до 25 января 1941 года проявлять в переговорах с турками сдержанность и по возможности избегать обсуждения вопроса о переброске немецких войск на Балканы. После этой даты, говорилось в инструкции, можно будет открыто заявить туркам, что Германия готова дать молниеносный отпор любой английской угрозе и что вмешательство Турции в войну может привести к полному разрушению турецкого государства. В соответствии с указанием Риббентропа Папен должен был до 25 января по-прежнему уверять турецкое правительство в том, что Германия не намеревается нападать на Турцию и будет уважать турецкую границу во Фракии, но лишь в том случае, если Турция воздержится от оказания помощи Англии или Греции. «Но,— говорилось в инструкции,— пожалуйста, воздерживайтесь от предложения формального договора на этот счет. Пожалуйста, не упоминайте также об идее создания буферной зоны вдоль турецкой границы».² Инструкция Риббентропа свидетельствовала, во-первых, о вероломстве германской политики в отношении Турции, во-вторых, о той огромной опасности, которая нависла в начале 1941 года не только над балканскими странами, но и над Турцией.

В связи с англо-турецким нажимом и сообщениями о резко отрицательном отношении Советского Союза к возможному присоединению Болгарии к тройственному пакту и пропуску немецких войск через болгарскую территорию правительство Б. Филова вновь стало в середине января 1941 года на путь внешне-

¹ DGFP, vol. XI, N 634, p. 1064.

² DGFP, vol. XI, N 659, p. 1105—1106.

политических маневров между Германией, с одной стороны, и англо-турецким блоком, с другой. 12 января 1941 года премьер-министр Б. Филов выступил в Русе перед сторонниками правительства с большой речью, в которой заявил, что до последнего времени болгарское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы не только предотвратить вовлечение своей страны в войну, но и сохранить мир на Балканах, но, подчеркнул он, ныне мир или война зависят не от таких малых стран, как Болгария, поэтому нам следует быть готовыми ко всяким неожиданностям. «Мы должны быть всегда готовы,—заявил Б. Филов,—защищать наши жизненные интересы... Политика правительства всегда была направлена к миру и взаимопониманию, однако ни для кого не является тайной—ни у нас, ни за границей,—что мы всегда были ревизионистами, что мы всегда выступали за ревизию несправедливого Нейсского диктата». В своей речи Б. Филов утверждал, что «все иностранные идеологии чужды Болгарии» и что царь Борис и болгарское правительство будут придерживаться собственной политики. «Национал-социализм может быть хорош для Германии, фашизм для Италии и большевизм для России, но все они не подходят для Болгарии, не хочет Болгария превращаться и в легионерскую державу». Далее Б. Филов заявил, что его правительство «применит беспощадные меры ко всем тем, кто стремится нарушить порядок и спокойствие». «Можете быть уверены в том,—сказал премьер-министр,—что на болгарскую внешнюю политику не повлияют ни улица, ни кафе, ни площади».¹

Речь Б. Филова была построена таким образом, чтобы не тревожить Берлин и вместе с тем успокоить Англию и ее союзников, заявление о неприемлемости «чуждых идеологий», в том числе германского национал-социализма, было рассчитано главным образом на внутреннее употребление. В своей речи Б. Филов недвусмысленно дал понять Берлину, что его правительство готовится «ко всяким неожиданностям», то есть к включению Болгарии в гитлеровский блок, в то же время он обещал Лондону и Анкаре принять во внимание английские и турецкие интересы на Балканах и Ближнем Востоке. Болгарские монархо-фашистские правители все еще надеялись на возможность компромиссного соглашения и сговора между Германией и Англией на антисоветской основе и это полностью совпадало с интересами гитлеровской Германии. По всей вероятности речь Б. Филова от 12 января 1941 года была произнесена без ведома и согласия Берлина, во всяком случае, если иметь в виду инструкцию Риббентропа гитлеровскому послу в Анкаре от 15 января 1941 года, то цена обещаниям Б. Филова была невелика и тем не менее в Лондоне, Анкаре и Вашингтоне эту речь вос-

¹ ЦДИА, ф. 370, оп. II, д. 9246, л. 1—8.

приняли более, чем благосклонно. 13 января 1941 года болгарский посланник в Лондоне Н. Момчилов сообщил своему правительству, что «речь премьер-министра произвела большое впечатление и вся печать комментирует ее благоприятно».¹ Турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу заявил болгарскому посланнику в Анкаре 13 января, что речь Б. Филова произвела в Анкаре отличное впечатление. Он сообщил также, что турецкое правительство дало указание газетам комментировать эту речь в благоприятном духе.² Американский посланник в Софии Дж. Эрл обратил внимание Вашингтона на то, что наряду с премьер-министром Б. Филовым 13 января выступил с речью также болгарский министр внутренних дел П. Габровский, речь которого была пронизана антикоммунистическим духом и изобиловала антисоветскими выпадами.³ Помощник государственного секретаря Аттертон заявил болгарскому посланнику Д. Наумову, что речь Б. Филова свидетельствует о желании болгарского правительства «продолжать политику мира и не связывать себя (с гитлеровской Германией,— автор) и что если наступит какая-либо перемена,— то это произойдет по принуждению».⁴ В том же духе с Д. Наумовым беседовал начальник ближне-восточного отдела госдепартамента Мэррей. По его мнению, речь Б. Филова явилась, прежде всего, предупреждением против коммунистической опасности, но по необходимости болгарскому премьер-министру пришлось затронуть и другие идеологии. Мэррей отметил, что в своей речи Б. Филов выразил желание сохранить мир для Болгарии и не допускать ее превращения в орудие других государств, «но если события окажутся сильнее ее,— сказал Мэррей,— то на будущей мирной конференции никто не мог бы упрекнуть ее за это».⁵ Таким образом, два руководителя госдепартамента США, ведавшие балканскими вопросами, недвусмысленно дали понять болгарским монархо-фашистским правителям, что правительство США не будет возражать против перехода Болгарии на сторону Германии, но болгарское правительство должно при этом иметь в виду интересы Англии и ее турецкого союзника.

Англия стремилась воспользоваться обострением болгаро-турецких отношений в своих интересах. В начале 1941 года правительство Черчилля предприняло на Балканах ряд дипломатических маневров, которые были поддержаны правительством США. Английский посол в Анкаре Нэтчбул-Хьюджессен потребовал, чтобы турецкое правительство предупредило Софию о

¹ ЦДИА, ф. 1176, оп. 15, д. 1, л. 83.

² ЦДИА, ф. 1176, оп. 15, д. 1, л. 81.

³ FR, 1941, vol. 1, p. 278.

⁴ ЦДИА, ф. 1176 оп. 15, д. 1, л. 126. Ш. т. болгарского посланника в Вашингтоне — БМИД, от 16 января 1941 г.

⁵ Там же.

том, что в случае вступления немецких войск в Болгарию оно будет вынуждено принять соответствующие военные меры. По требованию английского посла Ш. Сараджоглу обратился к югославскому правительству с предложением обсудить вопрос о совместных действиях против Болгарии.¹ Бывший английский посол в Анкаре Нэтчбул-Хьюджессен отмечает в своих мемуарах, что зимой 1940—1941 года болгарское правительство опасалось вовлечения своей страны в войну и стремилось избежать этого.² В начале 1941 года с ведома и согласия своего английского союзника, турецкое правительство решило возобновить переговоры с Болгарией и Германией, прерванные в конце 1940 года. 13 января 1941 года, то есть на следующий день после выступления Б. Филова в Русе, Ш. Сараджоглу предложил болгарскому посланнику продолжить переговоры о заключении болгаро-турецкой декларации о ненападении, причем он согласился учесть при этом болгарскую точку зрения. Ш. Сараджоглу считал все же необходимым включить в текст болгаро-турецкой декларации несколько слов о Греции, которые могли бы успокоить ее, но С. Киров наотрез отказался включить в декларацию что-либо касающееся Греции. Тогда Сараджоглу поднял вопрос о необходимости обеспечить для Турции «экономический выход» в Европу.³ Таким образом, упоминание о Греции понадобилось министру иностранных дел лишь для того, чтобы поднять вопрос о будущей принадлежности Северного выступа греческой Фракии, по которому проходила железная дорога, связывавшая Турцию с Европой. Однако С. Киров отказался обсуждать и этот вопрос.⁴ В своем сообщении в Софию С. Киров отметил, что при заключении болгаро-турецкой декларации о ненападении ей следует придать как можно более «невинный характер», он предупредил болгарское правительство о том, что в Анкаре началось англо-турецкое военное совещание, в котором возможно принимают также участие греческие представители. На запрос С. Кирова о целях англо-турецкого военного совещания Сараджоглу заявил, что встреча английских и турецких военных представителей не выходит за рамки обычных военно-технических совещаний и что она не является признаком каких-либо изменений в политике Турции. С. Киров сообщил своему правительству, что Папен по-иному относится к англо-турецкому военному совещанию, по его мнению, усиление английского натиска на Турцию может изменить и характер этого совещания.⁵ Болгаро-турецкие переговоры в Анкаре свидетель-

¹ Н. Knatchbull-Hugessen. *Diplomat in peace and war*. London, 1949, p. 159.

² Ibidem.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 81, Ш. т. С. Кирова — БМИД от 13/1-41 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ствовали о том, что правительство Б. Филова и стоявшие за его спиной гитлеровцы не хотят связывать свои руки какими-либо определенными договорными обязательствами по отношению к Турции и ее английскому союзнику. Это незамедлило сказаться на позиции английского правительства. 15 января 1941 года «Форин офис» предупредил болгарского посланника в Лондоне Н. Момчилова о том, что «Англия будет считать присутствие немецких войск в Болгарии за соучастие в операциях против нее».¹ Таким образом, в середине января 1941 года Болгария вновь оказалась в центре дипломатической борьбы двух империалистических группировок.

Болгария имела возможность найти выход из этой сложной и опасной международной обстановки путем сближения с Советским Союзом. 17 января 1941 года Советское правительство предупредило Германию о том, что восточная часть Балканского полуострова входит в зону безопасности Советского Союза и поэтому оно не может оставаться безучастным к событиям в этом районе.² В ответе германского министерства иностранных дел на советское заявление говорилось, что «правительство Рейха конечно не имеет намерения никоим образом нарушать зону безопасности Советской России в случае прохождения немецких войск через Болгарию».³ Эти лицемерные заявления не могли конечно удовлетворить Советское правительство. 23 января 1941 года германский посол в Москве Шуленбург передал своему правительству новое предупреждение Советского правительства о том, что поскольку Болгария и черноморский бассейн входят в зону безопасности Советского Союза, оно выступает против появления вооруженных сил воюющих держав в этой зоне.⁴

В конце января 1941 года из Берлина стали распространяться слухи о том, что все трудности в германо-советских отношениях, связанные с проникновением немецких войск в Болгарию, удалось преодолеть, что между Москвой и Берлином достигнуто в отношении Болгарии соглашение, которое вполне соответствует германским пожеланиям.⁵ Советское правительство дало знать в Софию, что вопреки всякого рода слухам между Советским Союзом и Германией нет никаких соглашений относительно Балкан и что в целях обеспечения своей безопасности Болгария может рассчитывать на поддержку Советского Союза. Главная задача Советской внешней политики на Балканах в данный момент состоит в том, говорилось в телеграмме болгар-

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 112. Ш. т. Н. Момчилова — БМИД от 15/1-1941 г.

² История внешней политики СССР. Ч. I, М., 1966 г., стр. 376.

³ DGFP, vol. XI, N 681, p. 1155—1156; N 684, p. 1159—1160.

⁴ Ibid., N 694, p. 1172.

⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 5.

ского посланника из Москвы, чтобы воспрепятствовать появлению немцев в Болгарии и у Черноморских проливов. «В Москве рассчитывают на руссофильские и просоветские настроения болгар и непрочь создать на Балканах какую-либо комбинацию с участием Болгарии, а возможно и Югославии».¹ Советское правительство изъявляло готовность оказать болгарскому народу экономическую помощь. 17 января 1941 года советский полпред в Софии предложил болгарскому министерству иностранных дел в ближайшее время приступить к переговорам о заключении нового торгового соглашения на 1941 год. 23 января 1941 года правительство Б. Филова обещало «направить в ближайшее время в Москву болгарскую делегацию для переговоров о разработке плана экономических отношений и товарообмена между Болгарией и Советским Союзом на 1941 год».² Однако это был лишь маневр, с помощью которого правительство Б. Филова стремилось отвлечь внимание болгарского народа и Советского правительства от закулисных тайных переговоров, которые оно вело в это время с Германией, Англией, США и Турцией.

13 января одновременно в Берлине и Софии начались тайные переговоры о присоединении Болгарии к тройственному пакту и пропуске немецких войск через болгарскую территорию к границам Греции. В этот день только что вернувшийся из Берлина в Софию германский посланник фон Рихтгофен потребовал от премьер-министра Б. Филова и министра иностранных дел И. Попова дать ясный ответ на германские предложения. Оба они дали свое согласие на тайные военные переговоры между представителями германского и болгарского генеральных штабов, но заявили, что ни София, ни Бухарест не являются подходящим местом для такого рода переговоров, так как будет невозможно сохранить их в секрете. Английский посланник Рендел и так уже знает о поездке болгарского премьер-министра в Германию и потребовал сообщить ему о содержании болгаро-германских переговоров.³ Б. Филов обратил внимание германского посланника также на то, что советские военные атташе в Болгарии и Румынии предупредили представителя болгарского генерального штаба об опасных последствиях пропуска германских войск через Болгарию.⁴ Рихтгофен отметил в своем донесении в Берлин, что после прибытия германских дивизий в Румынию в Софии считают, что опасность нападения со стороны Турции несколько уменьшилась, но болгарское правительство

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 76, Ш. И. Стаменова — БМИД от 28 января 1941 г.

² В. Хаджиниколов. Стопански отношения и връзки между България и Съветския съюз до Девети септември (1917—1944). София, 1956, стр. 226.

³ DGFP, vol. XI, N 648, p. 1080—1081.

⁴ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 34. Дн. Б. Филова, запись от 13/I-1941 г.

боятся, что в случае присоединения Болгарии к тройственному пакту английские самолеты подвергнут бомбардировке болгарские города, а это может иметь весьма отрицательные психологические последствия. Как только в Софии сочтут, что германская защита против такого рода опасности обеспечена, то сразу же наступит час для присоединения Болгарии к тройственному пакту.¹

В тот же день болгарский посланник в Берлине П. Драганов сообщил статс-секретарю германского министерства иностранных дел Вейцекеру, что несмотря на весьма опасную обстановку на Балканах, болгарское правительство готово присоединиться к тройственному пакту, но считает необходимым предварительно договориться с Германией по ряду интересующих его вопросов. Болгария может присоединиться к тройственному пакту лишь после того, как будет обеспечена ее безопасность. Он указал на возможность совместного противодействия этому со стороны СССР, Турции, Югославии и Англии. П. Драганов предложил немедленно приступить к военным переговорам. Он сообщил, что два представителя болгарского генерального штаба готовы выехать в Германию для военных переговоров. Драганов отметил, что необходимо также выяснить позицию Германии относительно болгарских территориальных требований к Греции. Болгария должна получить в ближайшее время выход к Эгейскому морю между реками Марица и Струма. Болгарское правительство согласно отложить решение македонского вопроса до окончания войны, но Германия не должна соглашаться на передачу Салоник Югославии. Драганов сообщил Вейцекеру, что как только германское правительство даст ответ по интересующим болгарское правительство вопросам, он немедленно выедет в Софию для консультаций со своим правительством.

В ответ на это Вейцекер заявил, что болгарское правительство требует решить ряд конкретных вопросов еще до того, как оно присоединится к тройственному пакту, он расценил это как шаг назад по сравнению с тем, о чем договаривались Гитлер и Риббентроп с Б. Филовым 4 января 1941 года. Однако Драганов не согласился с этим, переговоры Б. Филова с Гитлером и Риббентропом имели лишь предварительный характер; теперь болгарское правительство должно принять окончательное решение о присоединении к тройственному пакту.²

15 января 1941 года Вейцекер сообщил П. Драганову, что Гитлер в принципе согласен на предоставление Болгарии выхода к Эгейскому морю от устья Марицы до устья Струмы, но при том условии, если болгарское правительство согласится с уста-

¹ DGFP, vol. XI, N 648, p. 1080—1081.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 132—139. Письмо П. Драганова—БМИД от 13/1—41 г.

новленной германским правительством датой присоединения к тройственному пакту.¹ Вейцекер сообщил, что германское правительство согласно приступить в ближайшее время к военным переговорам с Болгарией, эти переговоры поручено вести штабу германской 12-й армии в Южной Румынии.²

В тот же день П. Драганов выехал в Софию, у Вейцекера создалось впечатление, что он намерен уладить в Софии вопрос о присоединении Болгарии к тройственному пакту.³ В сообщении германского министерства иностранных дел германской миссии в Софии по этому вопросу говорилось, что точное время вступления немецких войск в Болгарию еще не установлено, вероятно, это будет осуществлено через две-три недели после сосредоточения достаточного количества войск на румыно-болгарской границе, это будет зависеть также от погоды и толщины льда на Дунае. Германский посланник в Софии должен был уведомить болгарское правительство о том, что снабжение немецких войск на болгарской территории продовольствием и всеми необходимыми материалами будет осуществляться из германских фондов.⁴ В инструкции германскому посланнику в Софии говорилось, что, если, вопреки ожиданию, болгарское правительство начнет вновь колебаться по вопросу о присоединении к тройственному пакту или относительно пропуска германских войск в Болгарию, то он должен будет предупредить болгарское министерство иностранных дел, что германское правительство уже приняло решение в одностороннем порядке и отдало необходимые военные приказы. Если и в этом случае болгарское правительство стало бы колебаться, то германский посланник должен был предупредить его о «тяжелых последствиях, которые это может иметь непосредственно для Болгарии, для ее настоящей и будущей позиции».⁵ Таким образом, германские требования к Болгарии носили фактически ультимативный характер. Германское правительство решило использовать все возможные средства давления на болгарское правительство. Прежде всего гитлеровцы вновь начали разжигать румыно-болгарские споры по добруджанскому вопросу, кроме того, они поощряли борьбу за власть в Болгарии между сторонниками премьер-министра Б. Филова, с одной стороны, и сторонниками министра земледелия И. Багрянова, с другой.

Согласно Крайовскому соглашению от 6 сентября 1940 года Румыния вернула Болгарии Южную Добруджу, Болгария дол-

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 151. Письмо Драганова — БМИД от 15/1-41 г.

² DGFP, vol. XI, N 662, p. 1113.

³ Ibid., N 656, p. 1101—1103; N 658, p. 1104—1105.

⁴ DGFP, vol. XI, N 660, p.p. 1107—1108. Такое заверение было дано Рихтгофеном болгарскому министру иностранных дел И. Попову 16.I.1941 г. ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 37.

⁵ DGFP, vol. XI, N 660, p. 1108—1109.

жна была выплатить в качестве компенсации за румынские капиталовложения в Южной Добрудже 1 млрд. лей. Однако в дальнейшем обе стороны стали на путь нарушения Крайовского соглашения. Румынское правительство рассчитывало с помощью Германии вновь захватить Южную Добруджу, больше того, оно вынашивало план установления румынской гегемонии над всем Балканским полуостровом. В меморандуме генерала Антонеску, врученном Гитлеру 15 января 1941 года, говорилось: «Румынское правительство рассчитывает на то, что Германия признает за Румынией в Новой Европе... региональную гегемонию».¹ Болгарский посланник в Бухаресте сообщил своему правительству, что во время встречи с Гитлером 15 января 1941 года генерал Антонеску просил его взамен согласия Румынии сотрудничать с Германией предоставить Румынии соответствующие территориальные компенсации, в том числе вернуть ей Южную Добруджу.²

Болгарские правящие круги также вынашивали план создания «великой Болгарии» от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Адриатического.

Правительство Антонеску отказалось принять румынское население из Южной Добруджи, в свою очередь болгарское правительство отказалось внести 15 января 1941 года первый взнос в счет компенсации в сумме 500 млн. лей.³ Гитлеровцы немедленно воспользовались нарушением Крайовского соглашения в своих интересах. Германское правительство потребовало от болгарского правительства передать ему изъятые из обращения в Южной Добрудже румынские денежные знаки в сумме около 500 млн. лей.⁴

После зальцбургских переговоров гитлеровцы начали вести против болгарского премьер-министра Б. Филова и министра иностранных дел И. Попова кампанию, причем первые нападки на них были сделаны через румынскую печать. В румынской газете «Курентул» было напечатано сообщение о предстоящей смене правительства в Болгарии, газета предсказывала назначение новым премьер-министром вместо «заболевшего» Б. Филова министра земледелия И. Багрянова, в качестве кандидата на пост министра иностранных дел называлось имя болгарского посланника в Берлине П. Драганова.⁵ Другая румынская газета «Порунка времий» опубликовала сообщение из Берлина, в котором говорилось: «В берлинских кругах утверждают, что в связи с событиями, которые должны развернуться в Юго-Восточной Европе, в которых Болгария должна играть особенно

¹ DGFP, vol. XI, N 661, p. 1110.

² ЦДИА ф. 173, оп. 15, д. 1, л. 131.

³ Там же, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 32.

⁴ Там же.

⁵ «Curentul», 8.1.1941.

важную роль, в Софии подготавливаются внутривластные изменения». Далее в газете сообщалось о предстоящей замене Б. Филова на посту премьер-министра И. Багряновым и ожидавшемся назначении новым министром иностранных дел в Болгарии П. Драганова.¹

Через несколько дней в кампанию против Б. Филова и И. Попова включилась и германская печать. 12 января 1941 года газета «Форстер Тагеблат» опубликовала статью, в которой говорилось о «плохом внутривластном положении» в Болгарии. Газета обвиняла правительство Б. Филова в том, что оно «не имеет никакой внешней политики», что оно получило в сентябре 1940 года Южную Добруджу «без каких-либо усилий со своей стороны, а теперь предъявляет новые неограниченные претензии».²

Сообщение германских и румынских газет о предстоящей смене болгарского правительства вызвали у царя Бориса и Б. Филова сильное беспокойство, царь Борис начал опасаться, как бы с помощью гитлеровцев Драганов не превратился в «германского гаулейтера» в Болгарии.³ В целях предотвращения возможности сговора между И. Багряновым и П. Драгановым царь Борис и Б. Филов приняли меры к тому, чтобы воспрепятствовать встрече между ними в Софии, Б. Филов обвинил П. Драганова в том, что тот вышел за рамки данных ему инструкций и кроме военных и территориальных вопросов начал обсуждать в Берлине политические, по которым в Зальцбурге уже были, в принципе, приняты решения. Все это, по словам Б. Филова, «и вызвало в Берлине недовольство позицией болгарского правительства».⁴

Германский нажим способствовал усилению капитулянтских настроений среди болгарских монархо-фашистских правителей. 20 января 1941 года царь Борис и «четверка» приняли решение о присоединении Болгарии к тройственному пакту при том условии, если Германия не будет требовать от Болгарии военной помощи и если снабжение немецких войск на болгарской территории будет осуществляться из германских фондов. На этом совещании было также одобрено предложение о заключении между Болгарией и Турцией соглашения о ненападении.⁵

В тот же день решения, принятые царем Борисом и «четверкой», были единодушно одобрены всем составом болгарского правительства, только И. Багрянов пытался было возражать по какому-то второстепенному вопросу, но и он высказался за присоединение Болгарии к тройственному пакту. Б. Филов отметил

¹ «Porunca vremii», 10.1.1941.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 109.

³ Там же, л. 110.

⁴ ЦДИА, ф. 456, оп. 4, д. 4, л. 41.

⁵ Там же, л. 44.

в своем дневнике: «Это было бесспорно самое важное заседание, которое мы имели до настоящего времени».¹ 20 января 1941 года Б. Филев сообщил германскому посланнику Рихтгофену о принятых болгарским правительством решениях. Он указал при этом на необходимость принять все меры к тому, чтобы предотвратить возможное нападение на Болгарию со стороны Турции или Югославии.

Рихтгофен известил болгарского премьер-министра о предстоящем приезде в Софию Г. Нейбахера, которому германское правительство поручило вести экономические переговоры с Болгарией. В ответ на это Б. Филев заметил: «Мы и сами готовились поднять перед германским правительством ряд экономических вопросов, но, опасаясь, как бы в Берлине не сочли это за новую попытку отсрочить присоединение Болгарии к тройственному пакту».²

Во время германо-болгарских экономических переговоров с 23 января по 2 февраля 1941 года Г. Нейбахер потребовал, вопреки всем ранее данным германским правительством обещаниям, чтобы болгарское правительство взяло на себя снабжение германской армии продовольствием, больше того, он потребовал также, чтобы болгарское правительство оплачивало все расходы, связанные с транспортировкой, продовольственным снабжением и содержанием немецких войск в Болгарии. Царь Борис и правительство Б. Филова сильно боялись Нейбахера. Они считали его «автором» железногвардейского мятежа в Румынии и опасались, что он может использовать против них все доступные ему средства нажима, вплоть до отстранения их от власти и замены людьми, полностью послушными Берлину.³ Во время пребывания в Софии Нейбахер встретился с царем Борисом, премьер-министром Филевым, министром иностранных дел И. Поповым, военным министром генералом Т. Даскаловым, министром финансов Д. Божиловым, министром торговли и промышленности Загоровым и всюду он неизменно настаивал на принятии новых германских требований, в этом ему усердно помогал гитлеровский посланник в Софии фон Рихтгофен, 27 января 1941 года Рихтгофен сообщил Б. Филеву о том, что в Берлине относятся к болгарскому правительству с недоверием, что там получены сведения, свидетельствующие об англофильских настроениях царя Бориса.⁴ Главную роль в германских интригах в Софии гитлеровцы предназначали играть министру земледелия Ивану Багрянову, который стремился любым путем добиться отставки Б. Филова с поста премьер-министра и занять его место. И. Багрянов был близок к царю Борису, имел

¹ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, л. 46.

² ЦДИА, ф. 456, оп. 1, л. 4, л. 44—45.

³ H. Neubacher. Sonderauftrag Südost 1940—1945. Göttingen, 1957, s. 67.

⁴ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, л. 4, л. 59.

несколько приверженцев в составе болгарского правительства и более сорока депутатов в болгарском парламенте. Он пользовался большим влиянием среди зажиточного крестьянства, вместе с болгарским посланником в Берлине П. Драгановым и ярым реакционером бывшим военным министром генералом Луковым Багрянов готовился к захвату власти.¹ 31 января 1941 года И. Багрянов выступил в болгарском парламенте с большой речью, в которой подверг резким нападкам экономическую политику правительства Филова, он потребовал использовать в болгарской экономической политике «германский опыт».² Парламент принял решение опубликовать речь И. Багрянова отдельным оттиском в количестве 200 000 экземпляров. Министр финансов Д. Божилов и министр торговли и промышленности Загоров, руководившие финансово-экономической политикой болгарского правительства, были склонны поддержать И. Багрянова. Все свидетельствовало о том, что И. Багрянов перешел в открытое наступление против премьер-министра Б. Филова и стремится вызвать правительственный кризис.³

В тот же день вечером состоялось заседание совета министров. Перед его открытием к Б. Филову явился Нейбахер и потребовал от него, чтобы на следующий день утром болгарское правительство подписало предложенный им проект «Соглашения о финансировании и снабжении германских войск в Болгарии». Нейбахер, несомненно, рассчитывал на то, что под угрозой отстранения от власти Б. Филов уступит, и он не ошибся в своих расчетах. Б. Филов принял новые германские требования, но для того, чтобы удержать власть в своих руках и выиграть время, необходимое для устранения соперников в борьбе за власть, он согласился вначале лишь парафировать это соглашение. Окончательно оформление сделки было отложено до заключения военного соглашения между Германией и Болгарией. Для того, чтобы отрезать путь Б. Филову к отступлению, Нейбахер взял у него письменное обязательство, в котором указывалось, что соглашение вступает в силу немедленно. Болгарское правительство должно было незамедлительно выделить часть денег, затребованных Нейбахером для организации продовольственного снабжения немецких войск.⁴ Правительство Б. Филова обязалось покрыть все расходы, связанные с пребыванием немецких войск в Болгарии, стоимость этих расходов заносилась на клиринговый счет Болгарского Народного банка в германской кредитной кассе. В статье 5 соглашения указывалось,

¹ «Отечествен фронт», 1944, 28 декабря.

² Стенографски Дневници на XXV ОНС, 2 рс. Книга IV, стр. 1290—1298; ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 69.

³ Б. Филов отметил в своем дневнике, что ни разу до этого ни в правительстве, ни в парламенте И. Багрянов не выступал с такими обвинениями. ЦДИА, ф. 456, оп. 1 д. 4, л. 69.

⁴ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 72.

что снабжение германских войск продовольствием, фуражем и другими материалами будет осуществляться путем подвоза из Германии, покупка продовольствия и материалов в Болгарии будет допускаться только в виде исключения.¹ Эта статья была включена Нейбахером в соглашение лишь для отвода глаз, в действительности снабжение немецких войск продовольствием и другими материалами должно было осуществляться с самого начала пребывания немецких войск на болгарской территории только за счет Болгарии и исключительно из болгарских фондов.

Для финансирования расходов, связанных с закупкой продовольствия, транспортировкой немецких войск, строительством казарм и арендой жилых помещений для немецких солдат и офицеров, а также с выдачей жалования немецким солдатам и офицерам в период пребывания на болгарской территории, Болгарский Народный банк должен был в условленные сроки выделять определенные суммы болгарских денег. Денежные выплаты немецким солдатам и офицерам должны были осуществляться через германскую интендантскую службу. Суммы, необходимые на приобретение продовольствия, фуража и различных материалов, должны были перечисляться на счет главного интендантства — болгарской армии. При заключении «соглашения Нейбахера» была достигнута договоренность о том, что первый взнос на организацию продовольственного снабжения немецких войск в размере 500 млн. левов болгарское правительство сделает в ближайшие дни.³

Параллельно с германо-болгарскими переговорами по продовольственным и финансовым вопросам в ставке командования 12-й германской армии в Румынии велись военные переговоры между представителями германского верховного командования и болгарского генерального штаба. Германская сторона на этих переговорах была представлена начальником штаба 12-й армии генералом Грейфенбергом. Болгарская делегация возглавлялась генералом Бойдевым. В ходе германо-болгарских военных переговоров генерал Грейфенберг потребовал, чтобы во время форсирования Дуная и продвижения немецких войск через болгарскую территорию к греческой границе болгарские вооруженные силы в составе не менее шести дивизий охраняли болгаро-турецкую границу. В случае нападения Турции на Болгарию болгарские войска должны были сдерживать продвижение турецких войск до подхода частей 12-й германской армии. Грейфенберг потребовал также, чтобы накануне вступления немецких войск в Болгарию была проведена полная мобилизация.⁴ Болгарская

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 1, д. 2178, л. 2—3.

² Там же, л. 31/32.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, д. 2178, л. 4. Приложение 1 к «соглашению Нейбахера».

⁴ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 54.

делегация согласилась на военное сотрудничество с Германией во время продвижения германских войск через болгарскую территорию, но она настаивала на том, чтобы германское верховное командование ввело в Болгарию как можно большее количество войск и обеспечило их быстрейшее продвижение к турецкой и греческой границам. Глава болгарской военной делегации генерал Бойдев выразил желание, чтобы германское правительство не требовало присоединения Болгарии к тройственному пакту до вступления немецких войск на болгарскую территорию.¹

2 февраля 1941 года глава болгарской делегации генерал Бойдев и начальник штаба 12-й германской армии генерал Грейфенберг подписали протокол о военном сотрудничестве между Германией и Болгарией. В статье 1 указывалось, что болгарские вооруженные силы не будут участвовать в германских наступательных операциях против Греции или Турции, но болгарская армия должна была участвовать в обеспечении создания «нового порядка» на Балканах.

Согласно статьи 2 протокола до выхода немецких войск к греческой и турецкой границам, болгарское командование должно было сосредоточить на болгаро-турецкой границе не менее шести дивизий, а также увеличить численность болгарских войск на греческой и югославской границах. В дальнейшем эти войска предполагалось использовать для обороны тех участков фронта, где германские силы не должны были предпринимать наступательных операций. Болгарское командование согласилось приступить немедленно к скрытой мобилизации и сосредоточению болгарских войск в южных районах страны, германское верховное командование обещало оказать болгарской армии помощь вооружением. Командование 12-й армии обязалось послать как можно быстрее на болгаро-турецкую и болгаро-греческую границы достаточное количество немецких войск и направить туда прежде всего танковые дивизии. Германские военно-воздушные силы должны были прикрывать с воздуха переправу через Дунай и южные болгарские границы. С этой целью предусматривалось создание германских военно-воздушных баз вблизи Софии и Пловдива. В статье 3 говорилось о необходимости сохранения в тайне военных приготовлений и обеспечения неожиданности присоединения Болгарии к тройственному пакту. В статье 4 указывалось, что если во время германских операций против Греции Болгария подвергнется нападению со стороны Турции, то германское верховное командование примет все меры, чтобы разгромить Турцию. То же самое относилось и к Греции. В случае нападения на Болгарию с югославской территории германские войска должны были предпринять наступление.

¹ DGFP, vol. XI, N 704, p. 1185.

против Югославии. В протоколе указывалось, что германское верховное командование имеет на Востоке достаточное количество войск, готовых действовать против Советского Союза. В этих целях предусматривалось также возможное использование румынской армии и немецких войск, находившихся в Румынии. Германское и болгарское командование договорились о согласовании военных действий на Черноморском побережье. Согласно статье 5, командование 12-й германской армии должно было воздерживаться от сосредоточения в Софии крупных германских сил и не допускать пребывания в болгарской столице германских штабов. В статье 6 говорилось, что снабжение немецких войск во время их прохождения через болгарскую территорию и военных действий против Греции или Турции будет осуществляться из германских запасов, но в целях разгрузки железных дорог и других видов транспорта Болгария должна оказать помощь немецким войскам продовольствием. Для обеспечения снабжения и установления необходимого контроля над экспортом и импортом предусматривалось создание специальной комиссии. В протоколе определялся также порядок использования немецкими войсками болгарских железных дорог и средств связи.¹ Таким образом, болгарское монархо-фашистское правительство добровольно согласилось на оккупацию своей страны немецко-фашистскими войсками и взвалило на плечи болгарского народа все расходы, связанные со снабжением и содержанием немецких войск на юге Балкан.

В середине января 1941 года Англия и ее турецкий союзник усилили дипломатический и военный нажим на Болгарию с целью заставить стоявшую за ее спиной гитлеровскую Германию отказаться от дальнейшего продвижения через Турцию и Сирию на Ближний Восток. Англичане дали знать болгарскому посланнику в Анкаре Савве Кирову, что открывшееся в Анкаре англо-турецкое военное совещание имеет цель обеспечить действенное военное сотрудничество между Англией и Турцией. Турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу продолжал уверять болгарского посланника, что Турция намерена придерживаться оборонительной позиции. С. Киров отметил в телеграмме болгарскому министерству иностранных дел, что Сараджоглу занимает умеренную позицию и явно стремится к продолжению болгаро-турецких переговоров.² «Долг обязывает меня, однако, обратить ваше внимание на то, что было бы не-

¹ DGFP, vol. XII, N 39, p. 67—71; Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (в дальнейшем — КТВ/ОКВ). Bd. I. Frankfurt am Main, 1965, s. 1001—1004.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 123.

удобно и неудачно, если бы перемена произошла до завершения переговоров о двусторонней декларации...».¹ Иными словами, С. Киров советовал своему правительству воздержаться от пропуска немецких войск и от присоединения Болгарии к тројственному пакту до завершения переговоров о заключении болгаро-турецкой декларации о ненападении.

18 января С. Киров сообщил в Софию следующий текст турецкого проекта болгаро-турецкой декларации о ненападении: «Болгарское и турецкое правительства, после того, как констатировали достигнутые счастливые результаты от обмена взглядами, к которым они приступили для того, чтобы определить смысл своей внешней политики в связи с их взаимными интересами, а также с их общей целью сохранить неизменное доверие и дружбу между двумя соседними странами, верные духу декларации, которая была заключена в результате переговоров в Софии между господами Кыосеивановым и Нуманом Менеменджиоглу; в своем желании продолжать в отношении друг друга ту политику доверия, которая послужит в труднейший момент обеспечению мира и спокойствия, через взаимное уважение их безопасности; решили приступить к новому обмену взглядами о вышеуказанных событиях и согласились относительно следующей констатации: 1. Болгария и Турция считают в качестве неизменной основы их внешней политики воздержание от всякого нападения».²

Переговоры о заключении болгаро-турецкой декларации о ненападении лишь формально велись между Болгарией и Турцией, фактически за их спиной стояли Германия и Англия, от воли и согласия которых и зависело, в конечном счете, заключение этого соглашения. 20 января 1941 года правительство Б. Филова сообщило текст турецкого проекта декларации германскому посланнику в Софии Рихтгофену, при этом оно уведомило его о том, что примет турецкий проект декларации лишь в том случае, если она будет одобрена в Берлине.³

В Анкаре и Лондоне знали, что заключение болгаро-турецкой декларации зависит прежде всего от согласия Германии, там опасались, что после завершения концентрации немецких войск в Румынии германское правительство усилит свой нажим на Турцию. Англия и Турция стремились договориться с Болгарией и Германией на взаимоприемлемой основе до вступления немецких войск на болгарскую территорию, поэтому, не дожидаясь ответа из Софии на турецкие предложения, Сараджоглу сообщил 20 января 1941 года проект декларации о ненападении между Болгарией и Турцией германскому и итальянскому послам в Анкаре, оба они одобрили этот проект без каких-либо

ЦДИА, ф. 176, оп. 115, д. 1, л. 129.

Там же, л. 161.

³ DGFP, vol. XI, N 714, p. 1203, f-n, 1, 2.

возражений со своей стороны.¹ Несмотря на это, английский посол в Анкаре Нетбулл-Хьюджессен относился к болгаро-турецким переговорам с недоверием, он опасался, что они могут быть сорваны немцами. В своем донесении в Софию С. Киров отметил, что английский посол «выступал за установление истинной солидарности между Болгарией и Турцией против германской опасности, которая угрожала Балканам».² Английское правительство выступило в это время с некоторым запросом. Английское командование на Ближнем Востоке вело подготовку к отправке британских войск на Балканы. Одновременно с этим из Анкары стали распространяться слухи об успешном ходе англо-турецких военных переговоров. В конце января — начале февраля 1941 года глава английской военной миссии в Турции генерал Маршалл-Корнуол и вице-маршал авиации Элмхерст совершили инспекционную поездку по турецкой Фракии.³ Все это должно было свидетельствовать о решимости Англии защищать свои позиции на Ближнем Востоке.

*

Тем временем военные действия на итало-греческом фронте в Албании развивались неблагоприятно для фашистской Италии. С декабря 1940 года по март 1941 года итальянское командование перебросило в Албанию 10 пехотных дивизий и 18 отдельных батальонов. К моменту нападения гитлеровской Германии на Грецию на итало-греческом фронте находилось: 26 итальянских дивизий, в том числе 1 танковая, 7 отдельных полков и более 30 отдельных батальонов.⁴

В январе 1941 года греческие силы на албанском фронте состояли из 12 пехотных и 1 кавалерийской дивизии.⁵ Английская помощь Греции была по-прежнему весьма ограниченной, в начале 1941 года в Греции находилось всего 24 истребителя и 28 бомбардировщиков из английских военно-воздушных сил. Как отмечает Папагос, английские самолеты редко использовались на албанском фронте, английское командование приберегало их на случай действий против немцев на греко-болгарской границе. «Кроме этих английских военно-воздушных сил,—пишет Папагос,—никаких других английских сил, ни сухопутных, ни зенитной артиллерии, никаких других специальных формирований не участвовало в борьбе с итальянцами в нашей стране».⁶

¹ ЦДИО, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 12. Шифрованная телеграмма С. Кирова — БМИД от 20/1-1941 г.

² Там же.

³ «New York Times», 4.II.1941.

⁴ A. Papagos. Grcka u ratu, str. 297—298.

⁵ Ibid., str. 305.

⁶ Ibid., str. 298.

Несмотря на большой численный перевес и лучшее вооружение, итальянские вооруженные силы на итало-греческом фронте продолжали терпеть поражения одно за другим. В начале 1941 года новый командующий итальянскими силами в Албании генерал Каваллеро начал готовиться к наступлению. Итальянское командование рассчитывало на перевес итальянских сил над греческими, а также на отвлечение греческих сил на греко-болгарскую границу. 1 января 1941 года Муссолини заявил германскому послу в Риме Макензену, что «скоро в Албании ветер подует в другую сторону». Он указал, что там уже сосредоточено 20 итальянских дивизий и что в ближайшее время туда будет направлено еще 5 дивизий. В случае присоединения Болгарии к тройственному пакту, сказал Муссолини, Югославия вынуждена будет последовать ее примеру. В этих условиях можно считать, что судьба Греции фактически уже предreshена.¹ 2 января 1941 года Чиано отметил в своем дневнике, что внутриполитическое положение в Греции обострилось, Болгария, кажется, решила связать свою судьбу с осью, греческий военный атташе в Будапеште считает, что вряд ли в этих условиях Греция может продолжать войну.² Капитулянтские настроения были сильны в окружении греческого короля Георга II Глюксбурга. 7 января 1941 года принц Петр, возглавлявший миссию связи между греческими и английскими силами, дал американскому военному атташе в Афинах Бейкеру весьма пессимистическую оценку положения греческой армии на албанском фронте. Он сказал, что итальянская армия в Албании уже насчитывает в своих рядах 350 тыс. человек и продолжает увеличиваться, сопротивление итальянской армии нарастает, греческая армия испытывает большие трудности со снабжением и транспортом.³

Слухи о предстоящем итальянском наступлении в Албании встревожили гитлеровцев. 4 января 1941 года Макензен спросил у Чиано, что имел в виду Муссолини когда сказал, что скоро погода изменится в Албании? В ответ на это Чиано заявил, что греки полностью использовали свои наступательные возможности и генерал Каваллеро рассчитывает с помощью вновь прибывших дивизий нанести контрудар, который явится поворотным моментом в итало-греческой войне.⁴ В тот же день глава германской военной миссии в Италии генерал Э. фон Ринтелен выехал в Албанию для того, чтобы выяснить обстановку на итало-греческом фронте. В это время греческая армия возобновила наступление. 10 января греческие войска заняли Клинсуру, в результате чего был ликвидирован итальянский выступ, вклинивавшийся в греческие позиции в центре итало-греческого

¹ DGFP, vol. XI, N 589, p. 996—999.

² The Ciano Diaries. 1939—1941, p. 331.

³ FR, 1941, vol. 2, p. 635.

⁴ DGFP, vol. XI, N 603, p. 1015—1016.

фронта, перед греческими войсками был открыт путь к Берату и Валоне (Влоре). После посещения итало-греческого фронта у генерала Э. фон Ринтелена сложилось самое безотрадное впечатление о состоянии итальянских вооруженных сил в Албании: тыл армии был дезорганизован, войска обеспечены продовольствием только на два дня, солдаты и офицеры были деморализованы. Генерал Э. фон Ринтелен считал прорыв итальянской линии обороны и захват Валоны греческими войсками вполне возможным.¹ После поездки в Албанию генерал Ринтелен доложил германскому верховному командованию, что вряд ли ветер в Албании изменит направление, по его мнению, итальянское командование в Албании не могло рассчитывать на успешное контрнаступление.²

Новые итальянские неудачи в Албании произвели в Берлине столь сильное впечатление, что верховное командование вермахта стало опасаться, как бы греки не сбросили итальянцев в Адриатическое море. 11 января 1941 года, то есть на следующий день после захвата греческими войсками Клисур, Гитлер подписал директиву № 22, в которой говорилось о необходимости усилить германскую помощь Италии с целью «удержать Триполитанию и устранить опасность крушения Албанского фронта». Гитлер приказал отправить в Сицилию 10-й германский авиакорпус, перед которым была поставлена задача прорвать английские коммуникации между западной и восточной частями Средиземного моря и обеспечить надежную связь с итало-германскими вооруженными силами в Северной Африке. Главнокомандующий германскими сухопутными силами должен был послать в Триполи германские войска и подготовить к отправке в Албанию армейский корпус, включая альпийскую дивизию и танковые части. Командование германскими силами в Албании должно было вначале помочь итальянскому союзнику устранить опасность прорыва фронта греческими силами, а затем подготовить совместное итало-германское наступление в Албании с целью расчистить немецкой 12-й армии путь из Болгарии в Грецию, западнее Салоник.³ Таким образом, отправка немецких войск в Албанию планировалась не ради помощи итальянскому союзнику, а в целях обеспечения быстрого продвижения армии фельдмаршала Листа из Болгарии в Грецию.

Однако в силу ряда причин отправку немецких войск в Албанию пришлось вначале отложить, а затем и совсем отменить. 14 января генерал Э. фон Ринтелен доложил Гитлеру о своих впечатлениях от поездки в Албанию. Он высказался против

¹ Во время пребывания на фронте под Клиссурой генерал Ринтелен чуть сам не попал в плен наступающим греческим войскам.

² DGFP, vol. XI, N 635, p. 1065; E. von Rintelen. Mussolini als Bundesgenosse, Tübingen und Stuttgart, 1951, s. 120.

³ DGFP, vol. XI, N 642, p. 1073.

отправки немецких войск в Албанию, его поддержал главнокомандующий сухопутными силами фельдмаршал Браухич. 16 января генерал Паулюс сообщил Гитлеру, что немецкие войска могут быть посланы в Албанию не ранее 10 февраля. Он считал необходимым отправить в Албанию лишь одну альпийскую дивизию, при этом сослался на то, что албанские порты и без того перегружены и что в случае отправки крупных германских сил в Албанию могут возникнуть затруднения с их снабжением продовольствием и боеприпасами.¹

Серьезные расхождения в отношении Греции возникли также между двумя союзниками по оси. Гитлеровцы рассчитывали использовать «помощь» итальянскому союзнику в качестве удобного предлога для осуществления захватнических планов германского империализма на Балканах и обеспечения широкого доступа германским вооруженным силам к Средиземному морю и в Северную Африку. В свою очередь итало-фашистские агрессоры не прочь были воспользоваться поддержкой Германии для того, чтобы выйти из крайне затруднительного положения, в котором они оказались в Албании и в Северной Африке. После захвата греческими войсками Клисурь Чиано отметил в своем дневнике, что генерал Каваллеро не скрывает всей тяжести того, что случилось в Албании.² Через 5 дней он отметил в дневнике: «Положение в Ливии тяжелое... фронт в Албании еще не стабилизирован... военный сектор полностью обанкротился».³

Обанкротился не только военный сектор. В начале 1941 года внутрисполитическая обстановка в Италии стала еще более неустойчивой. В связи с неудачами на фронтах и ухудшением продовольственного положения в итальянских городах состоялись антиправительственные демонстрации. В ближайшем тылу итальянской армии в Албании было неспокойно из-за враждебной настроенности албанского населения по отношению к итало-фашистским захватчикам.⁴ В этих условиях правительство Муссолини стремилось поправить дела на фронтах и преодолеть внутрисполитические затруднения при помощи гитлеровской Германии. По просьбе правительства Муссолини из Германии в Италию были направлены эсэсовские части.⁵

До греческого наступления в январе 1941 года Муссолини уклонялся от встречи с Гитлером, новые неудачи в Албании и Ливии вынудили его изменить позицию, 6 января 1941 года итальянский посол в Берлине сообщил Риббентропу, что Мус-

¹ T.Rawski. Kampania Wlosko-Grecka 1940—1941 r. «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1961, N 3, str. 127.

² The Ciano Diaries. 1939—1943, p. 334—335.

³ Ibid., p. 336.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 147.

⁵ Там же, ф. 176, оп. 8, д. 800, л. 266. Драганов — БМИД. Берлин, 10/1-41 г.

солини готов встретиться с Гитлером между 12 и 19 января.¹ 10 января Муссолини подтвердил свое согласие встретиться с Гитлером 19 января.²

Во время переговоров с Гитлером, состоявшихся в Бергофе 19—20 января 1941 года, Муссолини, Чиано и заместитель главнокомандующего итальянскими вооруженными силами генерал Гуццони³ заверили Гитлера и Кейтеля в том, что Италия остается верной союзу с Германией и что все слухи об уходе Италии из Африки и заключения сепаратного мира с Англией лишены основания.⁴ В центре внимания участников итало-германских переговоров находились военные вопросы. Гитлер сообщил Муссолини, что во время переговоров с царем Борисом и премьер-министром Болгарии Б. Филовым им было дано понять, что германские войска будут проведены через болгарскую территорию к греческой границе в любом случае — с согласия или без согласия болгарского правительства. Гитлер указал на необходимость обеспечить сотрудничество держав оси с Югославией. Надо пообещать Югославии Салоники, так как если она займет угрожающую по отношению к странам оси позицию, то Болгария не согласится пропустить немецкие войска, югославский министр иностранных дел уже склоняется в пользу сотрудничества с державами оси, но на принца-регента нельзя надеяться, так как он связан династическими узами с Англией.⁵

Гитлер заявил, что концентрация германских сил в Румынии предназначена: во-первых, для наступления на Грецию; во-вторых, для защиты Болгарии от России и Турции; в-третьих призвана обеспечить выполнение гарантий, предоставленных Румынии. Гитлер изъявил готовность оказать помощь Италии путем отправки германских войск в Северную Африку и в Албанию. Он обратился также к Муссолини с предложением предоставить германским военно-воздушным силам возможность использовать аэродромы на Додеканезских островах в качестве баз для военных действий против Англии в восточной части Средиземного моря.⁶

Муссолини и генерал Гуццони согласились с предложением

¹ DGFP, vol. XI, N 610, p. -030.

² Ibid., N 635, p. 1065.

³ Муссолини не взял с собой на встречу с Гитлером главнокомандующего итальянскими вооруженными силами генерала Каваллеро под тем предлогом, что итальянским силам в Албании не удалось еще приостановить греческое наступление, в действительности перед генералом Каваллеро была поставлена задача не только приостановить греческое наступление, но и подготовить как можно скорее итальянское контрнаступление.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 86. Шифр доклад болгарского посланника в Риме — БМИД от 24/1-41 г.

⁵ DGFP, vol. XI, N 672, p. 1131—1132.

⁶ Ibid., N 679, p. 1145—1151.

о совместном проведении германских и итальянских военных операций в Северной Африке; Муссолини дал согласие на отправку немецких войск в Северную Африку, он признал, что вопрос о пропуске немецких сил в Грецию через Болгарию или Югославию вполне назрел, в то же время Муссолини и Гуццони высказались против отправки германского корпуса в Албанию. Генерал Гуццони заявил Кейтелю, что итальянское командование считает Албанский фронт самым важным, но что оно не уверено в том, что нынешние итальянские позиции в Албании будут удержаны. Поскольку непосредственной угрозы потери Валоны и Берата нет, спешить с отправкой германских войск в Албанию не следует. В Албании уже находится 21 итальянская дивизия, в ближайшее время будут отправлены еще 3 дивизии. Гуццони сообщил Кейтелю, что итальянское командование готовится предпринять в Албании наступление силами 10 дивизий в направлении Корча-Флорина, но это наступление начнется не раньше апреля, если значительные греческие силы не будут отведены до этого с албанского фронта к болгарской границе. Генерал Гуццони заявил Кейтелю, что из-за транспортных затруднений итальянское командование в Албании сможет принять только одну германскую альпийскую дивизию и то не раньше марта.¹

Во время переговоров в Бергофе 19—20 января 1941 года Гитлер и Муссолини как будто договорились о тесном военном сотрудничестве на Балканах и в Северной Африке. 21 января Чиано записал в своем дневнике: «Результаты визита в общем хорошие. Достигнута абсолютная солидарность между странами оси¹ и мы будем маршировать вместе на Балканах».² Однако полного согласия о единстве действий между двумя фашистскими агрессорами не было достигнуто, обе стороны стремились обойти друг друга. Гитлеру удалось получить согласие Муссолини на пропуск немецких войск через болгарскую территорию к северным границам Греции и на отправку германских дивизий в Северную Африку, но и на этот раз Муссолини отказался допустить германские военно-воздушные силы на Додеканесские острова и воспротивился отправке немецких войск на Албанский фронт. Муссолини и итальянское верховное командование все еще рассчитывали на то, что им удастся захватить Грецию собственными силами без помощи Германии. На следующий день после окончания переговоров между Гитлером и Муссолини верховное командование вермахта приняло решение об отправке немецких войск в Триполи 12 февраля 1941 года (операция «Зоненблум»). Во изменение директивы от 11 января 1941 года вместо отправки в Албанию целого корпуса, верхов-

¹ ЦГАОР СССР ф. 7445, оп. 1, д. 1775, л. 196—198.

² The Ciano Diaries, 1939—1943, p. 339.

ное командование вермахта решило держать наготове лишь одну альпийскую дивизию. Окончательное решение предполагалось принять в начале марта 1941 года (операция «Альпен-вейлхен»).

В то время, как Муссолини вел переговоры с Гитлером в Бергофе, главнокомандующий итальянской армией генерал Каваллеро вел спешную подготовку к контрнаступлению в Албании. 22 января 1941 года Чиано отметил в дневнике: «В Албании Каваллеро готовится к наступлению. Я не питаю особых иллюзий, но надеюсь. Греческий сектор является, возможно, единственным из тех, где луч солнца может появиться через несколько часов».² Под покровом темноты крупные итальянские силы были отправлены в Валону из Бари, Бриндизи и других итальянских портов.³ 25 января итальянские войска в Албании перешли в контрнаступление. Чиано отметил в тот день: «Каваллеро атакует в направлении Клисурь и кажется, что все идет хорошо».⁴ Но через неделю итальянское контрнаступление захлебнулось, и инициатива вновь перешла к греческой армии. 5 февраля греческие войска перерезали дорогу между Валонией и Тепелени, под угрозой захвата греческими войсками оказались Валона и Берат, передовые греческие части находились всего в 2—3 милях от Валонского залива.⁵

Одновременно с этим фашистская Италия потерпела ряд новых поражений в Африке. 22 января 1941 года британские войска заняли Тобрук и в конце января развернули дальнейшее наступление в направлении Дерна, возникла реальная угроза изгнания итальянских войск из всей Северной Африки. В Берлине опасались, что в случае потери Албании и всей Северной Африки в Италии может возникнуть серьезный внутривластный кризис. Германское посольство в Риме неоднократно сообщало в Берлин о том, что обстановка в Италии продолжает ухудшаться. В конце января 1941 года Муссолини дал отставку министру корпорации Риччи, ответственному за продовольственное снабжение страны и послал на албанский фронт большинство министров, в том числе и министра иностранных дел Чиано, который являлся главным инициатором нападения Италии на Грецию.⁶

В конце января 1941 года в Берлине вновь стали опасаться, как бы Италия не вышла из войны и не заключила сепаратный мир с Англией. 28 января 1941 года генерал Гальдер записал в своем дневнике: «Возможно даже, что Италия после потери своих колоний развалится и против нас создастся южный фронт

¹ DGFP, vol. XI, N 683, p. 1158—1159.

² Ciano Diaries, 1939—1943, p. 340.

³ C. Mackenzie. Wind of Freedom, p. 128.

⁴ The Ciano Diaries. 1939—1943, p. 341.

⁵ C. Mackenzie. Wind of Freedom, p. 130.

⁶ DGFP, vol. XII, N 31, p. 56—57.

в составе Испании, Италии и Греции. Если мы будем при этом скованы в России, то положение станет еще более тяжелым...».¹

В связи с тревожными сообщениями из Албании, Северной Африки и Италии Риббентроп потребовал от германского посольства в Риме представить ему подробный отчет о внутриполитическом положении в Италии, в частности, он просил сообщить, нет ли опасности углубления противоречий между Муссолини, с одной стороны, королевским домом и генералитетом, с другой.² В ответ на это германское посольство в Риме сообщило, что в связи с поражением на фронтах и ухудшением продовольственного снабжения в Италии сложилась серьезная внутриполитическая обстановка. С самого начала войны итальянский народ относился к ней без всякого энтузиазма, после поражения в войне с Грецией положение ухудшилось. Однако все опасения относительно падения режима Муссолини или разрыва отношений между Муссолини и королевским двором являются преувеличенными, король и наследный принц абсолютно лояльны по отношению к Муссолини и продолжают сотрудничать с ним.³

Гитлеровская Германия воспользовалась новыми поражениями итальянского союзника для дальнейшего расширения своих позиций в южной части Балканского полуострова, Северной Африке и в самой Италии. В ответ на просьбу Муссолини об усилении германской военной и экономической помощи Италии Гитлер сообщил ему 5 февраля 1941 года о своем согласии оказать необходимую помощь при том условии, если руководство объединенными итало-германскими действиями в Северной Африке будет возложено на генерала Роммеля и если итальянские военно-морские и военно-воздушные силы будут поддерживать совместные итало-германские операции против англичан. Гитлер и германское верховное командование предупредили Муссолини, что «если Италия не согласится на эти предложения, то верховное командование вермахта не только не пошлет ни одного человека в Северную Африку, но и отзовет находящиеся там небольшие германские специальные части...».⁴

Во время германо-итальянских экономических переговоров в конце января—начале февраля 1941 года правительство Муссолини просило Германию увеличить поставки Италии нефти, каменного угля, каучука, стали, алюминия и других стратегических материалов для итальянской военной промышленности. В ответ на это Гитлер и верховное командование вермахта сообщили в Рим, что отныне германо-итальянское сотрудничество

¹ Дневник Гальдера. Запись от 28/I-41 г. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 3 т. Т. I, стр. 403.

² DGFP, vol. XII, N 53, p. 101—102.

³ Ibid., N 59, p. 108—111.

⁴ DGFP, vol. XII, N 24, p. 44—45.

должно осуществляться главным образом в военной форме, поэтому поставки германского сырья в Италию будут ограничены. По поручению Гитлера заместитель начальника торгово-политического отдела германского министерства иностранных дел Клодиус сообщил Муссолини, что отправка германского воздушного корпуса в Сицилию, концентрация германских вооруженных сил на Балканах и отправка германских войск в Северную Африку имеют несравненно более важное значение с точки зрения интересов держав оси, чем снабжение итальянской промышленности германским горючим и металлами.¹ После трехнедельных переговоров Муссолини пришлось согласиться с «германской концепцией ведения войны». 22 февраля 1941 года Муссолини сообщил о своем согласии возложить командование итало-германскими танковыми и моторизованными силами в Ливии на генерала Роммеля.² 23 февраля 1941 года Муссолини выступил по радио с речью, в которой заявил, что Италия будет сотрудничать с «могущественной и победоносной Германией до окончания победы».³ На следующий день Гитлер выступил с речью в Мюнхене, в которой указал, что Германию и Италию связывает нерушимый союз. Если одной из них придется плохо, то другой окажет необходимую помощь.⁴ Эти речи Муссолини и Гитлера должны были свидетельствовать о консолидации «оси Рим-Берлин».

26 февраля 1941 года Клодиус и начальник торгово-политического отдела итальянского министерства иностранных дел Джанини подписали 7-й секретный протокол, по которому Германия согласилась поставить Италии в 1941 году 12,6 млн. тонн каменного угля; алюминия — по 800 тонн ежемесячно; нефтепродуктов — вместо затребованных на I половину 1941 года 574 тыс. тонн; лемцы согласились поставить только 110 тыс. тонн; резины и каучука, вместо затребованных 1500 тонн ежемесячно по 1100 тонн в месяц.⁵ В целях увеличения добычи каменного угля и производства военных материалов для осуществления «совместных германо-итальянских военных планов» правительство Муссолини согласилось отправить в Германию дополнительно 200 тыс. итальянских рабочих. Таким образом общая численность итальянских рабочих, занятых в Германии, увеличивалась до 315 тыс. человек.⁶ Гитлеровцы относились к итальянским рабочим как к представителям низшей расы, беспощадно эксплуатировали их и подвергали жестоким наказаниям за малейшее неповиновение, даже дипломатические представители фашистской

¹ DGFP, vol. XII, N 27, p. 47—49.

Ibid., N 76, p. 136—137.

³ «New York Times», 24.II.1941.

⁴ «Правда», 1941, 25 февраля.

DGFP, vol. XII, N 19, p. 33—34; N 91, p. 166.

⁶ Ibid., N 91, p. 167.

Италии в Берлине высказывали недовольство по поводу плохого обращения с итальянскими рабочими в Германии.¹

В результате авантюристической политики правительства Муссолини Италия стала превращаться в сателлита гитлеровской Германии. «Власть Муссолини и фашистской партии, даже теперь, зависит от германской поддержки. Дуче уже не является больше Дуче в полном смысле этого слова. Он стал вассалом Гитлера, своего рода комбинацией гаулейтера и суперквислинга. Фашистская партия стала не больше, чем подсекцией национал-социалистической партии».²

* *

В начале 1941 года Греция превратилась в арену сложной закулисной борьбы между двумя главными империалистическими противниками — гитлеровской Германией и Англией. Немецко-фашистские агрессоры намеревались превратить весь Балканский полуостров в правый фланг будущего германо-советского фронта, кроме того, Греция являлась по своему географическому положению идеальной базой для военных действий против Англии в восточной части Средиземного моря и на Ближнем Востоке. Как указывает А. Папагос: «Немцы напали бы на Грецию независимо от присутствия или отсутствия там англичан».³

В свою очередь Англия при энергичной поддержке США стремилась преградить путь германскому противнику на Ближний Восток. Концентрация немецких войск в Южной Румынии и появление германских военно-воздушных сил в Южной Италии и Сицилии в начале января 1941 года вызвали страх и тревогу в Афинах. Там боялись, что германские военно-воздушные силы будут использованы против Греции. Эта тревога еще более усилилась после того, как германский посланник в Афинах фон Эрбах заявил, что последние германские военные мероприятия предприняты на тот случай, если после завершения операции в Ливии Англия попытается перебросить свои освободившиеся войска в Грецию.⁴ Гитлеровский посланник заверил правительство Метаксаса в том, что если оно не допустит высадки английских сил в Салониках и если английская помощь Греции будет ограничена несколькими эскадрильями самолетов, то Германия воздержится от вмешательства в итало-греческую войну.⁵

Вскоре после рождественских праздников греческий премьер-

¹ DGFP, vol. XII, N 71, p. 128.

² «The Nineteenth Century and after», N 768, vol. CXXIX, February, 1941, p. 113.

³ А. Papagos. Grčka u ratu 1940—1941. Beograd, 1954. Str. 311.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 1, л. 63. Шифр телегр. болгарского посланника в Афинах — БМИД от 9/1-1941 г.

⁵ C. Mackenzie. Wind of Freedom. The history of the invasion of Greece by the Axis Powers 1940—1941, London, 1943, p. 118.

министр Метаксас обратился через германского военного атташе в Афинах майора Клемма фон Хоэнберга к адмиралу Канарису с просьбой возобновить переговоры о заключении перемирия с Италией на основе сохранения довоенных греческих границ. Метаксас обещал со своей стороны не допускать высадки английских войск на греческой территории, однако гитлеровцы уклонились пока от возобновления этих переговоров,¹ они рассчитывали на то, что после завершения концентрации немецких войск в Румынии и особенно после вступления немецких войск в Болгарию греческие монархо-фашистские правители станут более сговорчивыми.

Правительство Черчилля знало об усилении капитулянтских настроений среди греческих монархо-фашистских правителей и со своей стороны предприняло все меры к тому, чтобы воспрепятствовать сговору генерала Метаксаса с Гитлером без ведома английского гаранта. Еще в конце декабря 1940 года английский посланник в Афинах Пэлерет потребовал от правительства Метаксаса подготовить базы в Северной Греции, с которых английские военно-воздушные силы могли бы вести военные операции против немецких войск на Балканах и румынских нефтепромыслов.² Генерал Метаксас согласился в «принципе» удовлетворить это требование, но просил правительство Черчилля не посылать английских войск в Грецию до тех пор, пока не станет ясно, что Германия готовится к нападению на нее.³ 6 января 1941 года Черчилль предупредил комитет начальников штабов о том, что в случае военных неудач в Албании и в связи начавшейся концентрацией немецких войск в Южной Румынии греки могут пойти на заключение сепаратного мира с Италией, он предложил английскому верховному командованию подготовиться к переброске британских сил из Египта в Грецию.⁴ 10 января 1941 года Черчилль приказал главнокомандующему британскими силами на Ближнем Востоке генералу Уэйвеллу безотлагательно выехать в Афины для переговоров об усилении английской помощи Греции. «Мы не собираемся предоставлять Греции целую армию,—говорилось в телеграмме Черчилля,—а лишь специальные и технические части».⁵ Одновременно с этим Форин офис дал знать в Анкару и Белград о предстоящей высадке английских войск в Северной Греции и предложил правительствам Турции и Югославии принять участие в создании балканского фронта.⁶

Накануне приезда генерала Уэйвелла в Афины греческий

¹ E. Shramm von Thadden. Op. cit. s. 218—219.

L. Woodward. Op. cit., p. 130.

² Ibid., p. 130.

³ W. S. Churchill. Op. cit., vol. 3, p. 9.

Ibid., p. 16.

⁶ L. Woodward. Op. cit., p. 130—131.

главнокомандующий генерал Папагос доложил правительству Метаксаса свои соображения о возможном германском нападении на Грецию через Болгарию. Он указал, что Германия может осуществить нападение на Грецию через 12—14 дней. По данным греческого генерального штаба немцы сосредоточили в Южной Румынии к концу первой декады января 6 дивизий, в том числе 1 танковую, кроме того, на греческой границе находилось 4 болгарских дивизии и на турецкий — 5. Немцы имели возможность использовать против Греции и ее союзников болгарские и румынские аэродромы, на которых находилось в общей сложности 700—800 самолетов.

Основные греческие силы в начале января 1941 года были заняты на Албанском фронте, на греко-болгарской границе находилось всего 4 дивизии. Генерал Папагос считал, что для обороны Салоник и всей Восточной Македонии необходимо запросить у англичан помощь в размере 8—9 дивизий. Он предлагал использовать для высадки английских войск Салоники, Амфиполис, Каваллу, Элефтерон и Карамотию, по его расчетам, на высадку английских войск в Северной Греции и их размещение на оборонительных позициях потребовалось бы около 15 дней.

Для Греции чрезвычайно важно было также обеспечить поддержку со стороны Турции и Югославии. Если бы Турция стала на сторону Греции, то это ослабило бы опасность продвижения немецких войск к греческой границе через болгарскую территорию. Если бы Югославия пришла на помощь Греции, то это совершенно изменило бы обстановку на итало-греческом фронте. Тогда греческие и югославские войска могли бы выбросить итальянцев из Албании и сосредоточить основные усилия на обороне Салоник от германской угрозы с Севера.¹

С 14 по 16 января 1941 года в Афинах состоялись англо-греческие переговоры. Английскую делегацию возглавлял генерал Уэйвелл, греческая сторона на этих переговорах была представлена премьер-министром Метаксасом и главнокомандующим греческими вооруженными силами генералом Папагосом.

Генерал Уэйвелл сообщил о том, что уполномочен английским правительством вести переговоры об оказании Греции военной помощи в связи с усилением опасности нападения на нее со стороны Германии. В ответ на это Метаксас заявил, что Греция окажет сопротивление германскому или совместному германо-болгарскому нападению, но неопределенная позиция Турции и Югославии ставит Грецию в весьма затруднительное положение.²

¹ Реферат генерала Папагоса об эвентуальном германском нападении на Грецию через Болгарию. A. Papagos. Grcka u ratu, str. 389—394.

² A. Papagos. Grcka u ratu, str. 304.

Генерал Папагос сообщил, что по данным греческого генерального штаба немцы уже сосредоточили в Румынии 12 дивизий, в том числе три танковых; половина этих сил находилась в Южной Румынии, вероятно, они предназначены для нападения на Грецию; в последнее время наблюдается инфильтрация немцев в Болгарию, переодетые немецкие офицеры появились на болгарских аэродромах, немецкие офицеры руководят строительством дорог, мостов, в Болгарии проведена частичная мобилизация. Генерал Папагос указал, что греческие силы на болгарской границе состоят всего из 4 дивизий, причем одну из них в ближайшее время придется перебросить в Западную Македонию в связи с увеличением итальянских сил в Албании. Для успешного противодействия германскому или германо-болгарскому наступлению необходимо перебросить в Грецию 9 британских дивизий и обеспечить достаточную поддержку артиллерийскими и военно-воздушными силами, если Англия предоставит Греции помощь в таких размерах, то это не только упрочит военное положение в Греции, но и окажет благоприятное влияние на позицию Турции и Югославии.¹

Генерал Уэйвелл в ответ на это заявил, что английское командование на Ближнем Востоке не располагает такими возможностями и сможет послать в Грецию только две-три дивизии, несколько артиллерийских полков и шестьдесят—шестьдесят пять танков, на подготовку и перевозку которых понадобится около двух месяцев.²

В английской мемуарной и исторической литературе умалчивается о том, где намеревалось английское командование высадить и расположить свои 2—3 дивизии. Но один из сторонников греческой фашистской диктатуры Метаксас — Н. Зафиропулос указал в своей книге «Греко-итальянская и греко-германская война 1940—1941 гг.», что во время англо-греческих военных переговоров обсуждался вопрос об отводе греческих войск из Северо-Восточной Греции на р. Алиакмон, где к ним должны были присоединиться британские войска.³

Премьер-министр Метаксас и генерал Папагос признали размеры предложенной генералом Уэйвеллом помощи совершенно недостаточными. Метаксас заявил, что английская помощь в 2—3 дивизии послужила бы для немцев лишь оправданием для вступления в Болгарию и нападения на Грецию. На этом англо-греческие военные переговоры были прерваны. Перед отъездом из Афин генерал Уэйвелл сообщил 16 января 1941 года Папагосу о том, что он только что получил от английского правительства телеграмму, в которой оно настаивает на немедленной высадке в Греции двух артиллерийских полков и танковой

А. Papagos, *Grcka u ratu.*, str. 305—306.

² А. Papagos, *Grcka u ratu.*, str. 306—307.

бригады.¹ Генерал Папагос доложил об этом премьер-министру Метаксасу. При этом он указал, что «высадка двух английских артиллерийских полков и одной танковой части не представляет для Греции какого-либо значения с военной точки зрения и может лишь привести к ускорению германского нападения... В политическом отношении высадка этих слабых сил свидетельствовала бы о слабости и о весьма ограниченных возможностях интервенции Британской империи на Балканах и только способствовала бы усилению желания Югославии и Турции сохранить нейтралитет».²

18 января 1941 года премьер-министр Метаксас вручил английскому посланнику Пэлерету меморандум, в котором указывалось, что греческое правительство возражает против немедленной высадки в Северной Греции ограниченных сил. «...Переброска этих сил в Македонию представляла бы собой провокацию, которая вызвала бы немедленное нападение Германии, а, вероятно, и Болгарии... Что касается нас,—говорилось в меморандуме,—то мы до конца выполним свой долг».³

Несмотря на то, что во время англо-греческих переговоров в Афинах 14—16 января не удалось договориться о совместном военном сотрудничестве Англии и Греции против Германии и Болгарии, эти переговоры нельзя назвать безрезультатными. Визит генерала Уэйвелла и сопровождавших его офицеров в Афины должен был показать правительствам Болгарии и особенно Германии, что Англия не остановится перед интервенцией на Балканах, если они своими действиями создадут угрозу английским интересам в восточной части Средиземного моря и на Ближнем Востоке. Хотя английское предложение о помощи Греции и военном сотрудничестве с Турцией и Югославией и встретило весьма прохладное отношение в Афинах, Анкаре и Белграде, тем не менее болгарское правительство отнеслось к английским угрозам вполне серьезно. Роль болгарского премьер-министра Б. Филова в Русе от 12 января 1941 года явилась по существу предложением найти такое решение военных и дипломатических проблем на Балканах, которое устраивало бы в равной степени Германию и Болгарию, с одной стороны, Англию, Турцию, Грецию и Югославию, с другой. Недаром эта речь вызвала благожелательные отклики не только в Лондоне и Анкаре, но и в Афинах. Болгарский посланник в Афинах Вачов сообщил в Софию, что речь Б. Филова встречена с большим удовлетворением в греческих правительственных кругах, в греческих газетах были опубликованы явно инспирированные пра-

¹ A. Papagos. *Grčka u ratu*, str. 307—308.

² *Ibid.*, str. 308.

³ *Ibid.*, str. 392. Меморандум греческого правительства английскому посланнику от 18 января 1941 г.

вительством Метаксаса статьи, в которых указывалось на желание болгарского правительства проводить политику нейтралитета и сохранения мира на Балканах, а также твердую решимость сохранить существующий в Болгарии режим.¹

Еще до отъезда английской¹ военной делегации из Афин правительство Метаксаса дало знать германскому правительству о том, что оно отклонило предложения генерала Уэйвелла о высадке английских войск в Северной Греции. 16 января 1941 года греческий военный атташе в Анкаре полковник Е. Апокоритис сообщил германскому военному атташе генералу Роде о том, что генерал Метаксас отказался от английской помощи, так как стремится избежать вовлечения Греции в англо-германскую войну и придать итало-греческой войне локальный характер. Греческое командование намеревается продолжать наступление в Албании только до Эльбасана с тем, чтобы устранить таким образом возможность перехода итальянских войск в контрнаступление, дальше Эльбасана греческая армия не будет продвигаться. Полковник Апокоритис категорически отрицал участие греческих представителей в англо-турецких военных переговорах в Анкаре, он высказался против вступления Турции в войну на стороне Англии даже в том случае, если германские войска появятся в Болгарии.

В своем сообщении в Берлин об этом Папен и генерал Роде отметили, что Апокоритис действует, возможно, без ведома высших греческих властей, но указали на то, что он тесно связан с королевским окружением, премьер-министром Метаксасом и генералом Папагосом. Вряд ли полковник Апокоритис действовал по собственной инициативе. Метаксас сообщил об отказе принять английскую помощь также югославскому принцу-регенту Павлу, а тот уведомил об этом Берлин.² Такое же сообщение было передано греческой миссией в Лондоне болгарскому посланнику Н. Момчилову. В шифрованной телеграмме болгарскому министерству иностранных дел от 15 января 1941 года Н. Момчилов отметил, что как греческое, так и турецкое правительство выступает против высадки английских войск. На Балканах, в Афинах и Анкаре считают, что опасность превращения Балкан в арену войны между Англией и Германией можно еще предотвратить, но надо действовать быстро и энергично. «Сараджоглу заявил американскому дипломату,—говорилось в телеграмме,—что Турция имеет полное основание рассчитывать на помощь России, но не хочет быть вовлеченной в войну и потому стремится к переговорам с Болгарией. Сэр О. Сарджент мне заявил: «Если Англия потребует высадить войска в

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15 д. 1, л. 103. Шифр. телегр. Вачова — БМИД от 14/1-1941 г.

² DGFP, vol. XI, N 665, p. 1115—1117. Телеграмма Папена и Роде-Германскому министерству иностранных дел. Анкара, 16/1-41 г.

«Салониках, то вы... сразу же станете добиваться, чтобы этого не случилось».¹

18 января 1941 года Момчилов сообщил в Софию, что окончательное решение об отправке английских сил в Грецию еще не принято, так как после появления германских военно-воздушных сил в Сицилии в английских военных кругах считают отвлечение сил из Ливии опасным.²

Таким образом, «Форин офис» дал понять в Софии, а через нее и в Берлине, что Англия и ее турецкий союзник готовы вступить с Болгарией и стоявшей за нею Германией в переговоры о заключении взаимоприемлемого соглашения в отношении Балкан и Ближнего Востока, но если Германия и Болгария уклонятся от этих переговоров и создадут угрозу английским интересам на Ближнем Востоке, то правительство Черчилля прибегнет к соответствующим ответным мерам.

Чрезвычайно важную роль в подготовке и заключении закулисного компромиссного соглашения о разграничении сферы интересов на Балканах и Ближнем Востоке между двумя воюющими империалистическими державами — гитлеровской Германией и Англией — сыграло правительство США. В конце 1940 года морской министр США Ф. Нокс направил со специальной секретной миссией на Ближний Восток известного американского разведчика полковника Доновена. После кратковременного пребывания в Лондоне 7 января 1941 года полковник Дононен прибыл в Каир. Вначале он побывал на Ливийском фронте, а затем отправился вместе с генералом Уэйвеллом в Афины. К этому времени он был хорошо осведомлен об английских планах на Ближнем Востоке и Балканах. Полковник Дононен был полностью согласен с англичанами в том, что если бы удалось объединить Турцию, Югославию и Грецию в единый блок, то дальнейшая германское продвижение на юг Балканского полуострова можно было бы приостановить, поэтому он охотно принял предложение англичан совершить поездку в Афины, Софию, Белград и Анкару с целью убедить правительства Греции, Болгарии, Югославии и Турции действовать в соответствии с английской точкой зрения.³

Во время пребывания в Афинах полковник Дононен встретился с греческим королем Георгом II, премьер-министром Метаксасом и главнокомандующим генералом Папагосом. Они сетовали на то, что Англия предлагает Греции незначительную

¹ ЦДИА, д. 176, оп. 15, д. 1, л. 104. Шифр. телегр. Н. Момчилова — БМИД. Лондон, 15/1-1941.

² Там же, л. 162, Шифр. телегр. Н. Момчилова — БМИД. Лондон, 18/1-41 г.

³ W. L. Langer and S. E. Gleason. The Undeclared War. New York, 1954, p. 397; Field-Marshal Lord Wilson of Libia. Eight Years Overseas 1939—1947. London, New York... 1948, p. 56.

помощь и что высадка английских войск в Греции приведет лишь к германскому нападению на нее и к захвату немецкими войсками Салоник без всякого противодействия со стороны Турции и Югославии. Греческое правительство и английские представители в Афинах информировали полковника Доновена о неудачном исходе англо-греческих военных переговоров. Обе стороны обратились к нему с просьбой предпринять поездку в Софию, Белград и Анкару. Генерал Метаксас указал при этом, что США пользуется большим влиянием на Балканах и если правительство США даст знать в Софии и Белграде о том, что оно решило поддержать Грецию, то это будет способствовать усилению сопротивления Болгарии и Югославии германскому давлению и возможно предотвратит дальнейшее германское продвижение на Балканах.¹

Из Афин полковник Доноуен отправился в Софию. Государственный департамент США сообщил болгарскому посланнику в Вашингтоне Д. Наумову, что во время поездки по Ближнему Востоку полковник Доноуен не должен был посещать Софию и что решение о визите Доновена в Софию было принято внезапно.² В течение трех дней пребывания в Софии полковник Доноуен встретился с премьер-министром Б. Филовым, министром иностранных дел И. Поповым, военным министром генералом Т. Даскаловым и царем Борисом.

Полковник Доноуен сообщил И. Попову, что предпринял поездку на Ближний Восток и Балканы по поручению президента США, он подчеркнул, что Америка не может допустить поражения Англии и «сделает все для того, чтобы Англия не проиграла войну». И. Попов, подчеркнув, что все это неизбежно приведет к продолжению и расширению войны, заявил, что «Америка может сыграть иную роль». Отметив, что Болгария занимает ключевую позицию на Балканах, полковник Доноуен спросил И. Попова, что намеревается делать болгарское правительство? Однако болгарский министр иностранных дел уклонился от прямого ответа на этот вопрос. Тогда Доноуен в упор спросил его, чувствует ли Болгария угрозу со стороны германских войск, сосредоточенных в Румынии? И. Попов ответил на это отрицательно.³

Доноуен предупредил И. Попова, что он считает английскую помощь Греции явно недостаточной и со своей стороны посоветует правительству США оказать Греции как можно скорее непосредственную поддержку.⁴

Как указывает В. Лангер, из бесед с болгарскими министрами полковнику Доноуену не удалось узнать «что-либо специфич-

¹ Foreign Relations, 1941, vol. 2, p. 637—638.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 33.

³ DGFP, vol. XI. N 685, p. 1160—1161.

⁴ Ibid., p. 1161, f-n 2.

ческое», у него лишь «усилилось впечатление, что они ожидают вступления германских войск со скрещенными на груди руками».¹ 21 января 1941 года американский посланник в Софии Дж. Эрл телеграфировал в Вашингтон: «После интервью с министром иностранных дел и военным министром полковник Доновен чувствует, что болгарское правительство ожидает оккупации Болгарии Германией». Доновен пришел к выводу, что болгарские министры «не хотят сопротивляться этой оккупации». Эрл отметил в телеграмме, что он разделяет это мнение полковника Доновена.²

Последней по счету, но самой важной по значению, была встреча полковника Доновена с царем Борисом 22 января 1941 года. Все предыдущие беседы Доновена с болгарскими министрами являлись лишь подготовкой к этому визиту. Американцы знали, что главную, определяющую роль в болгарской политике играет царь Борис и что министры являются лишь исполнителями его воли. Перед встречей с полковником Доновеном царь Борис получил сообщение о том, что «миссия, с которой прибыл сюда Доновен, является поважнее той, которая была возложена на Самнера Уэллеса. Предполагается, что он желает сообщить лично Его Величеству, что Штаты, то есть Рузвельт, собираются предпринять в этой войне».³

Зимой 1940—1941 года царь Борис продолжал колебаться и пытался маневрировать между гитлеровской Германией и западными державами. Его симпатии были целиком и полностью на стороне гитлеровской Германии, но он не решался пропустить немецкие войска в Болгарию, так как опасался, что это может вызвать опасную реакцию со стороны Англии, Югославии, Турции и Советского Союза и сопротивление со стороны болгарского народа. Кроме того, он все еще надеялся на заключение компромиссного мира между Англией и Германией. «Я всегда сомневался, — пишет бывший английский посланник в Софии Рендэл, — насколько он действительно верил в эвентуальную германскую победу. Я думаю, он надеялся, что страх перед Россией в конце концов приведет союзников и Германию к заключению компромиссного мира, при котором Болгария смогла бы восстановить свою независимость».⁴

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason. The Undeclared War, p. 397.

² FR, 1941, vol. 1, p. 282.

³ В краткой справке, озаглавленной «Уильям Джозеф Доновен, уполномоченный Рузвельта», приводятся следующие данные о полковнике Доновене: «Видный член республиканской партии, известен как политический противник Рузвельта, но пользуется его полным доверием. Его приезд в этом качестве подчеркивает единство всей Америки по всем вопросам, относящимся к ее внешней политике. Был в Лондоне, Ливии (во время последнего сражения), оттуда выехал в Афины и другие места Греции, затем через Ниш прибыл в Софию (20/1, в 12 часов дня)». ЦДИА, ф. 3, оп. 1, д. 1212, л. 6. Монархический институт.

⁴ G. Rendel. The Sword and the Olive. London, 1957, p. 180.

Во время визита полковника Доновена царь Борис заявил ему, что война между Англией и Германией никому не принесет добра. Он выразил надежду на то, что США выступят в качестве посредника между Англией и Германией и помогут им заключить компромиссный мир.¹ Полковник Доноуен постарался, прежде всего, рассеять надежды царя Бориса на возможность выступления США в качестве посредника между Германией и Англией. При этом он подчеркнул, что «Америка использует всю свою огромную силу для того, чтобы обеспечить конечную победу Англии...».² Это заявление произвело на царя Бориса огромное впечатление, он убедился, что исчезает его последняя надежда на компромиссный мир между Англией и Германией».³

Американские буржуазные историки Э. Пресайзен, У. Лангер и Глизон утверждают, что во время своей поездки в Афины, Софию, Белград и Анкару в январе 1941 года полковник Доноуен пытался поддержать английский план объединения балканских стран и Турции в общий оборонительный блок для сопротивления германской агрессии.⁴

Эта версия не имеет ничего общего с действительными целями поездки Доновена на Балканы. Во время переговоров с царем Борисом полковник Доноуен отметил, что Болгария занимает ключевые позиции на Балканах и от ее дальнейшей политики будет зависеть очень многое, «будет плохо,—сказал он,—если Болгария пропустит немцев».⁵ По полученным в Берлине сведениям, полковник Доноуен заявил царю Борису: «Если Болгария займет ошибочную позицию, то будет уничтожена».⁶ Как отмечает У. Лангер, эти угрозы произвели на болгарского царя сильное впечатление. Во время этой встречи, пишет Лангер, полковник Доноуен убедился, что царь Борис колеблется и склонен продолжать политику маневров между Германией и союзниками. После этого он приступил к осуществлению главной цели своего визита в Софию. «В Германии,—сказал Доноуен,—все еще не знают точно как вы будете действовать в том случае, если она потребует пропустить (немецкие войска.—Автор) через вашу страну; но если возникнет не-

¹ ЦДИА, ф. 95, оп. 1, д. 11, л. 131. Дневник Л. Лулчева.

² FR, 1941, vol. 1, p. 282.

³ ЦДИА, ф. 95, оп. 1, д. 11, л. 131. Дневник Л. Лулчева; D. Patmore. Balcan correspondent. London, 1941, p. 284.

⁴ E. L. Presseisen. Prelude to «Barbarossa»: Germany and the Balkans 1940—1941. «The Journal of Modern History». December 1960, v. XXXII, N 4, 367; W. L. Langer and S. E. Gleason. The Undeclared War, p. 397.

⁵ ЦДИА, ф. 95, оп. 1, д. 1, л. 131. Дневник Л. Лулчева. Запись беседы Лулчева с царем Борисом от 26/1-41 г.

⁶ 26 января 1941 г. царь Борис сообщил начальнику отдела культурной политики германского министерства иностранных дел фон Твардовскому, что во время переговоров с ним 22 января полковник Доноуен отрицал возможности заключения компромиссного мира между Германией и Англией. DGER, vol. XI, N 713, p. 1202.

обходимость принять решение и вы не сможете больше тянуть, тогда вы разрешите Германии пройти, хотя вы не должны сотрудничать с ней».¹

В ответ на это «царь взглянул своему посетителю прямо в глаза и улыбнулся».² Предложение американского эмиссара вполне устраивало его, к этому времени царь Борис и правительство Б. Филова уже приняли решение о присоединении Болгарии к тройственному пакту и пропуске немецких войск через болгарскую территорию, но они боялись, как бы все это не привело к нападению на Болгарию английских, турецких, греческих и югославских вооруженных сил. Американское предложение устраняло эту опасность. В телеграмме государственному департаменту США Эрл отметил, что энергичные заявления Доновена царю Борису и его министрам произвели на них огромный эффект. «Я чувствую,—писал Эрл,—что это не предотвратит неминуемый пропуск германских войск через Болгарию, но вполне может предотвратить сотрудничество между болгарскими и германскими войсками. Болгария горячо желает продолжения американских дружеских услуг на будущей мирной конференции».³

Таким образом, путь к закулисному сговору между Англией и Германией был расчищен. Англия и Турция соглашались не препятствовать пропуску немецких войск через болгарскую территорию к греческим границам при том условии, если они воздержатся от дальнейшего продвижения на Ближний Восток. Практическое осуществление этого сговора зависело не от Болгарии, а от Германии. Для того, чтобы заставить ее согласиться на заключение предложенного соглашения Англия и Соединенные Штаты Америки использовали в качестве средства нажима на Берлин угрозу сближения с Советским Союзом. 22 января 1941 года заместитель английского министра иностранных дел Батлер выступил в палате общин с заявлением, в котором говорилось, что со времени прихода к власти правительство Черчилля неоднократно пыталось установить тесное политическое сотрудничество с Советским Союзом, но эти попытки пока не увенчались успехом, так как до сих пор Советский Союз не реагировал на это.⁴ В тот же день в Вашингтоне было опубликовано письмо заместителя государственного секретаря США С. Уэллеса советскому полпреду Уманскому, в котором говорилось: «После наших бесед, имевших место недавно, я рад сообщить вам, что правительство Соединенных Штатов решило,

¹ W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., p. 398.

² Ibid., p. 398.

³ FR, 1941, vol. 1, p. 282. Эрл-Государственному департаменту. София 23.I.1941.

⁴ Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР, ф. 7445, оп. 2, д. 246, л. 40.

что политика, изложенная в заявлении, переданном президентом представителям печати 2 декабря 1939 года, которая обычно называется «моральным эмбарго», больше не будет применяться к Советскому Союзу. Это решение будет сообщено заинтересованным американским промышленникам и экспортерам».¹

Практические результаты отмены «морального эмбарго» для советско-американской торговли были не велики. Английский буржуазный историк Макс Беллоф пишет, что увеличению американского экспорта в Советский Союз помешали будто бы рост потребности американской военной промышленности и поставки американских товаров в Англии по лендлизу.² Однако, опубликованные после войны американские дипломатические документы свидетельствуют о том, что руководители госдепартамента США при отмене «морального эмбарго» имели в виду другие цели. В письме к американскому послу в Москве Штейнгардту от 25 января 1941 года государственный секретарь К. Хэлл отметил, что «контроль над экспортом в Советский Союз не ослаблен в результате этого акта... отмена «морального эмбарго» не окажет глубокого влияния, по крайней мере в ближайшем будущем, на американский экспорт в Советский Союз».³

Отмене «морального эмбарго» придавалось прежде всего политическое значение, правительство США как бы предупреждало Берлин о возможном изменении своей политики в отношении Советского Союза в том случае, если Германия не ограничится захватом Балкан и развернет наступление на английские позиции на Ближнем Востоке. К. Хэлл признал в своих мемуарах, что при отмене «морального эмбарго» правительство США рассчитывало произвести определенный «психологический эффект»,⁴ причем имела в виду не столько Москва, сколько Берлин. В беседе с английским послом лордом Галифаксом К. Хэлл указал, что Советский Союз своей политикой затрудняет осуществление германских и японских планов... «Россия, будь она очень активной или, образно выражаясь, крепко спящей, является и будет являться важным фактором в войне и в общих вопросах мира как в Европе, так и в Азии».⁵

Заявления Батлера, С. Уэллеса и К. Хэлла свидетельствуют о том, какое важное значение в Лондоне и Вашингтоне придавалось угрозе сближения западных держав с Советским Союзом в их закулисной дипломатической борьбе с германским

¹ Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. 4, стр. 542.

² M. Beloff. The Foreign Policy of Soviet Russia. Vol. 2. 1936—1941. London, New York, Toronto. 1952, p. 358.

³ Л. В. Поздеева. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. М., «Наука», 1964, стр. 263; FR, 1941, vol. 1, p. 697.

⁴ C. Hull. Memoirs, vol. 2, p. 969.

⁵ FR, 1941, vol. 1, p. 158; Л. В. Поздеева. Указ. соч., стр. 263—264.

империалистическим соперником на Балканах и Ближнем Востоке.

Правительство США не ограничилось опубликованием письма С. Уэллеса Уманскому, оно постаралось дать знать Софии и Берлину о том, что в случае необходимости предпримет дальнейшие меры в этом направлении, в то же время оно дало знать Софии, что при определенных условиях может быть найдено решение, удовлетворяющее интересам Англии и Турции с одной стороны, гитлеровской Германии и Болгарии, с другой. 22 января 1941 года помощник государственного секретаря США Аттертон сообщил болгарскому посланнику Д. Наумову, что, согласно полученным от Доновена из Софии сообщениям, оккупация Болгарии немецкими войсками может начаться в первой половине февраля. Аттертон указал, что наряду с продвижением немецких войск к Средиземному морю через болгарскую территорию Германия намерена послать свои войска в Африку, и возможно, оккупирует всю Францию.¹ Во время этого разговора Аттертон сообщил Д. Наумову о том, что «американское правительство до настоящего момента не имеет сведений от официальных кругов о позиции, которую займет Турция в случае германского вторжения в Болгарию, если оно не будет сопровождаться дальнейшими военными действиями».² Таким образом, Берлину предлагался выбор: либо соглашение с Турцией на приемлемой для Англии основе, либо Англия при поддержке Соединенных Штатов Америки окажет Германии сопротивление.

*

Тем временем в Анкаре начали проявлять явное беспокойство ввиду того, что болгарское правительство медлило с ответом на турецкое предложение о заключении между Турцией и Болгарией декларации о ненападении. Болгарский посланник в Анкаре сообщил в Софию, что «молчание Софии относительно декларации начинает давать повод для известных подозрений здесь. Турецкая печать в последнее время снова проявляет нервозность, упорно распространяет слухи о германской опасности».³ Германское министерство иностранных дел затянуло свой ответ на болгарский запрос на целую неделю. Гитлеровцы стремились выиграть время, необходимое для завершения концен-

¹ Сравнение этого заявления с материалами совещаний Гитлера с руководителями вермахта 8—9 января 1941 г. свидетельствует о том, что в Вашингтоне располагали довольно точными сведениями относительно германских военных планов.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. л. 58. Шифр. тел. Д. Наумова — БМИД. Вашингтон, 23/1-41.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 72. Шифр. телегр. С. Кирова — БМИД. Анкара, 28/1-41 г.

трации немецких войск в Южной Румынии и выяснить цели визита американского эмиссара полковника Доновена в Афины и Софию. После того, как в Берлине стали известны предложения полковника Доновена и были получены сообщения о выступлении Батлера в палате общин и об отмене правительством США «морального эмбарго», германское правительство несколько изменило свою политику в отношении Турции. Как отмечает английский буржуазный историк Э. Р. Вер-Ходж, «быстрое ухудшение отношений с Россией в январе заставило немцев занять новую позицию по отношению к туркам».¹

27 января 1941 года Риббентроп сообщил в Софию, что германское правительство «считает весьма полезным, ввиду наступающих событий» заключить болгаро-турецкую декларацию, предложенную турецким правительством, но «при оформлении этой декларации должно быть принято во внимание, чтобы она не противоречила нынешнему статусу германо-болгарских отношений».² В тот же день болгарский премьер-министр Б. Филов сообщил германскому посланнику в Софии, что согласен с германским предложением относительно болгаро-турецкой декларации.³

В тот же день германский проект болгаро-турецкой декларации о ненападении был сообщен в Анкару. В каком направлении гитлеровцы намеревались использовать эту декларацию видно из письма Папена болгарскому посланнику в Анкаре С. Кирову. В нем говорилось: «Полностью согласен с вами. Я уверен, что этот текст послужит сохранению мира между двумя соседними странами, одновременно обяжет Турцию воздержаться от всякого нападения даже в том случае, если третья сила будет вынуждена к действиям, которые не затронут турецкие границы».⁴

Наряду с подготовкой к заключению болгаро-турецкой декларации о ненападении турецкое правительство стремилось получить от гитлеровской Германии письменные гарантии относительно неприкосновенности турецких границ. Это должно было явиться первым практическим результатом миссии полковника Доновена в Софию.

Во время предварительного допроса на Нюрнбергском процессе обвиняемый Ф. фон Папен заявил американскому следователю Томасу Додду, что зимой 1940—1941 года он советовал «германскому генеральному штабу и Гитлеру, чтобы они ни в коем случае не использовали Турцию в качестве пути к Суэцко-

¹ E. Vere-Hodge. Turkish Foreign Policy. 1918—1950. London, 1951, p. 141.

² DGFP, vol. XI, N 714, p. 1203—1204.

³ Ibid, p. 1204, f-n. 4.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 72. Шифр. телегр. Кирова БМИД от 28/1-41 г.

му каналу».¹ Папен утверждает, что в целях предотвращения вступления Турции в войну на стороне Англии он предложил Гитлеру обратиться к турецкому президенту И. Иненю с письмом, в котором тот должен был дать заверение, что Германия не собирается нападать на Турцию. Для большей убедительности этих заверений Гитлер должен был пообещать турецкому президенту дать приказ германским войскам не приближаться к турецкой границе ближе чем на 30 км.²

В опубликованных после войны мемуарах Папен пишет, что в связи с поражением Италии в войне против Греции и угрозой высадки английских войск на греческую территорию. Гитлер решил направить германские войска из Румынии в Грецию через болгарскую территорию. Этот шаг мог привести вступлению в войну Турции, которая была связана союзными обязательствами с Англией и Грецией. К этому времени германский генеральный штаб по указанию Гитлера разработал меморандум, в котором говорилось, что немецкие войска могут нанести по Англии смертельный удар путем захвата Суэцкого канала и нефтепромыслов у Персидского залива. Папен утверждает, что он будто бы считал этот план опасным, так как Турция могла вступить в войну на стороне Англии, поэтому он и обратился 28 января 1941 года к Гитлеру с предложением направить турецкому президенту письменные гарантии о неприкосновенности турецких границ. Гитлер должен был заверить турецкого президента в том, что во время германских военных операций против Греции, во избежание возникновения каких-либо инцидентов на болгаро-турецкой границе он даст приказ германским войскам держаться от турецких границ на расстоянии 20 миль.³

Как в показаниях Папена на Нюрнбергском процессе, так и в его мемуарах крупницы правды причудливо переплетаются с нагромождением беззастенчивой лжи. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе Папен пытался, прежде всего, увильнуть от ответственности за активное участие в осуществлении германских агрессивных планов на Балканах и против СССР. «В это время,—заявил Папен американскому следователю Т. Додду,—не было ни малейшей причины предвидеть германо-русскую войну...».⁴ Папен пытался представить себя в качестве благоразумного и осторожного дипломата, который советовал в начале 1941 года Гитлеру и германским генералам воздержаться от продвижения на Ближний Восток и ограничиться оборонительными действиями против английских войск в Греции, но факты свидетельствуют о том, что Папен вместе с Гитлером:

¹ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 28, л. 251.

Там же.

³ F von Papen. Memoirs. London, 1952, p. 470—471.

⁴ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 28, л. 251.

и германскими генералами пытался разорвать англо-турецкий союз и превратить Турцию в германского союзника. Он всячески убеждал турецкое правительство в том, что Германия не тронет Турцию, если она воздержится от вступления в войну на стороне Англии.

Опубликованные государственным департаментом США и Форин офис «Документы германской внешней политики» не дают возможности проследить в деталях германское дипломатическое наступление Турции в начале 1941 года, так как все документы, касающиеся германо-турецких отношений с 16 января по 19 февраля 1941 года, опущены, но известное представление о деятельности гитлеровской дипломатии в том числе Папена в Турции дают донесения болгарского посланника в Анкаре С. Кирова, который действовал в это время в тесном контакте с гитлеровским послом в Анкаре Ф. фон Папеном.

Из документов болгарского Министерства иностранных дел видно, что 28 января 1941 года Папен передал болгарскому посланнику в Анкаре С. Кирову в письменном виде проект германского заверения и гарантий Турции, которые предполагалось включить в послание Гитлера турецкому президенту. Вряд ли Папен решился бы на этот шаг, вопреки инструкциям Риббентропа от 15 января 1941 года, если бы к этому времени не получил из Берлина новых указаний.

В конце января и первой половине февраля 1941 года гитлеровская дипломатия стремилась удержать Турцию от вступления в войну на стороне Англии и перетянуть ее вместе с Грецией на свою сторону. Следует отметить, что правительство Метаксаса было склонно пойти на это. 18 января 1941 года греческий посланник в Лондоне заявил, что «Греция не может считать себя союзником Англии, так как не находится в войне с Германией, а напротив, поддерживает добрые отношения с Берлином. Греция только обороняется от Италии и этим ограничивается ее участие в войне».¹

Пока американский эмиссар полковник Доновен разъезжал по Балканам, гитлеровский посол в Анкаре Ф. фон Папен нащупывал возможность заключения «почетного мира» между Грецией и Италией. Гитлеровцы обещали правительству Метаксаса сохранить независимость и территориальную целостность Греции при условии, если она порвет связь с Англией. Это должно было по их расчетам сказаться также на позиции Турции. Папен заявил болгарскому посланнику, что Германия добивается не только прекращения итало-греческой войны, а стремится оторвать Грецию и Турцию от Англии. Если бы удалось заключить мир между Италией и Грецией, то это дало бы возмож-

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 2, Шифр. телегр. Н. Момчилова — БМИД. Лондон, 18/1-41 г.

ность Италии сосредоточить основные усилия на борьбе с Англией и Северной Африке.¹ Однако попытки Папена склонить Турцию к посредничеству между Грецией и Италией не увенчались успехом, тогда Папен обратился с просьбой о посредничестве между Италией и Грецией к шведскому правительству, при этом Папен стремился выяснить возможность заключения компромиссного мира между Германией и Англией.² Из «завещания Гитлера» видно, что Папен предпринял мирный зондаж по указанию из Берлина. «Если бы Англия захотела,—говорится в «завещании»,—то она могла бы положить конец войне в начале 1941 года. Это помешало бы вмешательству США в Европейские дела и Европа была бы объединена под германским руководством».³

Однако мирный зондаж гитлеровцев оказался безрезультатным. Шведское правительство отклонило германскую просьбу о посредничестве между Германией и Англией.⁴ Не только Англия, но и союзник Германии по оси — фашистская Италия выступили против прекращения итало-греческой войны. Итальянский посол в Анкаре заявил, что Италия будет продолжать войну с Грецией до победного конца.⁵ Основным противником заключения мира между Италией и Грецией являлась Англия, в Лондоне опасались, что в случае прекращения итало-греческой войны державы оси займут греческие базы и развернут военные действия против Англии в Средиземном море, Северной Африке и на Ближнем Востоке.⁶

29 января 1941 года греческий премьер-министр генерал Метаксас скоропостижно скончался. Германская и итальянская пропаганда утверждала, что Метаксас был убит агентами Интеллидженс Сервис. Трудно сказать, насколько были правдивы эти обвинения, но несомненно, что смерть Метаксаса являлась ударом по германским планам в отношении Греции.

Отклонив германские мирные предложения, правительство Черчилля приняло все возможные меры к срыву германского дипломатического наступления в Греции и Турции. В конце января — начале февраля 1941 года Форин Офис усилил нажим на Болгарию, 29 и 30 января болгарский посланник в Лондоне дважды сообщал в Софию о том, что в английском генеральном штабе и в правительственных кругах Англии проявляют серьез-

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 61. Шифр. телегр. С. Кирова — БМИД. Анкара, 25/1-41 г.

² F. van Papen. Memoirs, p. 472.

³ The Testament of Adolf Hitler. London, 1962, p. 41.

⁴ В Стокгольме к этому времени убедились в том, что война между Германией и Англией приобретает затяжной характер. Болгарский посланник в Стокгольме Д. Антонов сообщил 24 января 1941 г. в Софию, что шведский министр иностранных дел Гюнтер не верит в возможность заключения мира между Германией и Англией. ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 118—120.

⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 61.

⁶ Там же, л. 40. Шифр. телегр. Н. Момчилова — БМИД от 22/1-41 г.

ное беспокойство в связи с появлением на болгарских аэродромах многочисленных германских военных летчиков и техников.¹

Наибольшее внимание в это время правительство Черчилля по-прежнему уделяло укреплению союза с Турцией, который являлся, по словам Батлера, «стержнем английской стратегии на Балканах».² В Лондоне опасались, что германское проникновение в Болгарию может «катастрофически воздействовать на моральное состояние турок».³ 31 января 1941 года Черчилль обратился к турецкому президенту И. Инению с письмом, в котором говорилось: «Быстро возрастающая угроза Турции и британским интересам заставляет меня, господин президент, обратиться к вам непосредственно». Черчилль отметил далее, что Германия готовится занять болгарские аэродромы и ввести свои войска в Болгарию с тем, чтобы в дальнейшем занять Салоники или вынудить Грецию пойти на мир с Италией и заставить греков передать немцам воздушные базы в Греции и на греческих островах, что создало бы угрозу английским коммуникациям, связывающим Египет с Турцией. В таком случае, говорилось в письме, немцы «не дадут возможность нашему морскому флоту использовать порт в Смирне; они будут полностью контролировать все выходы из Дарданелл и таким образом добьются полного окружения Турции в Европе с трех сторон. Это также облегчит им наступление на Александрию и вообще на Египет».⁴

Черчилль предложил турецкому правительству предпринять совместные меры для защиты Турции и Греции от возможного германского удара через болгарскую территорию. Он сообщил И. Инению о своей готовности послать в Турцию 10 эскадрилий английских бомбардировщиков и истребителей, которые должны были создать угрозу румынским нефтепромыслам.⁵ Английский посол в Анкаре предупредил турецкое правительство о предстоящем приезде в Анкару английского министра иностранных дел А. Идена для консультации о военном сотрудничестве.⁶ В тот же день Черчилль дал указание комитету начальников штабов срочно подготовиться к оказанию помощи Турции, он опасался, как бы усиление германского давления на Турцию не привело к разрыву англо-турецкого союза. «Было совершенно очевидно,—говорилось в письме Черчилля комитету начальников штабов,—что мы не можем считать договор, заключенный нами с нею до войны, обязательным для нее при изменив-

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. л. 79, 81.

² Дж. Батлер. Большая стратегия. Т. 2, стр. 359.

³ Там же.

⁴ W. S. Churchill. The Second World War. Vol. 3, p. 29.

⁵ Ibidem.

⁶ L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War, p. 132.

шихся обстоятельствах».¹ Для такого рода опасений в то время имелись веские основания, Турция стремилась уклониться от вступления в войну с Германией. В своем ответе на послание Черчиллю турецкое правительство признало предложенную Англией помощь совершенно недостаточной. Турция вступит в войну, говорилось в турецком ответе, лишь в том случае, если она подвергнется нападению извне.²

Правительство Черчилля угрожало Германии в начале 1941 года созданием балканского фронта, если та не ограничится превращением Балкан в правый фланг будущего советско-германского фронта и использует Болгарию в качестве плацдарма для наступления немецких войск через Турцию на Ближний Восток. «Единственно возможным политическим курсом, единственной надеждой на этой стадии все более расширявшейся войны,—пишет Черчилль,—являлось выдвижение организованного плана объединения сил Югославии, Германии и Турции и именно это мы и пытались осуществить в тот момент».³ Как отмечает А. Иден, Югославия занимала в начале 1941 года неопределенную позицию. Это не только лишало Германию возможности использовать Югославские коммуникации для продвижения к греческим границам по кратчайшему и наиболее удобному пути, но и создало фланговую угрозу немецким войскам в Болгарии. Кроме того, пишет Иден, русские были явно против вступления немецких войск в Болгарию.⁴ Оба эти обстоятельства, особенно последнее, были использованы английским правительством, но не так, как об этом говорится в мемуарах Черчилля и Идена.

В своих мемуарах Черчилль обвиняет Советское правительство в том, что оно не поддержало в начале 1941 года английских усилий по объединению балканских стран и Турции для сопротивления германской агрессии на Балканах. «Советский Союз позволил немцам занять весь Балканский полуостров»,—пишет Черчилль,—Румыния, Болгария, Югославия и Турция, входившие в зону жизненных интересов и безопасности Советского Союза, «могли бы быть объединены Советским правительством в январе при активной помощи Англии и образовать Балканский фронт против Гитлера, но оно дало всем им, кроме Турции, попасть в беду».⁵ Эти антисоветские выпады понадобились Черчиллю для того, чтобы скрыть политику закулисного сговора, проводившуюся английским правительством в начале 1941 года. Черчилль не только стремился сохранить союз с Турцией, но и удержать ее от возможного сближения с Советским

¹ W. S. Churchill. The Second World War Vol. 3, p. 32.

² L. Woodward. Op. cit., p. 132.

³ W. S. Churchill. Op. cit., vol. 3, p. 32.

⁴ The Eden Memoirs. The Reckoning p. 187—188.

⁵ W. S. Churchill. Op. cit., vol. 3, p. 315.

Союзом. В своем письме к турецкому президенту от 31 января 1941 года Черчилль указал, что английские военно-воздушные силы на турецкой территории могли бы быть использованы не только против Германии, но и для действий против Советского Союза. Правда, он оговорился, что к этой мере следует прибегнуть лишь в том случае, если Советский Союз станет оказывать Германии прямую или косвенную поддержку.¹ Было совершенно очевидно, что правительство Черчилля выступало против сближения Турции с Советским Союзом.

С момента поражения англо-французского блока в июне 1940 года и до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз правительство Черчилля несколько раз становилось на путь сближения с Советским Союзом, но ни разу не довело дело до полной нормализации отношений с Советским Союзом. Это был шантаж по отношению к германскому противнику, и правительство Черчилля прибегало к нему всякий раз, когда возникала угроза высадки немцев на Британских островах или прорыва германских вооруженных сил на Ближний Восток. Так было и в начале 1941 года.

Правительство США продолжало в это время оказывать Англии энергичную дипломатическую поддержку. 31 января 1941 года после посещения Белграда и итало-греческого фронта в Албании полковник Доновен прибыл в Турцию. Здесь он обсудил обстановку с английским послом Нэтчбул-Хьюджессеном и главой английской военной миссии генералом Маршаллом — Корнуоллом.² Во время переговоров с турецким премьер-министром, министром иностранных дел и руководителями турецкой армии полковник Доновен поддержал английское предложение об установлении военного сотрудничества между Англией и Турцией. Он заявил турецким государственным деятелям, что США предоставят всю возможную помощь Англии и всем тем странам, которые окажут сопротивление Германии. При этом было указано, что если Англии и Греции удастся продержаться еще 6 месяцев, то американская военная продукция начнет поступать широким потоком всем воюющим с Германией странам.³ Но все эти обещания американского эmissара являлись не больше, чем синицей в небе. Единственным реальным выходом являлось совместное противодействие немецко-фашистской агрессии со стороны Англии, Турции, балканских стран и Советского Союза, но в этом вопросе полковник Доновен занял позицию, полностью совпадающую с точкой зрения Черчилля.⁴

Таким образом Англия и США не только не предприняли реальных шагов к улучшению отношений с Советским Союзом,

¹ W. S. Churchill. Op. cit., vol. 3, p. 29.

² «The New York Times», 1/II-41 г.

³ W. L. Langer and S. E. Gleason. The Undeclared War, p. 399.

⁴ Ibidem.

но даже противодействовали возможному сближению балканских стран и Турции с Советским Союзом.

Хотя Турция и отклонила предложение Черчилля о вступлении в войну на стороне Англии, тем не менее английскому послу в Анкаре удалось убедить турецкого министра иностранных дел С. Сараджоглу обратиться в Белград с предложением обсудить вопрос о совместных действиях. Это должно было создать благоприятные предпосылки для продолжения переговоров с Болгарией.¹ Об этом обращении стало известно в Софии, где сильно боялись противодействия вступления немецких войск в Болгарию со стороны Турции и Югославии.²

На возобновшихся в конце января—начале февраля 1941 года в Анкаре болгаро-турецких переговорах о заключении декларации о ненападении возникли серьезные разногласия. Германские поправки к турецкому проекту вызвали у турок опасение, что заключение такой декларации может привести лишь к нарушению нейтралитета Болгарии. Генеральный секретарь турецкого Министерства иностранных дел Н. Менеменджюглу заявил С. Кирову, что Турция не требует от Болгарии защиты своей независимости и нейтралитета, но обе договаривающиеся стороны должны принимать решения и нести за них ответственность самостоятельно. Болгария и Турция должны показать при заключении декларации, что остаются верны согласованным до этого основным принципам, поэтому турецкое правительство настаивает на принятии первоначального турецкого проекта. Суть разногласий в сущности сводилась к тому, согласится ли Германия, взамен согласия Турции и ее английского союзника на вступление немецких войск в Болгарию, то есть на нарушение Болгарией нейтралитета, отказаться от своего намерения направить немецкие войска через Турцию на Ближний Восток. В течение последующей недели Ш. Сараджоглу и Н. Менеменджюглу настаивали на включении в текст турецких поправок, но у болгарского посланника сложилось впечатление, что они в конце концов уступят и примут предложенный Софией, а вернее Германией, проект болгаро-турецкой декларации.³ 2 февраля 1941 года американский поверенный в делах в Берлине Моррис заявил болгарскому дипломату Смедовскому о том, что правительство США рекомендует болгарскому правительству воздержаться от активного сотрудничества с Германией. «Вы должны,—сказал Моррис,—противодействовать до конца всяким попыткам вовлечения в войну и любой ценой сохранять нейтралитет». При этом он указал, что «Герма-

¹ Н. Knatchbull-Hugessen. *Diplomat in Peace and War*. London, 1949, p. 1159.

² DGFP, vol. XI, N 713, p. 1212.

³ ЦДИА, ф. 175, оп. 15, д. 2, л. л. 102—103. Шифр. телегр. С. Кирова — БМИД, от 31/1-41 г.

ния упустила удобный момент для вторжения в Англию в 1940 году, а теперь США не позволят, чтобы Германия победила. фактически Америка уже находится в войне с Германией».¹

Одновременно с нажимом на Болгарию США и Англия стремились вызвать обострение отношений между Германией и СССР. В начале февраля 1941 года в английской и американской печати появились сообщения о том, что якобы между Советским Союзом и Турцией заключено тайное соглашение, согласно которому Советский Союз обязался снабжать Турцию вооружением для противодействия немецкой агрессии на Балканах и что в связи с этим в Москву направляется турецкая комиссия для покупки советского оружия.² В ответ на эти провокационные слухи 4 февраля 1941 года ТАСС опубликовал сообщение, в котором говорилось, что «никакого тайного или нетайного соглашения указанного характера между СССР и Турцией не заключено и не предполагается заключить, никакой турецкой комиссии по закупке оружия в Москве не существует и вообще все это сообщение иностранной печати является вымышленным».³

Зимой 1940—1941 года классовая и политическая борьба в Болгарии заметно обострилась. После июньской стачки рабочих табачной и текстильной промышленности, всколыхнувшей всю страну, в борьбу против этого ограбления Болгарии германскими империалистами и вовлечения ее в войну на стороне блока фашистских агрессоров стали втягиваться новые, более широкие слои трудящихся города и деревни. Организатором и руководителем этой борьбы является Болгарская рабочая партия.

В конце 1940 года состоялись массовые слеты крестьян-табаководов в Пловдиве, Брацигово и Дупнице, на которых были приняты резолюции протеста против произвола болгарского и германского табачного капитала. На слете в Пловдиве 8 декабря 1940 года участвовало более 10 тыс. крестьян-табаководов, прибывших из разных районов страны. Слет протестовал создания в Болгарии государственной монополии с участием представителей крестьян, повышения закупочных цен на табак, предоставления дешевого государственного кредита. Участники слета единодушно высказались «за мир и нейтралитет страны».⁴

Заключение 10 декабря 1940 года кабальной сделки между германским табачным концерном «Реестма» и правительством Б. Филова вызвало сильное недовольство крестьян-табаководов. На состоявшемся 15 декабря 1940 года в городе Брацигово слете крестьяне-табаководы выразили протест против сделки с

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 68—70. Докладная записка А. Смедовского о беседе с Моррисом 2 февраля 1941 г.

² Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. 4, стр. 543.

³ Там же.

⁴ «Известия на Държавните архиви». София, 1960, № 4, стр. 111—113.

Германией и потребовали расширения экспорта табака в Советский Союз.¹ 21 декабря 1940 года состоялся 5-тысячный слет крестьян-табаководов в Дупнице, выдвинувший аналогичные требования.²

Борьба болгарских трудящихся за улучшение социально-экономического положения сочеталась с движением за мир и нейтралитет страны, с защитой независимости страны. Наивысшего подъема эта борьба достигла зимой 1940—1941 года, когда по всей Болгарии развернулось движение за заключение пакта о взаимопомощи между Болгарией и Советским Союзом. В декабре 1940 года в адрес правительства, парламента и царя Бориса поступило 200 тыс. телеграмм, писем, и требований о заключении пакта о взаимопомощи с Советским Союзом. В течение первых двух месяцев 1941 года поступило еще 140 тыс. обращений, всего под требованиями о заключении пакта взаимопомощи с Советским Союзом подписалось более 1,5 млн. человек.³ Движение за заключение пакта о взаимопомощи между Болгарией и Советским Союзом превратилось в подлинный народный плебисцит, в котором участвовали рабочие, крестьяне, ремесленники, интеллигенты, мелкая и средняя буржуазия. Парламентская фракция БРП дважды обращалась в январь 1941 года с запросами премьер-министру по вопросам внешней политики правительства и относительно советского предложения о заключении пакта о взаимопомощи между Болгарией и Советским Союзом, но правительство Б. Филова уклонилось от обсуждения этих вопросов в парламенте.

Крупная буржуазия в Болгарии как германофильского, так и англофильского направлений выступала против заключения пакта о взаимопомощи с Советским Союзом и против объединения всех сторонников сохранения нейтралитета и независимости Болгарии. Зимой 1940—1941 года в борьбе против БРП и сторонников заключения пакта о взаимопомощи с Советским Союзом сторонники Англии фактически сотрудничали с болгарским монархо-фашистским режимом. 26 декабря 1940 года в доме одного из лидеров Болгарского земледельческого союза В. Димова состоялось совещание руководителей правого крыла земледельческого союза, социал-демократической партии и других «демократических» партий, на котором обсуждался вопрос о борьбе против «растущего коммунистического движения». Присутствовавшие на этом совещании Д. Гичев, Кр. Пастухов, Гр. Васильев, профессор П. Стоянов, Ст. Костурков и В. Димов,

¹ «Известия на Държавните архиви», София, 1960, № 4, стр. 116, ЦДИА, ф. 173, оп. 6, д. 1077, л. 410.

² Л. Б. Валеv, стр. 242.

³ Ил. Бочев, и Д. Даскалов. Движението за дружба и пакт със Съветския съюз у нас през 1940 г. «Исторически преглед», 1961, № 5, стр. 67; Л. Б. Валеv. Болгарский народ в борьбе против фашизма, стр. 255—258.

вместо осуждения прогитлеровской политики правительства Б. Филова, упрекали его за то, что оно не сумело пресечь деятельность БРП в городах и селах.¹ Лидеры буржуазных и мелкобуржуазных партий считали для себя важнее помешать росту влияния БРП, чем вовлечению Болгарии в блок фашистских агрессоров, несомненно, что они действовали под влиянием Англии. Бывший английский посланник в Софии Дж. Рендел отмечает в своих мемуарах, что зимой 1940—1941 года в болгарских буржуазных политических кругах было немало людей, склонных к сопротивлению Германии и к защите независимости своей страны. Рендел поддерживал связь с деятелями болгарской буржуазной оппозиции через атташе по делам печати Стивенса и военного атташе Рона.²

Во время подготовки англо-германского закулисного сговора, когда правительству Черчилля нужно было оказать нажим на Софию и Берлин, помимо военных и дипломатических угроз английские и американские посланники в Софию прибегали также к услугам лидеров болгарской буржуазной оппозиции Н. Мушанова, Ат. Букова, Дм. Гичева и других. Так в первой половине февраля 1941 года, когда Германия пыталась уклониться от предоставления гарантии или заверений о ненападении Турции, Н. Мушанов и Ат. Буков несколько раз обращались с запросами к премьер-министру Б. Филову о внешнеполитической ориентации болгарского правительства, причем в самый критический момент, когда гитлеровцы намеревались после оккупации Болгарии нанести удар по Турции, Н. Мушанов выступил в роли инициатора совместного запроса всех представителей болгарской оппозиции о возможности пропуска немецких войск в Болгарию.³ Таким образом, лидеры болгарской буржуазной оппозиции являлись послушным орудием в руках англо-американской дипломатии в Софии.

Правительство царя Бориса — Б. Филова стремилось подавить растущее сопротивление болгарского народа путем установления в стране тоталитарного фашистского режима. В ноябре 1940 года правительство Б. Филова внесло в парламент два реакционных законопроекта, которые были в декабре в спешном порядке утверждены правительственным большинством парламента почти без обсуждения. Первый из этих законов предусматривал создание в Болгарии фашистской юношеской организации «Бранник», призванной воспитывать болгарскую молодежь в реакционном, шовинистическом и милитаристском духе.

¹ Л. Б. Валиев. Болгарский народ в борьбе против фашизма, стр. 244—245; Б. Боев. Опитът на БКП в обединяването на демократичните сили на народа за победата на социалистическата революция. «Известия на Висшата партийна школа «Станке Димитров» при ЦК БКП», 1961, № 12, стр. 86.

² G. Rendel. The Sword and the Olive, p. 174.

³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, лл. 103, 109, 126.

Второй закон «О защите нации», носил антисемитский, расистский характер. С помощью этих фашистских законов правительство Б. Филова рассчитывало подавить сопротивление болгарского народа прогитлеровской внешней политикой, расколоть болгарский народ и отвлечь его внимание от жизненно важных внутренних и внешнеполитических проблем.

Депутаты-коммунисты в составе 11 человек внесли в парламент предложения о поименном голосовании этих законопроектов, однако правительственное большинство отклонило это предложение. Депутат коммунист Т. Поляков заявил при обсуждении законопроекта «О защите наций»: «Болгарский народ отрицает этот законопроект..., он не является законом о защите нации, а позорит нацию...».¹

В конце января 1941 года в Софии в глубоком подполье состоялся VII пленум ЦК БРП, на котором обсуждалось внутриполитическое и международное положение страны. Пленум отметил усиление опасности вовлечения Болгарии в войну между двумя империалистическими группировками. Балканы уже превратились в арену борьбы между английскими и итальянскими империалистами, Турция ведет военные приготовления во Фракии, в Румынии сосредоточена немецкая армия численностью в несколько сот тысяч человек; Болгария давно бы была уже втянута в войну, если бы этому не помешал Советский Союз.

VII пленум ЦК БРП отметил, что Советский Союз проводит политику нейтралитета и заинтересован в сохранении мира на Балканах. «Именно руководствуясь этой своей политикой мира и обеспечения безопасности в Черноморском бассейне и около проливов и исходя из полного совпадения интересов между двумя братскими странами, Советский Союз предложил Болгарии заключить пакт о взаимопомощи. Сделанное как раз в момент, когда воюющие империалисты были готовы начать войну на болгарской территории, советское предложение спасло еще раз Болгарию от вовлечения в войну». Пленум указал, что заключение пакта о взаимопомощи с Советским Союзом «является единственным средством сохранения мира и независимости страны в условиях натиска воюющих империалистов... Болгарский народ в огромном своем большинстве встретил советское предложение с радостью и доверием..., однако болгарское правительство отвергло советское предложение под тем предлогом, что пакт с Советским Союзом может втянуть Болгарию в войну, и что этот пакт затрагивает ее независимость».² Это еще раз свидетельствует о том, что болгарское правительство руководствуется в своей политике не национальными интересами, а узко классовыми, эгоистическими интересами крупной буржуазии

¹ Стенографски дневници на XXV ОНС. П рс, стр. 260.

² БКП в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК т. 3, 1924—1944, София, 1954, стр. 379—383.

В решениях ЦК БРП указывалось, что после отклонения советского предложения правительство царя Бориса — Б. Филова все более и более связывает Болгарию с одной из воюющих группировок. В результате страна оказалась в экономической и военной зависимости от Германии, в ее распоряжение переданы все экономические и продовольственные ресурсы, проводится широкая пропаганда в пользу вовлечения Болгарии в гитлеровский «новый порядок» и за присоединение Болгарии к итало-германскому блоку. В Болгарии насаждаются фашистские методы управления. Под видом «туристов» и «специалистов» в страну проникают немецкие солдаты и офицеры, на словах болгарское правительство продолжает говорить о мире и нейтралитете, на деле нарушает нейтралитет и втягивает Болгарию в войну на стороне Германии и Италии, что неминуемо приведет болгарский народ к национальной катастрофе.

Пленум отметил, что против заключения пакта о взаимопомощи с Советским Союзом выступают не только болгарские монархо-фашистские правители, но и агенты английского империализма. БРП призвала весь болгарский народ к решительной борьбе против вовлечения Болгарии в империалистическую войну, как на стороне Германии, так и на стороне Англии, усилить борьбу за заключение пакта о взаимопомощи с Советским Союзом, который является единственным средством сохранения нейтралитета Болгарии. Если вопреки воле болгарского народа, говорилось в резолюции, Болгария будет втянута в войну на стороне одной из империалистических группировок, то необходимо разоблачать империалистический характер и виновников войны, отказывать в какой бы то ни было политической поддержке правительству в такой войне. Вместе с тем Пленум призвал избегать любых необдуманных действий, которые могли бы поставить партию и массы под удар внутренней и внешней реакции.¹

В решениях VII Пленума ЦК БРП(к)² были выдвинуты задачи, отражавшие интересы огромного большинства болгарского народа. В противовес болгарским монархо-фашистским правителям, которые вели страну к порабощению германским империализмом и катастрофе, БРП(к) призывала к борьбе за сохранение нейтралитета и национальной независимости страны.

БРП(к) и демократическим силам Болгарии не удалось воспрепятствовать экономическому порабощению страны германским империализмом и оккупации страны немецко-фашистскими войсками, но развернувшееся по всей Болгарии движение за заключение пакта о взаимопомощи с Советским Союзом связывало

¹ БКП в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК. Т. 3: 1924—1944. София, 1954, стр. 379—386.

² С VII Пленума болгарская рабочая партия стала именоваться Болгарская Рабочая партия (коммунистов).

руки болгарских монархо-фашистских правителей. Это движение явилось одной из причин, замедливших присоединение Болгарии к тройственному пакту на несколько месяцев. Правительство Б. Филова преследовало коммунистов и других активных участников движения за заключение пакта о взаимопомощи с СССР. С декабря 1940 года по март 1941 года полиция арестовала бросила в концентрационные лагеря несколько сот коммунистов.¹ По приказу правительства Б. Филова полиция закрыла болгаро-советские общества, препятствовала распространению советской газеты «Известия», демонстрации советских фильмов в болгарских кинотеатрах. Правительство Б. Филова приказало полиции производить осмотр всех почтовых посылок и отправок, с помощью которых БРП(к) распространяла свои периодические издания и листовки.²

29 января 1941 года при обсуждении вопроса о мобилизации и отправке мобилизованных на болгаро-турецкую границу царь Борис и «четвертка» приняли решение осуществить примерно 1 февраля «провал» коммунистов, то есть произвести массовые аресты коммунистов.³ Однако правительство Б. Филова боялось внутриполитических осложнений и вынуждено было неоднократно откладывать этот «провал» на более поздние сроки,⁴ пока, наконец, 14 февраля царь Борис и «четвертка» приняли решение провести «провал» коммунистов по частям и тайно.⁵

В конце января — начале февраля 1941 года в резиденции Гитлера в Берхтесгадене состоялась серия совещаний политических и военных руководителей гитлеровской Германии, на которых обсуждалась подготовка к осуществлению операции «Марита» и плана «Барбаросса». Гитлер утвердил представленный командованием вермахта план концентрации германских войск на Востоке. При обсуждении плана «Марита» он выразил уверенность в том, что «Турция не пошевелится, когда игра начнется, поэтому не потребуются специальных сил для защиты Балкан. Опасный момент может возникнуть, если вся Ливия окажется в руках англичан. Они могут тогда использовать свои освободившиеся силы против нас в Сирии».⁶ Верховное командование вермахта считало необходимым сократить до минимума период между вступлением немецко-фашистских войск в Болгарию и германским нападением на Грецию, но, во всяком случае,

В декабре 1940 г. полиция арестовала в Софийской, Врачанской и Шуменской областях 69 человек «За опасную и пакостную коммунистическую деятельность». ЦДИА, ф. 370, оп. 1, д. 780, л. 96—97.

² ЦДИА, ф. 284, оп. 1, д. 7592, л. 7.

³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 61.

⁴ Там же, л. 91—108.

⁵ Там же, л. 114.

⁶ DGER, vol. XII, p. 11

германские вооруженные силы должны быть готовы к нападению на Грецию не позднее 1 апреля 1941 года. В целях обеспечения успешного вступления немецких войск в Болгарию и их быстрого продвижения к греческой и турецкой границам было решено создать сеть военно-воздушных баз на болгарской территории и обеспечить противовоздушную оборону румынских и болгарских черноморских портов.¹ Командование вермахта считало «желательным, с военной точки зрения», дать правительствам Турции и Югославии специальное германское заверение и указывало на необходимость заключения между Болгарией и Турцией пакта о ненападении. Ориентировочный срок вступления немецких войск в Болгарию был назначен на 20 февраля 1941 года.²

Таким образом, на совещаниях у Гитлера в конце января — начале февраля 1941 года были подтверждены ранее принятые решения о подготовке к нападению на Советский Союз и об обеспечении правого фланга германских вооруженных сил во время их действий против Советского Союза.

После завершения переговоров о присоединении Болгарии к тройственному пакту, заключения протокола о военном сотрудничестве между Болгарией и Германией и заключения соглашения «Нейбахер» о финансировании и снабжении немецких войск в Болгарии премьер-министр Б. Филов перешел в наступление против своих соперников в борьбе за власть. 2 февраля он потребовал от царя Бориса увольнения в отставку министра земледелия И. Багрянова, который в это время уже обсуждал со своими сторонниками вопрос о формировании нового болгарского правительства.³ Однако И. Багрянов просчитался, гитлеровцы не решились пойти на замену правительства Филова новым правительством во главе с И. Багряновым, к тому же в этом больше не было необходимости, так как правительство Б. Филова согласилось удовлетворить основные германские политические, финансово-экономические и военные требования.

После некоторых колебаний царь Борис согласился удовлетворить требование Б. Филова об отставке министра земледелия И. Багрянова, но не раньше, чем убедился в том, что этот шаг будет одобрен гитлеровцами. 3 февраля 1941 года германский военный атташе в Софии полковник Брукман дал знать

¹ DGEF vol. XI, N 719, p. 1210—1212; N 724, p. 1216—1217; vol. XII, N 7, p. 8.

² Ibid. vol. XI, N 724, p. 1216.

³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. л. 7—78, 86—87.

ему, что немцы не позволят делать какие бы то ни было эксперименты, что они полностью доверяют Б. Филову и считают, что с ним можно иметь дело.¹ 4 февраля 1941 года министр земледелия И. Багрянов был уволен в отставку. Таким образом один из главных германских агентов в Болгарии стал жертвой тайных интриг и комбинаций своих берлинских хозяев. Однако гитлеровцы не списали его полностью со счета до тех пор, пока не было обеспечено практическое выполнение намеченных политических, финансово-экономических и военных соглашений между Германией и Болгарией. Гитлеровцы продолжали держать Б. Филова и его сторонников под угрозой удара со стороны И. Багрянова и его партнеров в борьбе за власть. Второго из опасных противников — П. Драганова Б. Филлов постарался поскорее отослать из Софии в Берлин. Царь Борис и правительство Б. Филова поручили ему сообщить в Берлине о своем согласии на присоединение Болгарии к тройственному пакту. Для того, чтобы Драганов не смог исказить содержание принятых правительством Б. Филова решений, ему был вручен письменный текст этих решений, для передачи Риббентропу. Однако П. Драганов, сославшись на болезнь, в течение 10 дней продержал у себя это важное заявление болгарского правительства.² Б. Филлов вынужден был сообщить в Берлин текст заявления болгарского правительства через германского посланника в Софию Рихтгофена, при этом оно предложило Риббентропу еще до завершения приготовлений к вступлению немецких войск в Болгарию подписать секретное соглашение о присоединении к тройственному пакту.³ Германское правительство знало о своеобразной «забастовке», устроенной болгарским посланником в Берлине, но не предприняло никаких мер против него. Несмотря на то, что царь Борис и «четверка» согласились на присоединение Болгарии к тройственному пакту и вступление немецких войск в Болгарию, два члена «четверки» — министр иностранных дел И. Попов и военный министр генерал Т. Даскалов опасались, как бы все это не привело Болгарию к войне, в условиях, когда она не была подготовлена к этому и когда огромное большинство болгарского народа выступало против присоединения Болгарии к блоку фашистских агрессоров. Правительство Б. Филова неоднократно откладывало проведение мобилизации и затягивало концентрацию болгарских войск на турецкой границе, так как боялось, что это приведет к обострению отношений с Турцией и Англией. Единственный выход из этих затруднений болгарские монархо-фашистские правители видели в том, чтобы как можно быстрее и побольше

¹ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, лл. 83—84.

² Там же, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 143.

³ Там же, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 102.

вести немецких войск в Болгарию.¹ Гитлеровцы знали об этих опасениях, но до поры до времени не раскрывали своих карт. Во время германо-болгарских военных переговоров германское командование умышленно умалчивало о численности германской 12-й армии, которая должна была оккупировать Болгарию, хотя еще в середине декабря 1940 года Гитлер решил использовать в операции «Марита» более 30 германских дивизий. Гитлеровцам хотелось, чтобы правительство Б. Филова само обратилось в Берлин с просьбой ввести в Болгарию как можно больше немецких войск. Это дало бы им возможность под благовидным предлогом нарушить ранее данное обещание не возлагать на Болгарию снабжения германской 12-й армии продовольствием. Все случилось так, как было задумано в Берлине. По предложению Б. Филова, царь Борис и «четверка» послали в Берлин полковника болгарского генерального штаба Попова с просьбой направить в Болгарию как можно больше немецких войск.² 7 февраля 1941 года Б. Филов обратился к представителю германского верховного командования генералу Рихтгофену с просьбой послать в Болгарию побольше немецких войск. Генерал Рихтгофен заявил в ответ, что этот вопрос уже поднимался перед Гитлером, но тот высказал опасение, как бы увеличение численности германских войск в Болгарии не привело к возникновению продовольственных затруднений в стране.³

На следующий день после этого разговора по предложению военного министра генерала Даскалова и с одобрения министра финансов Д. Божилова правительство Б. Филова отпустило сто миллионов левов для закупки продовольствия и создания продовольственных складов, предназначенных для снабжения немецких войск.⁴

8 февраля 1941 года Риббентроп сообщил П. Драганову, что присоединение Болгарии к тройственному пакту должно быть осуществлено одновременно с вступлением немецких войск на болгарскую территорию.⁵ Он обещал предоставить Болгарии выход к Эгейскому морю. Драганов поднял вопрос о необходимости устранить опасность нападения на Болгарию со стороны Югославии и Турции и вновь обратился с просьбой послать в Болгарию как можно больше немецких войск. В ответ на это Риббентроп многозначительно заявил, что по военным соображениям он не может пока сообщить о численности немецких

¹ 5 февраля 1941 г. г. Б. Филов отметил в своем дневнике, что И. Попов и Т. Даскалов «все видят в черном свете», боятся, что немцы введут в Болгарию недостаточные силы, не больше 10 дивизий. Это может, по их мнению, привести к катастрофе. ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 91—92.

² ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 92.

³ Там же.

⁴ «Известия» на държавните архиви; т. 3, София, 1959, стр. 101—102.

⁵ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 106.

войск, которые будут посланы в Болгарию. «Но можете быть уверены в том,—сказал он,—что их будет значительно больше того, чем вы требуете». П. Драганов предложил, чтобы во время присоединения Болгарии к тройственному пакту Риббентроп сделал специальное заявление о том, что Германия принимает во внимание и обязуется уважать соглашение о дружбе и ненападении, заключенное Болгарией с Турцией и Югославией. В ответ Риббентроп заявил, что нет необходимости давать Турции какие-либо особые германские заверения. Ни Турция, ни Югославия не решатся что-либо предпринять против Болгарии.¹

13 февраля 1941 года Гитлер отдал приказ приступить к наведению мостов через Дунай 21 февраля и к вступлению немецких войск в Болгарию 24 февраля 1941 года. «Если, вопреки ожиданиям,—говорилось в директиве Гитлера,—Турция начнет враждебные действия против Болгарии в момент вступления на ее территорию немецких войск, то военно-воздушные силы и вторая танковая дивизия должны быть использованы против нее, на начальной стадии наступления на Стамбул желательно, конечно, участие болгар».² Верховное командование вермахта сообщило в Софию о том, что общая численность немецких войск, направляемых в Болгарию, составит 680 тыс. человек. Гитлер потребовал, чтобы к 24 февраля болгарское правительство завершило мобилизацию в своей стране.³

* * *

В конце января — начале февраля 1941 года, одновременно с подготовкой к вводу немецких войск в Болгарию, гитлеровская Германия усилила свой нажим на Грецию. 30 января, то есть на следующий день после смерти генерала Метаксаса, Гитлер выступил с речью, в которой заявил, что в случае появления английских войск на Балканах германская армия немедленно атакует их.⁴ Гитлеровский особый уполномоченный по экономическим вопросам на Балканах Г. Нейбахер, находившийся в Софии, заявил, что германские войска сосредоточены в Румынии для нанесения удара в направлении Эгейского моря.⁵ Германские газеты с начала февраля 1941 года развернули кампанию против Греции, обвиняя ее в сотрудничестве с Англией в войне против держав оси.⁶

В первое время после смерти Метаксаса Гитлер все еще на-

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 56. Шифр. телегр. Драганова — БМИД № 41 от 13 II—41 г.; д. 2, л. 140—142.

² DGEP, vol. XII, N 51, p. 99—100.

³ Ibid., p. 100.

⁴ Dokuments relating to the conflict with Yougoslavia and Greece. Auswärtiges Amt. 1939/41, N 7 Berlin, 1941. Doc. N 140, p. 200, p. 204.

⁵ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 3 т. Т. 2, М., изд-во юридической литературы, 1966, стр. 80.

⁶ FR, 1941, vol. 2, p. 643.

деялся овладеть Грецией без войны, путем сговора с греческим монархо-фашистским правительством. Новым греческим премьер-министром был назначен А. Корицис, в его руках оказались также министерство иностранных дел, военное министерство, министерство военно-морских и военно-воздушных сил.¹ А. Корицис был бесцветной личностью с крайне реакционными убеждениями, он поддерживал тесную связь с германским посланником в Афинах Эрбахом и будущим первым греческим квислингом генералом Чолакоглу.² По болгарским данным премьер-министр Корицис был готов вступить в мирные переговоры с Италией.³

В конце января 1941 года Гитлер вызвал к себе германского военного атташе в Афинах майора К. фон Хоэнберга для доклада о военном и политическом положении в Греции. К. фон Хоэнберг прибыл в Берлин через несколько дней после смерти Метаксаса. В своем докладе Гитлеру он отметил, что к моменту отъезда из Афин ни в Греции, ни на греческих островах, включая Крит, не было каких-либо крупных английских войск, за исключением нескольких десятков самолетов и обслуживающих их наземных частей. К. фон Хоэнберг выразил уверенность в том, что пока немецкие войска не переправятся через Дунай, вряд ли английские войска будут высажены в Греции. Он сообщил Гитлеру, что генерал Метаксас склонялся к заключению мира с Италией и что после его смерти в Греции имеются дружелюбно настроенные по отношению к Германии круги, которые выступают за заключение мира с Италией еще более решительно, чем Метаксас. Эти круги, — ответил фон Хоэнберг, стремятся получить от Германии гарантии сохранения существующих греческих границ, со своей стороны, они готовы предоставить Германии на время войны в Пелопонессе базы для подводных лодок и военно-воздушных сил.⁴

Правительство Корициса пыталось маневрировать между двумя воюющими империалистическими группировками. В начале февраля 1941 года оно сообщило в Лондон, что, как только греческие войска возьмут Валону, оно отдаст приказ приостановить наступление.⁵ Однако из-за вмешательства гитлеровской Германии греческим войскам не удалось взять Валону. Гитлеровский посланник в Афинах заявил, что Германия не позволит превратить Валону в английскую базу,⁶ то есть дал понять правительству Корициса, что греческая армия должна прекратить

¹ «New York Herald Tribune», 30.I.1941.

C. Makenzie. Wind of freedom, p. 121.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 8, д. 959, л. 90.

⁴ E. Schramm von Thadden. Griechenland und die Grossmächte im Zweiten Weltkrieg S. 219—220.

⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 136. Шифр. телегр. Н. Момчилова — БМИД, Лондон, 7/II-1941 г.

⁶ Там же, д. 3, л. 71. Шифр. телегр. болгарского посланника в Афинах Вачова — БМИД от 12/II-1941 г.

наступление в Албании, и правительство Корициса подчинилось этому требованию. В середине февраля наступление греческих войск было приостановлено. При другом руководстве,—пишет генерал С. Сарафис,—греческая армия сбросила бы итальянцев в море.¹ В Лондоне опасались, что правительство Корициса капитулирует перед Германией.² 8 февраля 1941 года английский посланник в Афинах Пэлерет обратился к премьер-министру Корицису с запросом, как он относится к английским предложениям относительно высадки британских войск в Салониках и к заявлению генерала Метаксаса от 18 января 1941 года? Корицис ответил, что ему ничего неизвестно об этом заявлении. На следующий день он вручил Пэлерету специальный меморандум по этому вопросу. В английской мемуарной и исторической литературе создается впечатление, что новое греческое правительство во главе с Корицисом согласилось воспользоваться английской помощью и что оно лишь просило определить размеры и состав тех сил, которые Англия готовилась послать в Грецию.³ Иден пишет в своих мемуарах, что в отличие от турецкого правительства, отказавшегося от английской помощи, правительство Корициса заверило, что «Греция будет сопротивляться германскому нападению любой ценой»... и что Корицис просил сообщить ему «размеры и состав тех британских сил, которые можно было послать в Грецию. Мы должны были также иметь в виду гарантии, которые были даны в Греции правительством мистера Чемберлена в апреле 1939 года».⁴

В действительности дело обстояло иначе. В меморандуме от 8 февраля 1941 года правительство Корициса заявило о своей решимости оказать сопротивление германской агрессии, оно выразило согласие на высадку английских войск в северной Греции, после вступления немецких войск в Болгарию при том условии, если их будет достаточно для того, чтобы дать отпор германскому нападению на Грецию. Если же Англия высадит в Греции небольшие силы и раньше вступления немецких войск в Болгарию, то «Германия расценит это как провокацию и это может лишь ускорить германское нападение на Грецию».⁵ Фактически этот меморандум правительства Корициса являлся повторением того, что говорилось в заявлении правительства Метаксаса от 18 января 1941 года, то есть оно отказывалось от английской помощи. Через два дня о греческом ответе английскому послу от 8 февраля 1941 года стало известно в Софии, болгарский посланник в Лондоне Н. Момчилов сообщил своему правитель-

¹ S. Sarafis. Greek Resistance Army. London, 1951, p. XXI—XXIII.

² Дж. аБтлер. Большая стратегия, стр. 360.

³ A. Eden. The Reckoning, p. 188; Field—Marschal Lord Wilson of Libia. Fight years overseas 1939—1945. London, New York..., 1948, p. 70; L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War, p. 131.

⁴ A. Eden. Op. cit., p. 190.

⁵ L. Woodward. Op. cit., p. 131; A. Papagos. Grcka u ratu, s. 394.

ству о том, что «согласно сведений из заслуживающего доверия источника Греция не позволила англичанам использовать ее аэродромы для действия против Румынии».¹ Вероятно, это и явилось одной из причин, вследствие которых германское правительство решило уклониться от предоставления заверений Турции и Югославии.

Несмотря на отказ правительства Корициса принять английскую помощь, правительство Черчилля продолжало настаивать на высадке английских войск в Греции. Пэлерет сообщил Корицису, что в целях согласования конкретных планов военного сотрудничества между Англией и Грецией правительство Черчилля решило направить для переговоров в Афины министра иностранных дел А. Идена и начальника имперского генерального штаба генерала Д. Дилла.²

К этому времени британские войска в Северной Африке отогнали армию маршала Грациани к западу от Египта на 500 миль, 6 февраля 1941 года английские войска заняли Бенгази.³

10 февраля 1941 года правительство Черчилля приказало генералу Уэйвеллу приостановить наступление в Северной Африке. В инструкции генералу Уэйвеллу Черчилль указал, что отныне главная задача английского командования на Ближнем Востоке состоит в том, чтобы «помочь Греции или Турции». Если Греция потерпит поражение, говорилось в телеграмме, и заключит сепаратный мир с Италией, то Германия может использовать греческие военно-морские и военно-воздушные базы для дальнейшего наступления на английские позиции в Средиземном море и на Ближнем Востоке. Все это может также произвести плохое впечатление на Турцию.⁴

* * *

В первой половине февраля 1940 года Болгария вновь оказалась в крайне опасном положении. В ответ на германские военные приготовления в Южной Румынии и начавшееся просачивание немецких войск в Болгарию, Англия и Турция приняли ряд встречных дипломатических и военных мер. Форин-офис неоднократно обращал внимание болгарского посланника на проникновение германских войск в Болгарию и создание германских военных складов в Южной Добрудже. В начале февраля болгарский посланник был принят министром иностранных дел А. Иденом, его заместителем А. Кадоганом, главным дипломатическим советником английского правительства Р. Ванситтартом, помощником заместителя министра иностранных дел О. Сарджентом, начальником отдела Юго-Восточной Европы Кеннетом де Курси и рядом других английских политических

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 41.

² L. Woodward. Op. cit., p. 132.

³ W. S. Churchill. The Second World War. Vol. 3, p. 56.

⁴ Ibid., p. 58.

деятелей, близких к премьер-министру Черчиллю и адмиралтейству. Один этот перечень свидетельствует о том, какое важное значение придавалось в это время в Лондоне Болгарии. Руководители Форин офис обратили внимание Н. Момчилова на то, что «до настоящего времени Англия не посылала войск на Балканы. Все, однако, считают, что Германия, под предлогом предотвращения высадки английских войск в Грецию займет в ближайшее время Болгарию путем открытого вторжения или с помощью внутреннего переворота. Английское правительство имеет сведения, что немцы ведут обширное приготвление на дунайских пристанях и даже в болгарской Добрудже». А. Иден заявил Н. Момчилову, что Англия не желает расширения войны на Балканах, но установление германского военного контроля над болгарскими аэродромами создает угрозу для столкновения между Турцией и Болгарией. А. Кадоган и К. де Курси советовали болгарскому правительству вместе с Турцией и Югославией воспрепятствовать дальнейшему германскому продвижению на юг Балканского полуострова. При этом они указали на то, что Балканские страны могут рассчитывать на полную поддержку со стороны Англии и Америки.¹ 9 февраля Н. Момчилов предупредил свое правительство о том, что Форин офис считает «положение в Болгарии критическим и едва ли не безнадежным».²

9 февраля 1941 года Черчилль выступил по радио с речью, в которой отметил, что немецкие войска обосновались в Румынии, вышли к Черному морю и что германские щупальцы уже охватывают Болгарию. С согласия болгарского правительства тысячи немцев подготавливают аэродромы к приему немецких военных самолетов, одновременно с этим ведутся активные приготовления к вступлению немецких войск в Болгарию и возможно, что продвижение немецких войск на юг уже началось. Если все балканские страны объединятся и станут действовать совместно с Англией и Турцией, то немцы могут быть остановлены. Черчилль предупредил болгарское правительство об опасных последствиях нарушения нейтралитета в пользу Германии. При этом он высказал надежду, что Болгария не повторит той ошибки, которую она совершила в первой мировой войне. В заключение своей речи Черчилль указал, что Англия полна решимости вести борьбу с Германией до победного конца и что она рассчитывает на все возрастающую помощь США. Гитлер может «опустошить балканские страны, может отнять огромное пространство у России, может выйти к Каспийскому морю и продвинуться к горам Индии. Все это ничего ему не даст. Он

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 47, 48. Шифр. докл. Н. Момчилова — БМИД от 9/II—41 г. Этот доклад был адресован лично министру иностранных дел И. Попову. Н. Момчилов переслал его из Лондона в Софию с проф. Стоичковым. Он указал при этом: «Не доношу Вам телеграфно потому что вообще совершенно не верю ни в какой шифр». Там же.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 135; д. 3, л. 1; д. 3, л. 36.

может распространить господство на всю Европу и Азию, но это не отвлратит его судьбы».¹ Болгарский посланник в Лондоне обратил внимание своего правительства на то, что в Лондоне придают очень важное значение этой речи Черчилля, фактически она являлась отказом принять новые германские мирные предложения Англии. Н. Момчилов отметил, что в комментариях английских газет на речь Черчилля указывается на то, что в отличие от Венгрии и Румынии, Болгария не должна рассчитывать на снисходительное отношение к себе со стороны Англии, так как расположена в непосредственной близости от Средиземного моря и присутствие германских вооруженных сил на ее территории представляет серьезную опасность для английских средиземноморских позиций. В Форин офис мне дали понять,—сообщил Н. Момчилов,—что германское проникновение в Болгарию «неизбежно вовлечет ее в войну с Англией».²

В середине февраля в английских газетах появились сообщения о том, что на шестидесяти болгарских аэродромах размещены тысячи немецких самолетов. Антиболгарская кампания в английской печати все усиливалась. У Н. Момчилова создалось впечатление, что Англия готовится военным операциям против Болгарии.³ Английский посланник в Каире Майкл Лэмпсон сообщил управляющему болгарской миссией Я. Пееву о том, что во время визита в Софию полковник Доновен должен был предупредить болгарских государственных деятелей, что если они встанут на путь сотрудничества с Германией, то это будет иметь для Болгарии тяжелые последствия. Речь Черчилля, по словам Лэмпсона, является новым серьезным предупреждением Болгарии. Он выразил надежду на то, что царь Борис и болгарское правительство «проявят мудрость и благоразумие».⁴

В связи с усилением опасности вступления немецких войск в Болгарию до заключения болгаро-турецкой декларации о ненападении, английский посол в Вашингтоне лорд Галифакс вновь обратился 5 февраля 1941 года к правительству США с просьбой поддержать английскую политику на Балканах.⁵ В тот же день государственный секретарь К. Хэлл выступил с заявлением, в котором указал, что президент США решил оказать Англии и Греции всю возможную помощь. Он сообщил в Анкару и Белград, что правительство США поддерживает английские планы объединения балканских стран для противодействия германской агрессии.⁶

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 3. Шифр. телегр. Н. Момчилова — БМИД, от 9/II—41 г.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 11. Шифр. телегр. Н. Момчилова — БМИД, от 10/II—41 г.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 49, 73.

⁴ Там же, л. 50. Шифр. телегр. Я. Пеева — БМИД. Каир 12/II—1941 г. FR, 1941, vol. 12, p. 940—941.

⁵ C. Hull, Memoirs, vol. 2, p. 929—930.

11 февраля 1941 года по поручению К. Хэлла помощник государственного секретаря Аттертон заявил болгарскому посланнику в Вашингтоне Д. Наумову, что германская инфильтрация в Болгарию вызывает серьезное беспокойство правительства США. Он предупредил Д. Наумова, что всякая возможность компромисса между Англией и Германией исключена. До сих пор в Вашингтоне были уверены в том, что Болгария будет по-прежнему придерживаться нейтралитета, но в последнее время эта уверенность поколеблена. Д. Наумов обратил внимание болгарского министерства иностранных дел на то, что это американское предупреждение было сделано ему вслед за выступлением Черчилля по радио.¹

В середине февраля возникла реальная опасность вовлечения Болгарии в войну. Германские войска в Румынии завершали подготовку к вступлению в Болгарию с севера, турецкие войска в Восточной Фракии готовились к вторжению в Болгарию с юга,² германское командование намеревалось нанести удар с помощью болгарской армии в направлении Стамбула.³ 10 февраля правительство Черчилля разорвало дипломатические отношения с Румынией, одновременно с этим оно дало знать в Бухарест и Софию о том, что в случае продвижения немецких войск в южную часть Балканского полуострова английские военно-воздушные силы подвергнут бомбардировке румынские нефтепромыслы, переправы через Дунай, румынские и болгарские железные дороги.⁴

В этот опасный момент советские полпреды в Бухаресте и Анкаре предупредили болгарских посланников об опасности военно-политического сотрудничества Болгарии с гитлеровской Германией и настойчиво советовали болгарскому правительству воздержаться от пропуска немецких войск в Болгарию.⁵ Советские предостережения вызвали у болгарских монархо-фашистских правителей замешательство. С 8 по 15 февраля премьер-министр Б. Филев и министр иностранных дел И. Попов несколько раз справлялись у германских дипломатических и военных представителей в Софии и через болгарского посланника в Берлине относительно возможной реакции Советского Союза на присоединение Болгарии к тройственному пакту и пропуск немецких войск на болгарскую территорию.⁶ Болгарский посланник в Москве И. Стаменов вновь известил Советское правительство о том, что в ближайшее время в Советский Союз должна

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 33. Шифр. телегр. Д. Наумова БМИД от 11. II—41.

² Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Bd. 2, s. 275—276.

³ Ibidem.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 10—11, 42.

⁵ Там же, л. 55, 49.

⁶ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 1, л. 105, 112, 116.

выехать болгарская делегация для заключения нового болгаро-советского торгового договора.¹

К середине февраля болгаро-турецкие переговоры о заключении декларации о ненападении достигли критического момента. Генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел Н. Менеменджиоглу заявил болгарскому посланнику С. Кирову, что речь Черчилля воспринята в Анкаре с удовлетворением, но в турецких руководящих кругах считают, что обвинение в адрес Болгарии преувеличено. Он дал понять С. Кирову, что турецкое правительство по-прежнему склонно к взаимопониманию с Болгарией.²

В момент, когда по указанию из Берлина правительство Б. Филова затягивало переговоры с Турцией, из Лондона и Вашингтона стали распространяться слухи о том, что генеральный секретарь Народного комиссариата иностранных дел СССР А. А. Соболев вновь выехал в Софию.

14 февраля 1941 года болгарский посланник в Москве И. Стаменов направил в Софию шифрованную телеграмму, в которой говорилось: «В последнее время из англо-американских источников распространяется слух о новом предложении Соболева в Софии и о германских войсках в Болгарии. Даже в германском посольстве встревожены, так как не знают, здесь ли находится Соболев, и меня спрашивали. Сказал им, что ничего не знаю о поездке, знаю лишь, что Соболев находится в Москве».³

Одновременно с распространением такого рода слухов Фортин офис и госдепартамент США продолжали оказывать все возрастающий нажим на Болгарию. 14 февраля заместитель английского министра иностранных дел Кадоган заявил болгарскому посланнику Н. Момчилову, что превращение Болгарии в германский плацдарм создает угрозу Англии и ее союзникам и что в этих условиях английское правительство вынуждено будет прибегнуть к военным мерам. Англия не требует, чтобы Болгария препятствовала пропуску немецких войск через свою территорию, но в интересах своего будущего, она должна сохранить свою независимость и воздержаться от соучастия в германской агрессии.⁴ Вслед за этой беседой в английской печати появились сообщения о предстоящем разрыве дипломатических отношений с Болгарией и о намерении Англии предпринять против Болгарии военные меры.⁵

¹ В ответ на это сообщение А. Я. Вышинский заявил И. Стаменову: «Знаю о делегации, но не знаю, когда она прибедет». ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 2, л. 128. Шифр. тел. И. Стаменова—БМИД от 5/II—41 г.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 48—49.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 81. Шифр. телегр. И. Стаменова БМИД, Москва, 14/II—41 г.

⁴ Там же, л. 82. Шифр. телегр. Н. Момчилова—БМИД, Лондон, 14/I—41 г.

⁵ Там же, л. 97

15 февраля помощник государственного секретаря США Аттертон сообщил болгарскому посланнику Д. Наумову, что в США скоро будет принят закон, согласно которому все страны, оказывающие сопротивление агрессии, могут рассчитывать на американскую помощь. Он указал, что госдепартамент уже известил об этом Белград и Анкару.¹ В тот же день в Лондоне появились сообщения, в которых говорилось, что «Югославия не пропустит германские войска и будет защищать свою независимость с оружием в руках».²

Тем временем турецкий посол в Берлине Гереде, только что вернувшийся из Анкары, настойчиво добивался согласия Германии на заключение между Турцией и Болгарией такого соглашения, которое исключало бы возможность германского нападения на Турцию через болгарскую территорию. В беседах с руководителями германского министерства иностранных дел и болгарским посланником в Берлине П. Драгановым Гереде указал, что появление немецких войск в Салониках создаст угрозу Турции. В Анкаре опасаются, что вслед за Грецией наступит очередь Турции, поэтому она не может занимать позицию безразличного зрителя. «Но в Турции мнения разделились — одни считают, что Турция должна немедленно вмешаться, а другие — выждать, так как возможно германская акция будет носить ограниченный характер и будет направлена только против Греции».³ Таким образом, турецкий посол недвусмысленно дал понять гитлеровцам, на какой основе Турция согласна заключить соглашение с Болгарией и Германией. В своем сообщении в Софию П. Драганов писал: «У меня создалось впечатление, что при соответствующих заверениях, если будут предоставлены гарантии с германской и нашей стороны, вмешательство Турции можно устранить».⁴

Опасность обострения отношений с Советским Союзом и угроза превращения Болгарии в театр военных действий между Германией и англо-турецкими вооруженными силами вынудила гитлеровцев отложить вступление немецких войск в Болгарию. Они решили добиваться осуществления своих целей иным путем. После предварительного обмена мнениями с болгарским правительством 15 февраля 1941 года Риббентроп дал согласие на заключение между Болгарией и Турцией декларации о ненападении.⁵ В тот же день германо-болгарские предложения были сообщены в Анкару. 15 февраля болгарский посланник С. Киров передал в Софию, что турецкий министр иностранных дел

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 92. Шифр. тел. Д. Наумова — БМИД 15/II—41 г.

² Там же, л. 93. Шифр. тел. Н. Момчилова — БМИД от 15 II-41 г.

³ Там же, л. 80. Шифр. тел. П. Драганова — БМИД от 14 II-41 г.

⁴ Там же, л. 80.

⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 89. Телефонграмма П. Драганова — БМИД, Берлин, 15 II-1941.

Ш. Сараджоглу и его заместитель Н. Менеменджюглу «остались очень довольны тем, что достигнуто соглашение»¹ С. Киров и Ш. Сараджоглу договорились о том, чтобы подписание текста болгаро-турецкой декларации состоялось 17 февраля 1941 года.²

17 февраля 1941 года болгарский посланник С. Киров и турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу подписали в Анкаре болгаро-турецкую декларацию о ненападении. В первой статье говорилось о том, что Турция и Болгария будут воздерживаться от агрессии; в статье второй указывалось, что правительства Болгарии и Турции будут действовать в духе доверия и дружбы; в статье третьей предусматривалось расширение торговли между двумя странами; согласно статье четвертой оба правительства должны были принять меры к тому, чтобы печать двух стран воздерживалась от нападков на другую договаривающуюся сторону.³

По своему значению болгаро-турецкая декларация выходила далеко за рамки регионального соглашения. При анализе этого документа следует прежде всего иметь в виду те обстоятельства, которые привели к заключению этой декларации и те страны, которые скрывались за кулисами. Бывший английский посол в Анкаре Нетчбул — Хьюджессен пишет в своих мемуарах, что заключение болгаро-турецкой декларации будто бы вызвало в Англии большое разочарование. Он признает, что это соглашение представляло собой явную уступку Германии, но стремится представить дело так, что для Турции тогда иного выхода не было.⁴ Более откровенно об отрицательных последствиях болгаро-турецкой декларации пишет в своих мемуарах бывший английский посланник в Софии Дж. Рендел. По его мнению, турки всегда были уверены в том, что их нейтралитет являлся для Англии более ценным, чем участие в войне на ее стороне, поэтому «они решили попытаться откупиться от немцев, предоставив им свободу рук в Болгарии».⁵

Болгаро-турецкая декларация была заключена с ведома и одобрения английского союзника Турции и «гаранта» Греции. В сообщении агентства Рейтер от 18 февраля 1941 года говорилось: «При отсутствии дальнейшей информации о пакте, можно с уверенностью сказать, что он означает, что Болгария не имеет желания быть втянутой в какие-либо военные действия, и что это ни в коем случае не изменяет ситуации в Греции. Что касается самой Турции, то она свободно денонсирует пакт, если Болгария позволит Германии напасть на нее».⁶

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 86. Шифр тел. С. Кирова — БМИД, от 15/II-41 г.

² Там же.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 86. Шифр тел. С. Кирова — БМИД, от Н. Knatchbull—Hugessen. Op. cit., p. 160.

⁵ G. Rendel. *The Sword and the Olive*, p. 172.

⁶ «The Times». 18 II 1941.

После заключения болгаро-турецкой декларации в Лондоне приложили немало усилий к тому, чтобы замести следы. С этой целью в английских газетах было напечатано много противоречивых сообщений, в которых правда была искусно перемешана с ложью. Официоз английского правительства газета «Таймс» отметила, что при заключении декларации обе стороны взяли на себя обязательство уважать заключенное ранее соглашение. Это означает, писала газета, что англо-турецкий договор о взаимопомощи остается в силе, английская военная делегация во главе с генерал-лейтенантом Маршалл-Корнуоллом и генералом Элмхерстом была полностью осведомлена в ходе болгаро-турецких переговоров.¹ Либеральная «Манчестер гардиан» опубликовала 18 февраля статью о болгаро-турецкой декларации, в которой указывалось, что в случае продвижения немецких войск через болгарскую территорию к греческой границе, Турция останется в стороне.² На следующий день в той же газете говорилось, что с появлением немецких войск в Болгарии позиция Югославии станет безнадежной, а Греция будет запугана и если потребуется, то и оккупирована Германией.³ Это не помешало той же газете, в тот же день опубликовать сообщение из Анкары, в котором указывалось, что болгаро-турецкая декларация способствует сохранению мира на Балканах. «В результате заключения этой декларации,—писала газета,—путь агрессорам в Грецию закрыт».⁴ Орган Сити журнал «Экономист» похвалил Турцию за то, что она придерживается осторожной стратегии. Турки не хотят повторять ошибку союзников в Бельгии, оставивших укрепленные позиции во Франции и двинувших свои войска навстречу наступавшей германской армии. «Это не означает,—писал «Экономист»,—что германское продвижение в Болгарию может быть осуществлено без противодействия».⁵ Штабные переговоры между Англией и Турцией в Анкаре привели к удовлетворительным результатам. Одна из статей Анкарского пакта обязывает Турцию предоставить Англии всю возможную помощь и поддержку, если она будет втянута в войну в результате гарантий, предоставленных Грецией. Эта статья может быть все еще имеется в виду как одно из тех обязательств, которое болгаро-турецкий пакт не видоизменил.⁶ В тот же день «Экономист» опубликовал статью под названием «Подкуп югославов», в которой говорилось, что Гитлер подкупил югославское правительство, предложив ему взамен перехода на сторону Германии греческую и албанскую территорию. «Таким образом Гитлер может добиться осуще-

¹ «The Times», 18.II.1941.

² «Manchester Guardian», 18.II.1941.

³ «Manchester Guardian», 19.II.1941.

⁴ Ibidem.

⁵ «The Economist», 22.II.1941, p. 238

⁶ Ibidem.

ствления своих целей на Балканах без применения силы».¹ Так, путем дезинформации, английская печать создавала впечатление, что другого выхода, кроме уступки Германии, у Турции не было.

Английская буржуазная печать стремилась запутать не только английских читателей, но и ввести в заблуждение мировое общественное мнение. В комментариях английской печати высказывалось сожаление и даже недовольство тем, что в результате заключения болгаро-турецкой декларации Турция ограничила свои обязательства в отношении Греции и связала руки Англии, которая намеревалась после завершения операции в Ливии открыть новый фронт на Балканах против нацистских агрессоров.² В ответ на эти скрытые обвинения по турецкому радио было сделано официальное заявление турецкого правительства, в котором указывалось, что Англия была полностью информирована о ходе болгаро-турецких переговоров и что болгаро-турецкая декларация была заключена с ведома и согласия английского союзника.³

Постепенно из противоречивых сообщений английской печати стала вырисовываться тенденция свалить вину за заключение болгаро-турецкой декларации, открывшей путь немецко-фашистским агрессорам к греческим границам на Советский Союз. 19 февраля 1941 года в английских буржуазных газетах было опубликовано сообщение агентства Бритиш Юнайтед Пресс, в котором говорилось, что будто бы Советский Союз одобрил заключение болгаро-турецкой декларации.⁴ Это лживое сообщение было подхвачено американской печатью. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала, что в результате заключения болгаро-турецкой декларации Гитлер получил свободу действий на Балканах, Турция и Югославия нейтрализованы, германская армия может следовать через болгарскую территорию к греческой границе, не опасаясь за свои фланги. В газете указывалось, что Советский Союз будто бы активно содействовал заключению болгаро-турецкой декларации. Ссылаясь на сообщение своего софийского корреспондента «Нью-Йорк геральд трибюн» писала, что там, в Софии, считают Советский Союз молчаливым партнером Гитлера. Советские дипломаты в Анкаре, утверждала газета, оказывали на Турцию давление с тем, чтобы заставить ее отказаться от противодействия вступлению немецких войск в Болгарию. В редакционной статье газеты, уже без всяких ссылок на Софию или Анкару, говорилось, что турецкое правительство отступило на Балканах с одобрения Советского Союза.⁵

¹ «The Economist», 22.II.1941, p. 238—239.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 117.

³ «The New York Times», 20.II.1941.

⁴ «Manchester Guardian», 19.II.1941.

⁵ «New York Herald Tribune», 18.II.1941.

Другая влиятельная американская газета, «Нью-Йорк таймс» охарактеризовала болгаро-турецкую декларацию как бескровную победу Гитлера. Вслед за этим верным определением газета высказала предположение, что Турция и Болгария вынуждены были уступить германскому давлению, так как Советский Союз отказался предоставить им какую-либо помощь.¹ Только орган Коммунистической партии США газета «Дейли уоркер» прямо назвала вещи своими именами, указав, что болгаро-турецкая декларация была заключена с ведома и согласия Англии. Это расчистило путь немецко-фашистским агрессорам для нападения на Грецию через болгарскую территорию.²

Для того, чтобы положить конец всяким кривотолкам относительно позиции Советского Союза в связи с заключением болгаро-турецкой декларации, ТАСС опубликовал 23 февраля 1941 года заявление, в котором говорилось: «Швейцарская газета «Базлер Нахрихтен» опубликовала сообщение, что последнее соглашение между Болгарией и Турцией заключено при активном содействии Советского Союза. ТАСС уполномочен заявить, что это сообщение не соответствует действительности».³

*

На следующий день после заключения болгаро-турецкой декларации Гитлер приказал приступить 28 февраля 1941 года к наведению мостов через Дунай и 2 марта начать переброску немецких войск из Румынии в Болгарию. 19 февраля верховное командование вермахта отдало приказ XIV армейскому корпусу подготовиться к вступлению в Болгарию в самом начале операции. В случае воздушных налетов на Болгарию или Румынию с греческой территории германские военно-воздушные силы должны были начать военные операции против Греции.⁴ 20 февраля германское министерство иностранных дел известило болгарское правительство о новых сроках наведения мостов через Дунай и вступления немецких войск в Болгарию.⁵

Правительство Б. Филова уже готовилось в это время к встрече немецких войск в Болгарии; 17 февраля 1941 года по представлению военного министра генерала Т. Даскалова, правительство Б. Филова приняло решение ускорить создание и расширить сеть продовольственных складов для снабжения немецких войск. Продовольственные склады создавались в Софии, Пловдиве, Сливене, Старой Загоре, Ловече, Тырново, Габрово,

¹ «The New York Times», 18.II.1941.

² «Daily Worker», 18.II.1941.

³ Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. 4, стр. 543.

⁴ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, т. 1, д. № 196, л. 190. Приказ верховного командования вермахта от 19/II-41 г. об исполнении операции «Марита».

⁵ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 123.

Карлово, Фердинанде, Враце, Ихтимане, Дупнице, Горно-Джумайе, Бургасе и других городах.¹ 20 февраля 1941 года Совет Министров Болгарии решил отпустить главному интенданству болгарского военного министерства 200 млн. левов, предназначенных для организации продовольственных складов.²

Несмотря на заключение болгаро-турецкой декларации о ненападении, болгарские монархо-фашистские правители продолжали опасаться внешне-политических осложнений, которые стали нарастать по мере приближения срока вступления немецких войск в Болгарию. Гитлеровцы уверяли правительство Филова в том, что ему нечего больше бояться нападения с Юга или совместных действий Англии и Турции с Советским Союзом. Посол Риттер, являвшийся связным между вермахтом и германским министерством иностранных дел, заявил болгарскому посланнику в Берлине, что на случай вмешательства русских Германия сосредоточила на русской границе достаточное количество войск³.

Тем временем от болгарских дипломатических представителей в Москве и других странах начали поступать сообщения об отрицательной реакции Советского правительства на заключение болгаро-турецкой декларации.⁴ Советское правительство несколько раз давало знать в Софию по военным и дипломатическим каналам о том, что советские предложения, сделанные Болгарии в ноябре 1940 года, по-прежнему сохраняют свою силу. 24 февраля И. Стаменов сообщил в Софию, что начальник советского генерального штаба спросил болгарского военного атташе, сколько в Болгарии находится немецких войск. В заключение беседы с болгарским военным атташе, он «пожелал болгарскому народу сохранения своей независимости и советовал не забывать своих друзей».⁵

25 февраля болгарский посланник в Лондоне Н. Момчилов сообщил в Софию о том, что в «русском посольстве с живейшим интересом следят за положением в Болгарии». В телеграмме говорилось, что Советское правительство против вступления немецких войск в Болгарию и что безопасность черноморских проливов имеет важное значение для Советского Союза.⁶ На следующий день Н. Момчилов сообщил в Софию: «... в советском посольстве в Лондоне считают, что заключение пакта о взаимопомощи между Болгарией и Советским Союзом являет-

¹ ЦДИА, ф. 284, оп. 1, д. 7589, л. 41—44.

² Там же, д. 7590, л. 1.

³ Там же, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 63—64.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 20, 21. Шиф. тел. Стаменова — БМИД от 21 и 22 февраля 1941 г.; там же л. 65—72. Шифр. тел. П. Драганова — ВМИД. Берлин, 18 и 21/II-41 г

⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 34. Шифр. тел. Стаменова. БМИД от 24/II-41 г

⁶ Там же, л. 49. Шифр. тел. Н. Момчилова — БМИД. Лондон, 25/II-41.

ся единственной реальной возможностью для сохранения мира на Балканах».¹ Таким образом, Советское правительство неоднократно давало понять в Софию, что оно выступает против продвижения немецких войск на юг Балканского полуострова и готово оказать Болгарии необходимую дипломатическую и военную поддержку, если она окажет сопротивление гитлеровской Германии.

Несмотря на то, что германское правительство согласилось на заключение болгаро-турецкой декларации о ненападении, гитлеровцы не отказались от своего намерения тем или иным путем, если потребуется с помощью силы, разорвать англо-турецкий союз и перетянуть Турцию на сторону Германии. В конце февраля 1941 года руководители германских сухопутных сил неоднократно обсуждали вопрос о военных операциях против Турции и дальнейшем наступлении немецких войск на Ирак, Иран, Афганистан и к Суэцкому каналу.² Но прежде, чем прибегнуть к силе, гитлеровцы пытались осуществить эту задачу дипломатическим путем. В беседе с японским послом Осима 23 февраля 1941 года Риббентроп охарактеризовал болгаро-турецкую декларацию как явное доказательство того, что «Турция воздержится от вмешательства в военные события на Балканах и что она отходит от Англии».³

Гитлеровцы намеревались использовать Турцию также в качестве посредника в переговорах о прекращении войны между Италией и Грецией. Они рассчитывали на то, что это даст им возможность переманить Грецию на свою сторону. 17 февраля 1941 года генерал Гальдер отметил в своем дневнике, что Турция против появления каких-либо иностранных войск на юге Балкан и готова выступить посредником в переговорах о прекращении войны между Италией и Грецией. Генерал Гальдер отметил, что по указанию Гитлера германское министерство иностранных дел уже обратилось в Рим с советом воспользоваться этим посредничеством.⁴

Германское верховное командование знало, что правительство Черчилля постарается воспрепятствовать дальнейшему продвижению немецких войск на Ближний Восток путем высадки британских войск в Греции и вовлечения Турции в войну против Германии. Но оно рассчитывало, что немецким войскам удастся выйти к Эгейскому морю раньше, чем там появятся английские войска. 25 февраля 1941 года генерал Гальдер записал в своем дневнике: «В случае высадки англичан во Фракии, предупредить! Лист не должен допускать этого!»⁵

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 84. Шифр. тел. Н. Момчилова — БМИД Лондон, 26/II.41 г.

² Halder, s. 285; 19.II.1941.

³ ЦГАОП, ф. 7445, оп. 1, д. 1775, л. 203.

⁴ Halder, s. 283; 17.II.1941.

⁵ Halder, s. 293; 25.II.1941.

После заключения болгаро-турецкой декларации обстановка на южной границе Болгарии продолжала оставаться напряженной. Вначале турецкое правительство начало было отводить свои войска от болгарской границы,¹ однако ни в Анкаре, ни в Лондоне не были уверены в том, что Германия и Болгария не нарушат болгаро-турецкую декларацию. В конце февраля в Анкаре забили тревогу в связи с проведением в Болгарии мобилизации и концентрацией болгарских войск на турецкой границе. Турецкое правительство несколько раз обращало внимание С. Кирова на то, что болгарские военные мероприятия на болгаро-турецкой границе проводятся в нарушение только что заключенной декларации о ненападении.² В своих сообщениях в Софию С. Киров отметил, что в целом турецкие правящие круги относятся положительно к болгаро-турецкой декларации, однако, опасность военного конфликта с Турцией полностью не устранена. Он рекомендовал приурочить присоединение Болгарии к тройственному пакту ко времени вступления немецких войск на болгарскую территорию, причем советовал сделать вид, что это произошло против воли болгарского правительства, «по принуждению».³

Тревожные вести в Софию поступали также из Лондона и Берлина. 20 февраля болгарский посланник в Лондоне Н. Момчилов сообщил о разговоре с турецким послом Т. Р. Арасом. Арас выразил свое удовлетворение заключением болгаро-турецкой декларации, которая выяснила отношения не только между Болгарией и Турцией, но и между заинтересованными великими державами и уменьшила возможность возникновения нового фронта по вине балканских стран».⁴ Турецкий посол посоветовал Болгарии заключить аналогичные соглашения о ненападении с Югославией и Грецией. Это, по его словам, предотвратило бы появление английских войск на Балканах и воспрепятствовало бы возникновению там нового фронта, нежелательного для Германии.⁵ Суть этих предложений сводилась к тому, чтобы превратить Болгарию, Югославию и Грецию в буферную зону между Германией и Англией, находящуюся в зависимости от Германии.

22 февраля турецкий посол в Берлине Герере заявил Драганову, что хотя немцы, вероятно, не намереваются предпринимать чего-либо против Турции, тем не менее турецкое правительство не скрывает своих опасений относительно будущего хода событий.⁶ 24 февраля турецкий министр иностранных дел Ш. Сара-

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 15.

Там же, л. 87, 109.

³ Там же, д. 3, л. 123. Шифр, тел. С. Кирова — БМИД от 20/II-41 г.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 1. Шифр тел. Н. Момчилова — БМИД от 20/II-41 г.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 20. Шифр, тел. П. Драганова — БМИД. Берлин, 22/II-41 г.

джоглу дал интервью газете «Улус», в котором говорилось, что в некоторых кругах было дано тенденциозное толкование болгаро-турецкой декларации. Он указал, что в случае усиления иностранной активности в зоне турецкой безопасности Турция окажет вооруженное сопротивление и примет меры к укреплению своих связей с Англией. Ш. Сараджоглу высказался за заключение между Турцией и Германией соглашения о ненападении.¹

Во второй половине февраля 1941 года правительство Черчилля по-прежнему стремилось обеспечить свои интересы на Ближнем Востоке путем закулисного сговора с Германией за счет Балканских стран и Советского Союза. 17 февраля, в день заключения болгаро-турецкой декларации, английский посланник в Софии Рендел заявил корреспонденту агентства Рейтер: «Британская политика имеет цель сохранить нейтралитет и независимость Болгарии и воспрепятствовать распространению войны на болгарскую территорию. Британское правительство с удовлетворением отнеслось бы к дальнейшему развитию тесных связей между Болгарией и ее соседями. Мы не имеем ни малейшего намерения предпринимать что-либо, что бы нарушило нейтралитет Болгарии или вовлекло бы страну в войну. В случае, если Болгария нарушит нейтралитет и война распространится на болгарскую территорию, то это произойдет только по непосредственной германской инициативе, останется ли английская миссия или покинет страну, будет зависеть исключительно от того, что предпримет Германия».² Таким образом, английский посланник предупредил Софию и Берлин о том, что в случае превращения Болгарии в германский плацдарм для дальнейшего германского наступления на английские колонияльные владения на Ближнем Востоке, Англия немедленно примет дипломатические и военные меры. В своих сообщениях в Софию болгарский посланник в Лондоне Н. Момчилов отметил, что после заключения болгаро-турецкой декларации тон английской печати по отношению к Болгарии сильно изменился, исчезли сенсационные публикации и поспешные умозаключения.³

Для того, чтобы подчеркнуть, какое важное значение в Лондоне придают только что заключенному между Болгарией и Турцией соглашению, 20 февраля Черчилль лично принял Н. Момчилова и высказал предположение, что в ближайшее время немецкие войска начнут продвигаться к Эгейскому морю. Он отметил, что Англия не намерена распространять войну на Балканы, но в случае необходимости примет все меры к тому, чтобы защитить свои интересы и сохранить своих союзников. Он не-

¹ DGFP, vol. XII, N 80, p. 153-154; FR, 1941, vol. 3, p. 823.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 8, д. 959, л. 147.

³ Там же, оп. 15, д. 3, л. 108. Шифр. тел. Н. Момчилова—БМИД, 17/II-41

сколько раз повторил, что «не желает вступления Болгарии в войну ни на стороне Англии, ни против нее».¹

Правительство Черчилля ясно представляло себе, что Германия будет считаться с болгаро-турецкой декларацией о ненападении лишь в том случае, если дальнейшее германское продвижение на Ближний Восток встретит отпор со стороны Англии и ее турецкого союзника.

В целях координации английских дипломатических и военных усилий на Ближнем Востоке и Балканах правительство Черчилля решило направить в Каир специальную миссию во главе с членом военного кабинета, министром иностранных дел А. Иденом и начальником имперского генерального штаба генералом Д. Диллом. Иден и Дилл вылетели из Англии 13 февраля и прибыли в Каир 19 февраля 1941 года. Иден был наделен чрезвычайными полномочиями, в инструкции, составленной Черчиллем и утвержденной позднее военным кабинетом, говорилось: «Во время своей поездки на Средиземноморский театр министр иностранных дел должен представлять правительство Его Величества по всем вопросам как дипломатическим, так и военным».² Иден должен был консультироваться с военным кабинетом, но в случае необходимости мог действовать по своему усмотрению. В инструкции Идену указывалось, что «его основной задачей будет оказание срочной помощи Греции. Для этой цели он будет договариваться о всех действиях, которые он сочтет необходимыми, с главнокомандующими вооруженными силами на Среднем Востоке, с правительством Египта, а также с правительством Греции, Югославии и Турции».³ Особое значение придавалось подбору командующего британскими силами, предназначенными для отправки в Грецию. Генерал Уэйвелл и Иден должны были представить английскому военному кабинету свои рекомендации по этому вопросу.⁴

Иден и Дилл прибыли в Каир 19 февраля, к этому времени туда прибыли также полковник Доновен и глава английской военной миссии в Турции генерал Маршалл-Корнуолл.⁵

Еще до отъезда Идена из Лондона, в соответствии с указаниями Черчилля, английское командование в Каире разработало детальный план отправки британских войск в Грецию. В середине февраля командиром австралийских, новозеландских и британских соединений, находящихся в дельте р. Нила, был дан

НДИА, ф. 1776, оп. 15, д. 3, л. 128. Шифр. тел. Н. Момичлова БМИД, Лондон, 20/II-41 г.

² См. текст этой инструкции в кн. Дж. Батлера «Большая стратегия», стр. 526—528.

³ W. S. Churchill. Op. cit., vol. 3, p. 74—75; A. Eden. Op. cit., p. 192—193.

⁴ Дж. Батлер. «Большая стратегия», стр. 527.

⁵ A. Eden. Op. cit., p. 196.

приказ подготовиться к отъезду в Грецию.¹ 19 февраля главным командующий британскими силами на Ближнем Востоке генерал Уэйвелл доложил Идену о подготовке к отправке британских войск в Грецию.² 20 февраля Иден получил от Черчилля указание воздержаться от отправки британских войск в Грецию, если он сочтет, «что с военной точки зрения нет шансов на успех».³ Правительство Черчилля готово было бросить Грецию на произвол судьбы в том случае, если бы Германия отказалась от дальнейшего продвижения на Ближний Восток.

После обсуждения обстановки на Ближнем Востоке и Балканах с руководителями британских вооруженных сил и полковником Доновеном Иден пришел к выводу, что если Англия не предпримет необходимых дипломатических и военных мер, то Германия оккупирует не только весь Балканский полуостров, но и попытается тем или иным путем привлечь на свою сторону Турцию и, таким образом, откроет себе путь на Ближний Восток. Полковник Доновен настойчиво советовал Идену послать британские войска в Грецию и одновременно с этим принять меры к созданию на Балканах военно-политического блока в составе Турции, Югославии и, возможно, даже Болгарии, он указал на то, что если Англия откажется помочь Греции, то это произведет в США крайне неблагоприятное впечатление и может отрицательно отразиться на дальнейшем развитии англо-американских отношений. Полковник Доновен сообщил Идену, что правительство США готово использовать все свое влияние, для того чтобы убедить балканские страны принять участие в совместных действиях против Германии. Эти советы Донувена произвели на Идена столь сильное впечатление, что он обратился к нему с просьбой немедленно отправиться из Каира в Лондон для того, чтобы лично изложить свои соображения английскому военному кабинету.⁴

21 февраля Иден сообщил Черчиллю, что все участники совещаний в Каире считают необходимым отправить британские войска в Грецию. Это будет связано с большим риском, многое будет зависеть от быстроты и скрытности действий. Если же Англия не окажет помощи Греции, то нечего будет рассчитывать на выступление Югославии и Турции и эти страны могут оказаться в опасном положении. Иден сообщил, что командующим британским экспедиционным корпусом в Греции назначен генерал Г. М. Вильсон.⁵ В Грецию было намечено отправить 1-ю

¹ А. Г. Чевтаев Участие австралийских и новозеландских войск в греческой операции (февраль—апрель 1941 г.). Сб. докладов и сообщений по новой и новейшей истории на 2-й научной сессии вузов Уральского экономического района (апрель 1965 г.) Пермь, 1966, стр. 230.

² A. Eden. Op. cit., p. 195.

³ Ibid.

⁴ L. Woodward. Op. cit., p. 134; W. Langer and S. Gleason. Op. cit., p. 403.

⁵ A. Eden. Op. cit., p. 195—197; W. Churchill. Op. cit., vol. 3, p. 64—65.

английскую танковую бригаду, новозеландскую дивизию под командованием английского генерала Фрейберга, австралийский корпус под командованием генерала Маккэя, польскую бригаду, в дальнейшем предполагалось отправить в Грецию также 7-ю австралийскую дивизию.¹ Все эти решения были приняты без консультации с греческим правительством. Иден указывает в своих мемуарах, что приготовления к отправке британских войск в Грецию носили предварительный характер, и что окончательное решение по этому вопросу необходимо было принять во время переговоров с греческим правительством.² Он знал, что это будет нелегкая задача. В телеграмме к Черчиллю Иден писал: «Вполне возможно, что во время нашей завтрашней встречи с греками выяснится, что они не хотят нашей помощи, но я приложу все силы, чтобы убедить греков принять нашу помощь немедленно».³ Таким образом, Иден намеревался во что бы то ни стало навязать Греции так называемую «английскую помощь».

Английский военный кабинет одобрил предложения Идена. Черчилль обратился к президенту США Рузвельту с просьбой поддерживать английские действия на Балканах через американских дипломатических представителей в Турции, Югославии и Советском Союзе. В телеграмме Черчилля говорилось, что по совету Идена, Дилла и Уэйвелла Лондон решил послать часть британских войск из Ливии в Грецию для того, чтобы помочь ей в случае германского вторжения. Если Югославия нанесет удар по итальянским силам в Албании, то это может оказать влияние на позицию Турции, Советского Союза и изменить всю ситуацию. «В связи с этим,—писал далее Черчилль,—я должен поблагодарить вас за великодушную работу, продланную Доновеном во время его продолжительной поездки по Балканам и Ближнему Востоку».⁴ Иден так же высоко оценил ту услугу, которую оказал английскому правительству полковник Доновен во время своей поездки по Балканам и Ближнему Востоку.⁵

22 февраля Иден, Дилл и Уэйвелл прибыли в Афины. Черчилль и Иден утверждают в своих мемуарах, что во время англо-греческих переговоров в Афинах 22—23 февраля 1941 года греческий король Георг II и премьер-министр Корицис заявили о

¹ Field—Marshal Lord Wilson of Libia, *Eight Years Overseas 1939—1947*. London ets. 1948, p. 66.

² A. Eden. *Op. cit.*, p. 196.

³ W. S. Churchill. *Op. cit.*, p. 66.

⁴ FR, 1941, vol. 2, p. 951—952. При опубликовании этого документа госдепартамент США не указал даты обращения Черчилля к президенту Рузвельту. В примечании № 39 на стр. 951 говорится: «Передано президенту английским послом через государственного секретаря 10 марта». Вероятно это обращение Черчилля к президенту Рузвельту было сделано еще в конце февраля.

⁵ FR, 1941, vol. 3, p. 827.

решимости сопротивляться германской агрессии даже в том случае, если Греция вынуждена будет рассчитывать только на свои собственные силы.¹ Однако согласие греческого правительства на военное сотрудничество с Англией в борьбе против Германии было получено Иденом не сразу и оно не было безоговорочно, как об этом пишут Иден и Черчилль.

Заключение болгаро-турецкой декларации о ненападении 17 февраля 1941 года привело к усилению капитулянтских настроений в правящих кругах Греции. В Афинах считали, что после заключения этой декларации на Турцию нечего больше надеяться. Греческие газеты писали, что Турция бросила своего греческого союзника на произвол судьбы и что в случае германского нападения на Грецию через болгарскую территорию Турция останется в стороне.² Болгарский посланник в Лондоне Н. Момчилов сообщил своему правительству 21 февраля: «Не исключена возможность, что под натиском событий на Балканах Греция попытается стать на путь соглашения с осью».³ Однако такое соглашение зависело не только, и не столько от греческого правительства. Папен сообщил 20 февраля в Берлин, что по мнению Ш. Сараджоглу, «вследствие английского давления Греция вряд ли будет в состоянии заключить мир».⁴ Цель визита Идена в Афины как раз в том и заключалась, чтобы помешать этому. Вначале король Георг II, а затем премьер-министр Корицис каждый в отдельности и наедине, с глазу на глаз, изложили Идену «свои тревоги и сомнения». Они просили Идена не верить слухам, в которых не было ни слова правды. Король Георг II и Корицис пытались вначале обсудить с Иденом некоторые политические вопросы, но он заявил им, что прибыл в Афины не для политических, а для военных переговоров. Иден указал на то, что Германия сосредоточила в Румынии 23 дивизии, в том числе 3 танковых и 400—500 самолетов; часть немецких сил уже просачивается в Болгарию, в любое время германские войска в Румынии могут форсировать Дунай. Германия стремится к тому, чтобы подчинить Грецию и сковать Турцию. Распространив свою власть на Балканы, немцы рассчитывают нанести решительный удар по британским позициям на Ближнем Востоке.⁵ Сославшись на то, что 8 февраля 1941 года греческое правительство обратилось к Англии за помощью, Иден указал, что английское правительство, начальники штабов в Лондоне и британское командование в Каире решили оказать Греции всю возможную помощь.⁶

¹ W. S. Churchill. Op. cit., vol. 3, p. 66—67; A. Eden. Op. cit., p. 198—199.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 3, л. 127. Шифр. телегр. Вачова — БМИД. Афины, 19/II-41.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 10.

⁴ DGFP, vol. XII, N 67, p. 120.

⁵ A. Eden. Op. cit., p. 199.

⁶ Ibid., p. 200.

Под давлением Идена греческое правительство вынуждено было приступить к военным переговорам, однако, в ходе этих переговоров возникли серьезные разногласия. Греческий главнокомандующий генерал Папагос указал, что при разработке военных планов ему необходимо знать, сколько и каких сил Англия намеревается послать в Грецию и какова будет при этом позиция Турции и Югославии. Иден сообщил, что Англия готова послать в Грецию 4 дивизии общей численностью 100 тыс. человек, 272 орудия, 192 зенитки, 202 противотанковых орудия и 142 танка.¹ Обещанная Иденом помощь была значительно больше того, что собиралось послать тогда в Грецию английское ближневосточное командование, английский генерал Гвинган, участвовавший в англо-греческих военных переговорах, указывает в своей книге, что обещания Идена граничили с обманом.²

Во время англо-греческих военных переговоров возникли также разногласия из-за выбора линии обороны, на которой англо-греческие войска должны были сдерживать армию Листа. Решение вопроса зависело прежде всего от позиции Турции и Югославии. Если бы эти страны стали на сторону Англии и Греции, то англо-греческие войска могли бы вести борьбу с германским противником вдоль всей греко-болгарской границы в Западной Фракии и Восточной Македонии, но после заключения болгаро-турецкой декларации стало ясно, что в случае германского нападения на Грецию через болгарскую территорию Турция воздержится от оказания помощи Греции. В этих условиях греческое командование считало необходимым отвести свои войска из Западной Фракии и сосредоточить их вместе с вновь прибывшими английскими силами на «линии Метаксаса», тянувшейся на расстоянии более 100 миль вдоль греко-болгарской границы от реки Месты (Нестоса) до хребта Белес на стыке границ Греции, Болгарии и Югославии, либо на еще более сокращенную линию обороны протяженностью в 70 миль по реке Струма. Обе линии обороны прикрывали Салоники, что давало возможность использовать Салоникский порт в качестве основной базы снабжения англо-греческих войск и югославской армии. Английское командование считало обе эти линии непригодными для обороны ввиду того, что Югославия продолжала занимать неопределенную позицию. Кроме того Салоники были расположены близко к линии фронта, немецкая авиация, опиравшаяся на болгарские аэродромы, могла быстро вывести Салоникский порт из строя.³ Добровольный или вынужденный пропуск немецких войск через югославскую территорию поставил бы англо-греческие войска в северо-восточной Греции и греческие войска в Албании в опасное положение; поэтому англи-

¹ J. S. O. Playfair. Op. cit., vol. 1, p. 376.

F. de Guingand. Operation Victory. London, 1949, p. 57

Wilson. Op. cit., p. 70—71.

чане настаивали на заблаговременном отводе греческих войск со всей болгаро-греческой границы на линию обороны по р. Алиакмон. Одновременно с этим англичане настаивали на отводе греческих войск из Албании. Генерал Папагос считал отвод греческих войск из северо-восточной Греции и Албании преждевременным, так как Югославия не сделала в это время еще окончательного выбора, югославский народ и военные круги относились враждебно к странам оси и выступали за сопротивление. В греческом министерстве иностранных дел рассчитывали на то, что Югославия останется нейтральной, но если бы она подверглась нападению со стороны держав оси, то оказала бы сопротивление. «Из всего этого видно,—пишет генерал А. Папагос,—насколько зависел выбор линии обороны от позиции Югославии».¹

Несмотря на возражения генерала Папагоса, Иден продолжал настаивать на отводе греческих войск из Северо-Восточной Греции на линию Алиакмона. «Нам не известно,—заявил Иден,—какую позицию займут Югославия и Турция, военные решения должны быть приняты независимо от того, что будут делать Турция и Югославия, иначе можно опоздать с организацией сопротивления германской агрессии Греции».² По словам Идена, греческий главнокомандующий генерал Папагос согласился на немедленный отвод греческих войск из Западной Фракии и Восточной Македонии на Алиакмонскую позицию, но если бы Югославия решила оказать сопротивление Германии, то тогда союзники должны были перенести линию обороны на реку Места (Нестос) и в таком случае английские войска должны были высадиться в Салониках и Кавале.³ Иден утверждает, что генерал Папагос согласился также отвести греческие войска из Албании.⁴ Совсем по-иному освещает этот вопрос в своей книге генерал Папагос. По его словам, Иден сообщил грекам, что вероятно ни Югославия, ни Турция не вмешаются непосредственно в конфликт с Германией, и предложил отвести греческие войска на Алиакмонскую линию, где к ним должны были присоединиться английские войска. Однако во время переговоров было решено предварительно выяснить позицию Югославии.⁵ Иден и бывший командующий британским экспедиционным корпусом в Греции фельдмаршал Г. М. Вильсон пытаются оспаривать это утверждение Папагоса. «Когда, несколько лет спустя, генерал Папагос написал, что окончательное решение вопроса по линии обороны в Греции предполагалось принять после выяснения позиции Югославии, то Уэйвелл и я сочли это

¹ А. Papagos. *Crcka u ratu*, str. 312—314.

² А. Eden. *Op. cit.*, p. 200.

³ *Ibid.*, p. 200—201.

⁴ *Ibidem*.

⁵ А. Papagos. *Op. cit.*, str. 315—316.

недоразумением».¹ Иден пишет, что он собирался вместе с генералом Уэйвеллом осветить данный вопрос в специальной книге, но смерть Уэйвелла помешала этому.² Несомненно, что в этом споре правда на стороне генерала Папагоса, но он возражал против английских военных планов не потому, что рассчитывал на помощь Югославии и собирался сопротивляться немецко-фашистским агрессорам. Наоборот, греческие монархо-фашистские правители опасались, что в случае отвода греческих войск из Западной Фракии и Восточной Македонии гитлеровская Германия передаст эти области Болгарии, поэтому они стремились договориться с Берлином за спиной английского «гаранта».

Иден признает в своих мемуарах, что обещал греческому правительству выяснить позицию Югославии. По его словам, грекам хотелось тогда узнать, какова будет позиция Югославии в случае германского продвижения к Салоникам, и он со своей стороны обещал им выяснить в ближайшее время позицию Турции и Югославии. Так или иначе Идену удалось заставить генерала Папагоса согласиться принять английскую помощь и отвести греческие войска из Северо-Восточной Греции на линию Алиакмона. Как указывает генерал Гвинган, после принятия этого решения генерал Папагос казался очень несчастным; наоборот, Иден был весьма доволен своей работой.³

После завершения англо-греческих военных переговоров Иден спросил Корициса, согласно ли греческое правительство на прибытие британских войск в указанных размерах и на предложенных условиях? Корицис будто бы заявил, что «греческое правительство приняло с глубокой благодарностью помощь, которую мы предложили и полностью согласно с планом, выдвинутым военными представителями».⁴

24 февраля Иден сообщил в Лондон, что англо-греческие переговоры успешно завершены и что «достигнуто соглашение по всем пунктам».⁵

Болгарская дипломатия пристально следила за действиями Идена на Ближнем Востоке и Балканах и обо всем, что ей удавалось узнать, немедленно становилось известно в Берлине. Болгарский посланник в Лондоне Н. Момчилов сообщил в Софию, что после визита в Анкару Иден должен вернуться в Афины для того, чтобы уговорить греков «принять английскую помощь». По турецким сведениям, Греция все еще занимает отрицательную позицию.⁶ Болгарский посланник в Афинах Вачов сообщил

¹ A. Eden, Op. cit., p. 201.

² A. Eden, Op. cit., p. 202.

³ F. de Guingand. Operation Victory, p. 58—59.

⁴ A. Eden, Op. cit., p. 203.

⁵ W. S. Churchill. Op. cit., vol. 3, p. 67.

⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 84. Шифр. тел. Н. Момчилова — БМИД, 26/II-41 г.

в Софию 26 февраля, что греческое правительство против высадки английских войск, но едва ли сможет воспрепятствовать этому. Германский посланник в Афинах Эрбах заявил Вачову, что если греческое правительство допустит английские войска в свою страну, то Германия сразу же примет решительные меры. Американский посланник в Афинах Маквиг дал знать Вачову, что Англия не прибегнет первой к военным действиям на Балканах и что Иден предпринял поездку для того, чтобы на месте изучить обстановку.¹

После секретных переговоров с греческим правительством 26 февраля Иден и Дилл вылетели из Каира в Анкару. В день приезда Идена в Анкару Форин Офис и госдепартамент США дали знать в Берлин и Софию о том, что Англия не будет препятствовать вступлению немецких войск в Болгарию при том условии, если Германия не будет угрожать английским интересам на Ближнем Востоке, в противном случае находящиеся на Крите английские силы будут немедленно направлены на греко-болгарскую границу. 25 февраля Хэлл сообщил американскому посланнику в Афинах о том, что греческое правительство все еще надеется избежать конфликта с Германией и не дает согласия на высадку британских сил в материковой части Греции. Американской миссии в Софии было сообщено о том, что значительные британские силы, находящиеся на Крите, готовы двинуться к болгарской границе.² 26 февраля заместитель английского министра иностранных дел Батлер заявил в палате общин, что правительство Черчилля было полностью информировано о ходе переговоров между Турцией и Болгарией и что правительства этих стран обязались не иметь дело с другими партиями. Об этом свидетельствовало заявление турецкого министра иностранных дел к представителям печати от 24 февраля 1941 года. На вопрос члена палаты общин Мандера: «Могу ли я считать, что британское правительство полностью удовлетворено тем, как наш турецкий союзник выполняет свои обязательства?» Батлер ответил: «Да».³

В тот же день турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу сообщил Папену о приезде в Анкару Идена и рекомендовал германскому правительству воздержаться от отправки немецких войск в Болгарию до тех пор, пока Иден будет находиться в турецкой столице. «Еще не ясно,—сказал Сараджоглу,—какую позицию займет в этом случае Англия».⁴

Правительство Черчилля использовало в своей закулисной азартной игре с германским противником три козырные карты. Во-первых, оно угрожало послать в Грецию и Турцию сосре-

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 91. Шифр. тел. Вачова — БМИД, Афины, 26/II-41 г.

² FR, 1941, vol. 2, p. 649.

³ Parliamentary Debates. H. of C. Vol. 369, N 30, col. 492—493.

⁴ DGFP, vol. XII, N 87, p. 161.

точные в долине Нила английские войска; во-вторых, создать против Германии балканский фронт в составе Греции, Турции и Югославии; в-третьих, правительство Черчилля дало понять Берлину, что в случае необходимости Англия и ее турецкий союзник могут пойти на сближение с Советским Союзом для того, чтобы совместно с ним воспрепятствовать продвижению немецких войск через болгарскую территорию. Первая карта была пущена в ход одновременно с отъездом Идена и Дилла в Анкару.

Вторая и третья козырные карты были оставлены пока про запас.

27 февраля американский посланник в Афинах Маквиг сообщил Хеллу о том, что согласно полученным от греческого короля сведениям, англичане намереваются послать в Грецию три дивизии, но не с Крита, где у них имеется всего два полка, а из Египта. Часть этих войск уже находится на пути в Пирей.¹

Черчилль отметил в своих мемуарах, что к началу марта 1941 года необходимо было принять окончательное решение об отправке в Грецию британской армии, сосредоточенной в долине Нила. «Этот серьезный шаг требовался не только для того, чтобы помочь Греции в ее опасном и мучительном положении, но и для того, чтобы создать против неминуемого наступления балканский фронт, объединяющий Югославию, Грецию и Турцию. Это могло оказать влияние на Советскую Россию, которое мы не в состоянии были оценить заранее. Реакция России, безусловно, имела бы огромное значение...» Черчилль признает, что «судьбу Балкан не могли решить те войска, которые мы могли предоставить; наши скромные надежды сводились к тому, чтобы побудить балканские страны к объединенным действиям. Нам казалось, что, если бы по мановению нашей руки Югославия, Греция и Турция стали действовать совместно, то Гитлер либо временно оставил бы Балканы в покое, либо настолько бы увяз в схватке с нашими объединенными силами, что на этом театре войны возник бы важный фронт, в этот момент мы не знали, что он уже был поглощен своими планами гигантского вторжения в Россию».²

Черчилль немало приложил усилий к тому, чтобы возложить вину за неудачу английских планов создания балканского блока на Югославию, Грецию и, особенно, на Советский Союз. По словам Черчилля, Советское правительство дало возможность Германии захватить Болгарию и все страны Балканской антанты, за исключением Турции, без всякого сопротивления со своей стороны.³

Все эти утверждения Черчилля не имеют ничего общего с

¹ FR, 1941, vol. 2, p. 650.

² W. S. Churchill. The Second World War. Vol. 3, p. 83—84.

³ Ibid., p. 85, 315.

действительностью. Прежде всего является несостоятельным утверждение Черчилля о том, что в то время ему не было известно о подготовке германского нападения на Советский Союз. В Лондоне и Вашингтоне не только знали об этом, но и решили предупредить Советское правительство о предстоящем германском нападении на СССР в расчете на то, что это сообщение приведет к обострению отношений между Советским Союзом и Германией. 1 марта 1941 года заместитель государственного секретаря США С. Уэллес сообщил советскому полпреду в Вашингтоне К. А. Уманскому о полученной из Берлина секретной информации относительно германских военных приготовлений к нападению на Советский Союз.¹

Во время визита в Анкару Иден сообщил турецкому правительству о том, что Англия готова оказать Турции и Греции всю возможную помощь, он указал при этом, что греческое правительство решило сопротивляться не только Италии, но также и германской агрессии и уже согласилось воспользоваться английской помощью в случае германского нападения на Грецию.²

Турецкие политические и военные руководители заявили Идену, что в случае вступления немецких войск в Болгарию возникнет опасность германского нападения как на Грецию, так и на Турцию, но ввиду слабости турецкой армии, Турция не сможет оказать Греции помощи, если та подвергнется германскому нападению; Турция будет сражаться лишь в том случае, если сама подвергается нападению извне.³ Таким образом, переговоры Идена в Анкаре дали неутешительные результаты, турецкое правительство сочло предложенную Англией помощь совершенно недостаточной.⁴ Между Иденом и турецким правительством была достигнута договоренность о том, чтобы все британские войска, предназначенные для оказания помощи Греции и Турции, были отправлены в Грецию, поскольку ей грозила наибольшая опасность германского нападения; одновременно с этим было достигнуто соглашение о том, что ни Англия, ни Греция не должны рассчитывать на вмешательство Турции в случае германской агрессии против Греции.⁵

Турецкое правительство согласилось лишь поддержать английское дипломатическое наступление на Балканах. 27 февраля турецкий премьер-министр Рефик Сайдам предупредил Папена и С. Кирова, что в случае германских действий на Балканах, Турция вынуждена будет вновь прибегнуть к военным ме-

¹ FR. 1941, vol. 1, p. 714.

² A. Eden, *The Reckoning*, p. 205.

³ *Ibid.*, p. 205—207.

⁴ W. S. Churchill. *The Second World War*, vol. 3, p. 84.

⁵ A. Eden, *The Reckoning*, p. 205, 208; H. Knatchbull-Hugessen. *Op. cit.*, p. 161—162; W. S. Churchill. *The Second World War*, vol. 3, p. 85.

рам.¹ В соответствии с желанием Идена Ш. Сараджоглу изв-
явил готовность согласовать действия турецкого правительства
с Югославией, но выразил при этом сомнение в том, что это
даст какой-либо положительный результат. Во время пребы-
вания Идена в Анкаре югославский посол в Турции сообщил ему,
что югославское правительство не сможет определить свою по-
зицию до тех пор, пока ему не станет известно, на какую ан-
глийскую помощь оно может рассчитывать.² Таким образом об-
разование балканского фронта против Германии зависело, пре-
жде всего, от величины английской помощи Греции, Турции и
Югославии. Другой необходимой предпосылкой для предотвра-
щения вступления немецких войск в Болгарию и германского
нападения на Грецию, Югославию и Турцию, являлось сотрудни-
чество Англии, Турции и балканских стран с Советским Со-
юзом. Черчилль и Иден пытались оправдать колебание и нерешительность турецкого правительства в начале 1941 года тем,
что турки «опасались», как бы на них не напали русские, если
Турция окажется втянутой в войну с Германией». ³ Эти антисо-
ветские выпады призваны замаскировать ту весьма неблагоприят-
ную политику, которую правительство Черчилля проводило
тогда в отношении Советского Союза на Балканах и Ближнем
Востоке. Американские буржуазные историки Лангер и Глизон
указывают, что весной 1941 года Англия стремилась использо-
вать в своих интересах обострение отношений между Герма-
нией и Советским Союзом, вызванное германским наступлением
на Балканах. Они указывают, что в начале марта 1941 года Со-
ветский Союз дал ясно понять в Анкаре, что окажет Турции
необходимую поддержку, если она подвергнется нападению со
стороны Германии.⁴ Однако вместо того, чтобы способствовать
сближению Турции с Советским Союзом, правительство Черчил-
ля использовало эту возможность лишь в качестве средства
давления на своего германского противника. К моменту своего
приезда в Анкару Иден вызвал туда английского посла в Мо-
скве Криппса, по просьбе английского правительства Советское
правительство предоставило Криппсу специальный самолет.⁵
А. Иден отмечает в своих мемуарах, что он вызвал Криппса в
Анкару для того, чтобы обсудить с ним состояние советско-ту-
рецких отношений и выяснить, «что мы могли сделать для
ослабления подозрений между Россией и Турцией». ⁶ По герман-

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 180. Шифр. тел. С. Кирова — БМИД. 27/II-41.

² A. Eden. *The Reckoning*, p. 208.

³ W. S. Churchill. *The Second World War*. Vol. 3, p. 85.

⁴ W. L. Langer and S. E. Gleason. *Undeclared War*, p. 409—410.

Болгарский посланник в Москве информировал свое правительство о предстоящем полете Идена на советском самолете. ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 50.

⁶ A. Eden. *The Reckoning*, p. 208.

ским данным, во время визита Идена в Анкару он намеревался также встретиться с советским послом для того, чтобы обсудить состояние англо-советских отношений и устранить ошибки, допущенные Форин офисом в отношении Советского Союза.¹

Одновременно с визитом Идена в Анкару английское правительство вновь предупредило Болгарию о необходимости выполнения болгаро-турецкой декларации. 27 февраля Рендел сделал болгарскому премьер-министру Б. Филову строгое предупреждение относительно опасных последствий вступления немецких войск в Болгарию. Англия не намерена нарушать нейтралитета Болгарии, но если немецкие войска вступят на болгарскую территорию, то английское правительство будет считать Болгарию вражеской страной, и английские самолеты подвергнут бомбардировке болгарские объекты. Рендел спросил Б. Филова, почему в Болгарии проводится мобилизация вопреки только что подписанной с Турцией декларации о ненападении? Б. Филов пытался утверждать, что это является только «мерой безопасности» и сделано «для успокоения населения», но эта оговорка² не была принята во внимание правительством Черчилля.

28 февраля болгарский посланник в Лондоне Н. Момчилов сообщил в Софию: «Вполне возможно, что на этих днях Англия разорвет дипломатические отношения с нами, для того, чтобы придать больший вес доводам Идена в Анкаре и в Афинах»³ В тот же день Форин офис предупредил Момчилова о том, что в случае вступления немецких войск в Болгарию, Англия вынуждена будет послать свои войска в Грецию».⁴

Наряду с угрозами и дипломатическим давлением правительство Черчилля дало знать в Софию, что если Болгария и Германия будут соблюдать болгаро-турецкую декларацию, то оно воздержится от военных мер против Болгарии. 27 февраля болгарский посланник в Анкаре С. Киров сообщил своему правительству, что прибывший в Анкару Иден проявил по отношению к нему «демонстративно доброе расположение». Иден заверил С. Кирова в том, что «Англия ничего не предпримет против миролюбивой Болгарии», но на всякий случай он считает необходимым предостеречь Болгарию, так как «Германия стремится оккупировать Болгарию и демобилизовать Турцию, но последняя остается верным союзником Англии». Он вновь предупредил С. Кирова о том, что «Болгарии следует быть очень осторожной, она не должна делать плохого выбора, потому что Англия выиграет войну с помощью Америки». Для большей убе-

¹ DGFP, vol. XII, N 119, p. 212.

² ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 144—145.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 95. Шифр. тел. Н. Момчилова — БМИД, 28/II-41.

⁴ Там же, л. 95. Шифр. тел. Н. Момчилова — БМИД, 28/II-41.

⁵ Там же, л. 108. Шифр. тел. С. Кирова — БМИД, 27/II-41 г.

длительности по его просьбе американский посол Макмеррей подтвердил, что Америка поможет Англии выиграть войну.¹

Правительство США продолжало проводить в это время в отношении Болгарии двойственную политику: с одной стороны, оно неоднократно предупреждало, что окажет Англии возможную помощь, с другой, явно способствовало переходу Болгарии на сторону гитлеровской Германии. Американский посланник в Софии Д. Эрл заявил болгарскому министру иностранных дел И. Попову, что «независимо от того, пропустит ли Болгария немецкие войска или будет сопротивляться, в обоих случаях ее положение будет плохим». Эрл выступил даже в защиту болгарского правительства, когда английский посланник Рендел стал обвинять его в непоследовательности и колебаниях. Он спросил Рендела: «Каково бы было поведение Англии, если бы она была расположена не у Ламанша, а на Дунае, и если бы население Англии составляло, подобно Болгарии, только 6 млн. человек?»²

Папен и болгарский посланник С. Киров советовали своим правительствам отнестись со всей серьезностью к предупреждениям турецкого правительства и английского посла в Анкаре,³ и эти советы были приняты во внимание в Берлине и Софии. После согласования с Берлином 26 февраля болгарский министр иностранных дел И. Попов дал указание С. Кирову сообщить турецкому правительству следующий текст заявления болгарского правительства: «Немцы потребовали пропустить их войска на нашу территорию под предлогом сохранения мира на Балканах. Прежде, чем согласиться на это, мы просили Германию заявить нам предварительно, каково будет ее поведение в отношении дружественной нам Турции, при этом указали, что стремимся сохранить добрососедские отношения с ней, а также не нарушать спокойствие на болгаро-турецкой границе. В ответ на это получили от германского правительства заверение в том, что оно также имеет дружественное чувство к Турецкой республике и гарантирует, что немецкие войска не будут использованы против Турции, разумеется, при условии взаимности с турецкой стороны».⁴

Германское правительство также сообщило в Анкару о том, что намеревается дать турецкому правительству заверение о непадении на Турцию, но стремилось облечь эти заявления в такую форму, чтобы их можно было нарушить при первой благоприятной возможности. 27 февраля Риббентроп дал указание

¹ ЦДИА, ф. 176, л. 15, д. 4, 108. Шифр. тел. С. Кирова — БМИД, 11-41.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 8, д. 17, 37 Шифр. тел. И. Попова — Н. Момчилову от 25/II-41 г.

³ Там же, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 39.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 8, д. 17, л. 27, 28. Это заявление было согласовано в Берлине.

Папену сделать турецкому правительству вечером 28 февраля следующее заявление: «Фюрер заявил, что меры военной безопасности, предпринятые Германией на Балканах, направлены не против Турции, а против английских попыток создать плацдарм в Греции».¹ Согласно инструкции Риббентропа Папен должен был сообщить турецкому правительству вечером 1 марта о том, что из Берлина в Анкару отправлено личное послание Гитлера турецкому президенту, затем Папен должен был информировать турецкое правительство о предстоящем вступлении немецких войск в Болгарию. При этом он должен был указать, что «согласно приказу Гитлера германские войска должны держаться от турецкой границы на расстоянии не менее 20 миль».²

* * *

К концу февраля 1941 года гитлеровцам удалось завершить военную и дипломатическую подготовку к вступлению немецких войск на болгарскую территорию и присоединению Болгарии к тройственному пакту. 26 февраля гитлеровский посланник в Софии Рихтгофен предложил болгарскому премьер-министру Б. Филову и министру иностранных дел И. Попову выехать в Вену для участия в церемонии подписания акта о присоединении Болгарии к тройственному пакту.³ Но ни И. Попову, ни Б. Филову не хотелось брать на себя личную ответственность за присоединение Болгарии к блоку фашистских агрессоров и за оккупацию страны немецко-фашистскими войсками.

Вначале болгарское правительство уполномочило подписать акт о присоединении Болгарии к тройственному пакту болгарского посланника в Берлине П. Драганова, но Рихтгофен сообщил Б. Филову, что германское правительство придает большое значение присоединению Болгарии к тройственному пакту, поэтому в Вену должен выехать либо премьер-министр, либо министр иностранных дел. Поскольку И. Попов наотрез отказался участвовать в подписании тройственного пакта, в Вену пришлось выехать премьер-министру Б. Филову.⁴

1 марта 1941 года в Вене, в присутствии Риббентропа, Чиано, японского посла в Берлине Осима, посланников Венгрии, Румынии и Словакии Б. Филон подписал акт о присоединении Болгарии к тройственному пакту. Вслед за этим Риббентроп и Чиано вручили ему ноты, в которых германское и итальянское правительства обещали предоставить Болгарии выход к Эгейскому морю от устья реки Струмы до устья реки Марицы.⁵

¹ DGFP, vol. XII, N 98, p. 180

² Ibid., F. von Papen. Memoirs, p. 473.

³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 139—140.

⁴ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 143.

⁵ Там же, л. 154—155.

В своем дневнике Б. Филов отметил, что Гитлер и Риббентроп оценили очень высоко «присоединение Болгарии к пакту как раз в тот момент, когда там нам угрожали и ось имела неудачи... Кажется, что присоединилась великая держава, а не маленькая Болгария».¹

С 28 февраля по 1 марта германские инженерные части навели несколько понтонных мостов через Дунай, по которым 2 марта немецкие войска широким потоком хлынули в Болгарию. Так с помощью болгарских монархо-фашистских правителей немецко-фашистским агрессорам удалось оккупировать Болгарию, которую они вскоре использовали в качестве плацдарма для нападения на Грецию и Югославию.

2 марта в Софии было созвано внеочередное заседание болгарского парламента, на котором премьер-министр Б. Филов выступил с кратким заявлением о присоединении Болгарии к тройственному пакту и вступлении немецких войск на болгарскую территорию. Правительственное большинство встретило это заявление криками «Ура!». Оппозиционным депутатам не дали выступить в парламенте.

Правительство Б. Филова пыталось создать среди болгарского народа впечатление, что немецкие войска были введены в Болгарию в целях сохранения мира на Балканах и с одобрения Советского Союза. 3 марта 1941 года Советское правительство сделало болгарскому посланнику в Москве заявление, в котором говорилось: «1. Советское правительство не может разделить мнение болгарского правительства о правильности позиции последнего в данном вопросе, так как эта позиция, независимо от желания болгарского правительства, ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии; 2. Советское правительство, верное своей политике мира, не может, ввиду этого, оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики.

Советское правительство вынуждено сделать настоящее заявление особенно ввиду того, что в болгарской печати свободно распространяются слухи, в корне извращающие действительную позицию СССР».²

6 марта ЦК БРП(к) опубликовал декларацию, в которой указывалось, что «за спиной болгарского народа и против его воли правительство проф. Филова присоединило Болгарию к тройственному пакту и решило пропустить немецкие войска в Болгарию». ЦК БРП(к) призвал болгарский народ усилить борьбу против вовлечения Болгарии в войну, за мир и братство между балканскими народами, за заключение пакта взаимопомощи с Советским Союзом.³

¹ ЦДИА, ф. 456 оп. 1, д. 4, л. 178.

² Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. 4, стр. 544—545.

³ Нелегални позиви на БКП. Изд. на БКП, София, 1954, стр. 309—311.

Заверения Папена и болгарского посланника в Анкаре С. Кирова, сделанные накануне присоединения Болгарии к тройственному пакту и вступления немецких войск на болгарскую территорию, привели к некоторому успокоению в Анкаре и в Лондоне, но там не доверяли гитлеровцам и зорко следили за их действиями в Болгарии.¹ В телеграмме Идену от 1 марта Черчилль писал: «Немцы, очевидно, собираются занять Болгарию, затем запугать Турцию угрозой воздушных налетов, вынудить Грецию выйти из войны, а затем заняться Югославией, чтобы заставить ее покориться, после чего они могут совершить, а могут и не совершить нападение на Турцию, в зависимости от того, что они сочтут для себя более удобным».² К этому времени Иден получил из Афин весьма тревожные вести, свидетельствовавшие о нежелании греческих монархо-фашистских правителей принимать английскую военную помощь.³ «Кто знал, пишет в своих мемуарах Г. Гафенку, не предпочтут ли греки английской военной помощи, предложенной Иденом, снисходительность и милосердие Гитлера?»⁴

В этих условиях Черчилль предложил Идену и Диллу срочно выехать в Афины для того, чтобы продолжить там переговоры о совместных англо-греческих военных операциях против Германии. Он поручил им вести переговоры таким образом, чтобы за Иденом «осталось право освободить Грецию, а также и нас самих, от всяких обязательств, если при окончательном рассмотрении всех факторов вы решите, что у нас нет хотя бы некоторых надежд на успех. По-видимому, мы с вами располагаем еще несколькими днями, в течение которых мы можем принять окончательное решение. Тем временем все должно идти по плану».⁵

Суть этого плана, как видно, заключалась в том, чтобы сдать противнику без всякого противодействия со стороны Англии и Турции не только Болгарию, но и Северную Грецию в том случае, если бы Германия воздержалась от дальнейшего продвижения на Ближний Восток. Для того, чтобы удержать Тур-

¹ 28 февраля 1941 г. Гальдер отметил в своем дневнике: «Турецкое правительство предупредило Папена, что в случае нарушения Германией турецких интересов на Балканах, оно будет вынуждено выступить против Германии. В ответ на это Папен заверил турецкое правительство, что германские действия на Балканах направлены только против Англии, но если турецкое правительство предпримет какие-либо враждебные действия против Германии, то он вынужден будет упаковать свои чемоданы». Halder, s. 296—297; 28.II.1941.

² W. S. Churchill. The Second World War. Vol. 3, p. 86.

A. Eden. The Reckoning, p. 210.

⁴ G. Gafencu. Prelude to the Russian Campaign. London, 1945, p. 134.
W. S. Churchill. Op. cit., p. 86.

цию на своей стороне и предотвратить возможность продвижения немецких войск в Южную Грецию, правительство Черчилля решило подготовить и в случае необходимости осуществить высадку британских войск в Греции, которые создали бы фланговую угрозу немецким войскам Болгарии. 1 марта Иден и Дилл вылетели в Афины.

Тем временем Папен и С. Киров продолжали расточать в Анкаре миролюбивые заверения в адрес Турции. 1 марта после обеда С. Киров сообщил Ш. Сараджоглу о присоединении Болгарии к тройственному пакту. При этом он повторил заверение о мирных намерениях болгарского правительства. В ответ Сараджоглу заявил, что переговоры с Иденом не привели к изменению турецкой политики.¹ Вслед за этим в турецкое министерство иностранных дел явился Папен. Он заявил Сараджоглу, что болгарское правительство потребовало в качестве одного из предварительных условий присоединения к тройственному пакту, чтобы Германия не предпринимала никаких мер против дружественной Турции. Германское правительство, по словам Папена, полностью согласилось с этим и обещало вручить турецкому президенту 3 марта специальное послание Гитлера, в котором содержались «категорические заявления относительно добрых намерений Германии к Турции».² В ответ Ш. Сараджоглу заявил, что во время пребывания в Анкаре Иден выразил полную солидарность с политикой Турции, которая стремится только к защите своих собственных границ; «Невероятно, — сказал Сараджоглу, — чтобы английские войска в каком-либо количестве были посланы в Грецию».³ Таким образом, общий тон заявлений с обеих сторон был успокоительным. Казалось, что обе стороны решили придерживаться болгаро-турецкой декларации о ненападении, но в Лондоне опасались, что после оккупации Болгарии и выхода немецких войск на болгаро-турецкую границу Германия может нарушить свои обещания. Для того, чтобы удержать гитлеровцев от этого соблазна, правительства Англии, Турции и Соединенных Штатов Америки вновь прибегли к угрозе сближения с Советским Союзом. Ш. Сараджоглу предупредил Папена о том, что на 3 марта он назначил встречу с прибывшим в Анкару по вызову А. Идена с английским послом в Москве С. Криппсом.⁴

2 марта в том же порядке С. Киров и Папен сообщили Сараджоглу о вступлении немецких войск на болгарскую территорию. Они поставили в известность свои правительства о том,

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 115. Шифр. тел. Кирова — БМИД, 1/III-41 г.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 6, л. 2. Шифр. тел. С. Кирова — БМИД, 2/III-41 г.

³ DGFP, vol. XII, N 119, p. 212.

⁴ Ibidem.

что турецкий министр иностранных дел воспринял их сообщение спокойно и был настроен дружелюбно.¹ С. Киров сообщил в Софию, что он прилагает все усилия к тому, чтобы устранить у Сараджоглу любые подозрения в отношении Болгарии. «Должен подчеркнуть, — писал С. Киров, — что сегодня нервы подлежат большому испытанию и с нашей стороны мы должны остаться твердыми в намерении поддерживать дружбу с Турцией, главное, необходимо воздерживаться от искушения в отношении греческой Фракции».²

Как только в Берлине убедились, что присоединение Болгарии к тройственному пакту и вступление немецких войск на болгарскую территорию не встречают противодействия со стороны Англии и Турции, германское правительство решило уклониться от предоставления Турции ранее обещанных гарантий о ненападении. 3 марта главнокомандующий сухопутными силами фельдмаршал Браухич, начальник генерального штаба Гальдер и начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал Иодль уже обсуждали вопрос о том, «созрело ли политическое положение для того, чтобы двинуть войска к греческой границе, предназначенные для вторжения в Грецию, с тем, чтобы они могли опередить войска господина Идена, только что побывавшего в Афинах?» Их интересовало также, как будет реагировать Турция, должны ли они опасаться каких-либо осложнений с этой стороны. В результате обсуждения сложившейся ситуации руководители германских вооруженных сил пришли к выводу, что из визита Идена в Анкару «ничего не вышло. Турки не торопятся принимать новые обязательства, так как Турция к настоящему времени недостаточно вооружена».³ Верховное командование германских сухопутных сил решило принять все меры к тому, чтобы немецкие войска как можно скорее вышли на болгаро-греческую границу.⁴ В тот же день Папен сообщил турецкому министру иностранных дел, что не сможет пока вручить послание Гитлера турецкому президенту, так как германский самолет, на котором было отправлено это послание, потерпел аварию и совершил вынужденную посадку в Болгарию.⁵

В связи с попыткой Германии нарушить ранее данные турецкому правительству заверения, С. Сараджоглу предупредил американского посла в Анкаре Макмеррея о нависшей над Турцией опасности. Он указал, что вступление немецких войск в Болгарию создает угрозу не только Греции и Югославии, но:

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 6, л. 2.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 6, л. 2. Шифр: тел. С. Кирова — БМИД. 2/III-41 г.

³ Halder, 299—300.

⁴ Ibid., s. 301.

⁵ DGFP, vol. XII, N 122, p. 216.

и Турции, через которую немецкие войска могут предпринять наступление на Ирак и Суэцкий канал. Ш. Сараджоглу заявил о намерении Турции защищаться в случае германского нападения.¹

Вероломные действия гитлеровской Германии в отношении Турции не застали врасплох англичан: правительство Черчилля и английский командование на Ближнем Востоке уже подготовились к тому, чтобы в случае необходимости нанести по германским войскам на Балканах удар через Грецию.

В первых сообщениях из Лондона после присоединения Болгарии к тройственному пакту болгарский посланник Н. Момчилов отметил, что английские официальные круги заняли сдержанную позицию. Английские газеты стремились принизить значение присоединения Болгарии к блоку фашистских агрессоров. Вместе с тем Н. Момчилов предупредил свое правительство о том, что в Лондоне ведется подготовка к разрыву дипломатических отношений с Болгарией и к возможным военным санкциям против нее.² Государственный секретарь США К. Хелл предупредил болгарского посланника Д. Наумова о том, что если вслед за присоединением Болгарии к тройственному пакту на болгарскую территорию будут введены немецкие войска, то все болгарские авуары в США будут блокированы.³

После того, как в Лондоне убедились, что Германия стала на путь нарушения своих обещаний, правительство Черчилля приступило к осуществлению заранее подготовленного плана высадки английских войск в Греции. В английской мемуарной и исторической литературе приводятся разноречивые данные относительно даты высадки британских войск в Греции. Черчилль вообще умалчивает об этом, Иден пишет, что 4 марта в Грецию прибыли английские административные части, но первый конвой с британскими войсками для высадки в Греции вышел из Александрии только на следующий день — 5 марта; бывший командующий британским экспедиционным корпусом в Греции генерал (позднее фельдмаршал) Г. М. Вильсон отмечает, что когда он прибыл в Афины 4 марта, то административные части уже высаживались в Пирее, но первые боевые части и штаб экспедиционного корпуса прибыли в Пирей 7 марта.⁴ В английской официальной историографии отмечается, что «первый эшелон английских войск вышел в море из Египта 4 марта (план «Ластр»)».⁵ В другом английском официальном

¹ FR, 1941, vol. 1, p. 294—295.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 123. Шифр. телегр. Н. Момчилова — БМИД. 2/III-41 г.

³ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 7122. Шифр. тел. Д. Наумова — БМИД. 1/III-41 г.

⁴ A. Eden. The Reckoning, p. 214; Wilson. Op. cit., p. 72—73; 74.

⁵ Дж. Батлер. Большая стратегия, стр. 413.

издании по истории второй мировой войны также указывается, что переброска британских войск из Египта в Грецию началась 4 марта 1941 года.¹

Черчилль, Иден и большинство английских буржуазных историков утверждают, что британский экспедиционный корпус был послан для оказания помощи Греции в соответствии с гарантиями, предоставленными ей правительством Чемберлена 13 апреля 1939 года, и что окончательное решение об отправке британских войск в Грецию было принято правительством Черчилля после вступления немецких войск в Болгарию. В действительности правительство Черчилля руководствовалось тогда не обязательством перед Грецией, а стремилось любой ценой предотвратить германский удар по английским позициям на Ближнем Востоке. К моменту вступления немецких войск в Болгарию английские суда уже доставили передовые части британского экспедиционного корпуса на Крит. Как выше указывалось, 27 февраля 1941 года американский посланник в Афинах Маквиг сообщил госдепартаменту США, что часть английских войск уже находится на пути из Египта в Пирей.² Германский посланник в Афинах Эрбах сообщил в Берлин, что до начала марта общая численность английских войск на греческом материке составляла около 7 тыс. человек, основная часть этих войск состояла из летчиков и войск, обслуживавших военно-воздушные части. Никаких английских войск в Северной Греции и на всех греческих островах в Эгейском и Ионическом морях не было, за исключением Крита, на котором к началу марта 1941 года имелось около 10 тыс. английских солдат и офицеров. Это были пехотные части, части противовоздушной обороны, инженерные войска и т. д. Состояли они, главным образом, из австралийцев, новозеландцев и киприотов. С 4 марта 1941 года английское командование приступило к переброске британских войск с Крита в Афины, в этот день сразу же было переброшено около 5 тыс. человек³.

Эти немецкие сведения совпадают с американскими данными. 5 марта 1941 года американский посланник в Афинах Маквиг сообщил госдепартаменту США, что около 4 тыс. британских солдат высадились в Пирее. Он отметил, что английские войска высаживаются также в других греческих портах, но численность их ему пока не известна.⁴

Таким образом, высадка английских войск в Пирее и других греческих портах началась на несколько дней раньше, чем указывалось в английской мемуарной и исторической литературе. Установление действительной даты высадки английских

¹ J. S. O. Playfair. *The Mediterranean and Middle East*, vol. 2, p. 76.

² FR, 1941, vol. 2, p. 650.

³ DGFP, vol. XII, N 143, p. 253—254

⁴ FR, 1941, vol. 2, p. 656.

войск в Греции имеет немаловажное значение, так как помогает уличить Черчилля, Идена, фельдмаршала Вильсона и авторов английской официальной истории второй мировой войны в преднамеренном искажении фактов и событий, связанных с оказанием так называемой английской «помощи» Греции.

Иден и генерал Дилл прибыли в Афины вечером 1 марта. До полудня 2 марта их визит в Афины держался в глубокой тайне, затем было сообщено по радио и в газетах и вокруг этого был поднят большой шум. К началу марта капитулянтские настроения среди греческих монархо-фашистских правителей еще более усилились, и этому в немалой степени способствовал исход англо-турецких переговоров в Анкаре. После окончания англо-греческих переговоров 23 февраля в Афинах все еще надеялись на то, что Идену удастся уговорить турецкое правительство стать на сторону Англии и Греции. После визита Идена в Анкару у греческого правительства исчезли последние надежды. Греческий король Георг II и правительство Корициса стали опасаться, что если им после германского нападения на Грецию придется эвакуироваться на Крит, то в материковой Греции сразу же будет создано новое греческое правительство, которое постарается договориться с Германией.¹

В начале марта гитлеровцы продолжали уверять греческое правительство в своих «дружественных чувствах». 1 марта, в день присоединения Болгарии к тройственному пакту, представитель германского министерства иностранных дел заявил американским корреспондентам, что «отношения Германии с Грецией не изменились и продолжают оставаться дружественными». 3 марта германское министерство иностранных дел вновь заявило, что «отношения с Грецией не изменились».² Это заявление было сделано в момент, когда немецкие войска уже продвигались к греческим границам. На возобновившихся 2 марта англо-греческих переговорах выяснилось, что генерал Папагос отказывается отвести греческие войска из Западной Фракии, Восточной Македонии и Албании на новые оборонительные рубежи, сославшись на то, что во время предыдущих англо-греческих переговоров 22—23 февраля было условлено вначале выяснить позицию Югославии.³ Между тем, вплоть до возвращения Идена в Афины 2 марта, никакого определенного ответа от югославского правительства на английский запрос не было получено.⁴ После вступления немецких войск в Болгарию

¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 6, л. 92—94. Шифр. письмо Вачова — БМИД. 5/III-41 г.

² Доклад королевского греческого правительства международному военному трибуналу. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 3 т. Т. 2. М., Изд-во юрид. лит., 1966, стр. 85.

³ A. Eden. The Reckoning, p. 210.

⁴ A. Papagos. Grcka u ratu, str. 317.

генерал Папагос считал отвод греческих войск с болгарской границы на линию Алиакмона опасным, так как немцы могли разгромить их в пути. Он выступал также против отвода греческих войск из Албании, это произвело бы плохое впечатление на общественное мнение страны и греческую армию.¹

Иден сообщил правительству Корициса, что Турция решила воздержаться от вступления в войну в случае германского нападения на Грецию, генерал Дилл считал, что единственный выход из создавшегося критического положения заключается в немедленном отводе греческих войск из Западной Фракии и Восточной Македонии на линию Алиакмона, но греческий главнокомандующий генерал Папагос категорически возражал против этого, он предложил направить английские войска не на линию Алиакмона, а в Македонию. В свою очередь Иден и Дилл отвергли это предложение: «Мы, естественно, отказались принять эти предложения, — пишет Иден, — так как они совершенно отличались от тех условий, на которых мы согласились послать наши силы».² По словам Идена, генерал Папагос был настроен пораженчески и потому Идену пришлось обратиться непосредственно к греческому королю Георгу II, с помощью которого в ночь с 4 на 5 марта было достигнуто компромиссное решение. Король Георг II обещал оказать сопротивление германскому нападению при том условии, если английское правительство гарантирует ему возвращение на греческий трон после окончания войны.³ Греческое командование согласилось отвести свои войска полностью из Западной Фракии, поскольку никаких надежд на помощь со стороны Турции не было; что касается Восточной Македонии, то было решено сохранить здесь часть греческих войск на укрепленной линии вдоль греко-болгарской границы.⁴ Три греческих дивизии из 4-х, имевшихся в Западной Фракии и Восточной Македонии, отводились на линию Алиакмон, сюда же должны были прибыть британские войска после высадки в Пирее. В целом ход англо-греческих переговоров в Афинах со 2 по 4 марта 1941 года освещается в мемуарах Идена и Папагоса более или менее одинаково, за исключением одной любопытной детали. Иден пишет, что англо-греческие переговоры начались 2 марта и продолжались до поздней ночи 4 марта. В первый день переговоров не было достигнуто соглашения. Иден и генерал Дилл вызвали на помощь себе из Каира генерала Уэйвелла, после прибытия которого 3 марта переговоры возобновились.⁵ В отличие от Идена А. Папагос

¹ A. Eden. *The Reckoning*, p. 211.

² *Ibidem*

³ E. Ioannides. *Bloody but unbowed. The Story of the Greek people's struggle for Freedom*. Published by «Hermes Press Ltd», 1949, p. 19.

⁴ A. Eden. *Op. cit.*, p. 213

⁵ A. Eden. *Op. cit.*, p. 211—213. A. Papagos. *Grčka u ratu*, str. 319.

отмечает, что после безрезультатных переговоров 2 марта был сделан перерыв до 4 марта.¹ Этот перерыв в англо-греческих переговорах, как видно, понадобился Идену для того, чтобы выяснить, выполнит ли Гитлер свои обещания о предоставлении Турции германской гарантии. Как только стало ясно, что Гитлер нарушил это обещание, Иден и генерал Дилл санкционировали высадку английских войск в Греции, после этого 4 марта англо-греческие переговоры в Афинах возобновились. Иден пошел как будто на известный компромисс с генералом Папагосом. Обе стороны договорились сосредоточить основные английские и греческие силы на линии Алиакмон, вместе с тем Иден и генерал Дилл согласились оставить часть греческих сил в Восточной Македонии и это было сделано не только потому, что на этом настаивал генерал Папагос. Иден стремится возложить вину за колебание греческого правительства и в целом за неудачу английских планов создания балканского оборонительного фронта на Югославию.² 4 марта он сообщил греческому королю Георгу II, что вместо сотрудничества с Англией и Грецией югославский принц-регент Павел решил отправиться к Гитлеру.³ Это сообщение, вероятно, и явилось тем аргументом, с помощью которого Иден и генерал Дилл добились согласия греческого правительства и генерала Папагоса на отвод основных греческих сил на линию Алиакмон. Но англичане не доверяли гитлеровцам, поэтому они и пошли на заключение компромиссного соглашения с правительством Корициса, согласно которому часть греческих войск была оставлена на греко-болгарской границе севернее Салоник. Общая идея военного плана, предложенного Иденом и генералом Диллом, по словам Папагоса, заключалась в следующем: а) если Югославия вступит в войну на стороне Англии и Греции, то англо-греческие силы следует перебросить с линии Алиакмона в Восточную Македонию; б) если Югославия останется нейтральной, то греческие силы в Восточной Македонии имели возможность обороняться на укрепленной линии Метаксаса и в случае необходимости отойти на линию Алиакмон.⁴ Таким образом, англичане резервировали за собой возможность вновь поднять вопрос о создании балканского оборонительного блока.

Советское заявление от 3 марта 1941 года относительно присоединения Болгарии к тройственному пакту, с одной стороны, и высадка британских войск в Греции, с другой, вынуди-

¹ A. Papagos. *Grčka u ratu*, str. 318.

² Eden. *The Reckoning*, p. 215.

³ Eden. *Op. cit.*, p. 219.

⁴ A. Papagos. *Grčka u ratu*, str. 319.

ли гитлеровскую Германию занять в отношении Турции более осторожную позицию. Утром 4 марта 1941 года послание Гитлера турецкому президенту было доставлено в Анкару и в 12 часов оно было вручено Папеном турецкому президенту И. Иненю. В своем письме к турецкому президенту Гитлер утверждал, что вынужден ввести немецкие войска в Болгарию для того, чтобы предотвратить попытку Англии превратить Грецию в свой плацдарм; Болгария согласилась пропустить немецкие войска при том условии, если они не будут использованы против Турции. «Со своей стороны я также, пользуясь предоставившейся ныне возможностью, торжественно заявляю вам, Ваше превосходительство, о том, что эти германские шаги никоим образом не направлены против территориальной или политической целостности Турции». Гитлер заверил турецкого президента в том, что Германия не имеет никаких территориальных или каких-либо других претензий на Балканах и что после устранения опасности со стороны Англии, германские войска будут немедленно выведены из Болгарии и Румынии. Гитлер предложил турецкому президенту расширить германо-турецкие торговые связи и принять меры к сближению Турции с державами оси. «Я не вижу никаких причин, — писал Гитлер, — которые могли бы теперь или в будущем превратить Германию и Турцию во врагов. С этой целью я дал приказ, чтобы германские соединения, вступившие в Болгарию, находились на достаточном расстоянии от турецкой границы...». В своем послании Гитлер сделал оговорку, что эта предосторожность будет действительна лишь в том случае, «если само турецкое правительство сочтет необходимым принять меры, удерживающие нас от изменения этой позиции».¹ Таким образом, и на этот раз германские заверения не являлись безоговорочными. Гитлер оставил лазейку для нарушения своих обещаний Турции под тем или иным предлогом.

Турецкий президент обещал изучить германские предложения и дать ответ на послание Гитлера в ближайшем будущем, вместе с тем он выразил беспокойство в связи с проведением мобилизации в Болгарии. В ответ на это Папен указал, что болгаро-турецкие отношения определяются декларацией о ненападении от 17 февраля 1941 года.²

Тем временем правительства Англии и США продолжали оказывать энергичный нажим на Болгарию. 4 марта президент Рузвельт приказал блокировать все болгарские авуары в США. 5 марта Англия разорвала дипломатические отношения с Болгарией. Во время прощальной аудиенции царь Борис выразил

DGFP, vol. XII, N 113, p. 201—203.
ЦДИА, ф. 176, оп. 15, л. 4 л. 19.

английскому посланнику Ренделу недовольство тем, что Англия заняла по отношению к Болгарии более враждебную позицию, чем к Румынии. «Вы не возражали и не реагировали, — сказал он, — когда ваши друзья румыны позволили немцам войти (в Румынию. — Автор), почему же вы так сильно расстраиваетесь, когда то же самое произошло здесь?» В ответ на это Рендел указал, что в Румынии немцы не угрожают непосредственно Англии и ее друзьям, в то время как появление немцев в Болгарии создает непосредственную угрозу греческому союзнику Англии.¹ Но греческий союзник был тут ни при чем, английские «гаранты» руководствовались не чувством долга по отношению к Греции, а стремились защитить свои колониальные владения на Ближнем Востоке и стратегические позиции в Средиземном море. Отзыв английской миссии из Софии явился не только предупреждением болгарскому и германскому правительствам о том, что правительство Черчилля полно решимости защищать свои интересы на Ближнем Востоке, но и должно было по словам болгарского посланника в Лондоне «придать больший вес доводам Идена в Анкаре и Афинах».²

Присоединение Болгарии к тройственному пакту в значительной степени облегчило Гитлеру и его генералам осуществление плана «Марита». Возникает вопрос: можно ли было в начале 1941 года предотвратить присоединение Болгарии к тройственному пакту и оккупацию всего Балканского полуострова немецко-фашистскими войсками? Г. М. Димитров считал, что такая возможность имелась, для этого необходимо было объединить силы всех противников фашистских агрессоров. Каково было положение на Балканах в марте 1941 года, когда немецкие войска оккупировали Болгарию? Греческая армия успешно вела борьбу против итало-фашистских агрессоров в Албании, югославский народ был полон решимости защищать свою страну от фашистских захватчиков, Болгария могла сохранить свой нейтралитет, опираясь на поддержку СССР. Болгарский народ требовал заключения пакта о взаимопомощи с Советским Союзом, но вопреки воле болгарского народа царь Борис и правительство Б. Филова отклонили советские предложения, пропустили немецкие войска на болгарскую территорию и присоединили Болгарию к гитлеровскому блоку. Тем самым болгарские монархо-фашистские правители вовлекли свою страну в сферу

¹ G. Rendel. The Sword and the Olive, p. 179.

² ЦДИА, ф. 176, оп. 15, д. 4, л. 95. Шифр. телегр. Н. Момчилова — БМИД от 5/III-41.

войны и превратили Болгарию в плацдарм для нападения на Югославию и Грецию.¹

Черчилль признает в своих мемуарах, что в начале 1941 года можно было приостановить дальнейшее продвижение Германии на юг Балканского полуострова, для этого нужно было объединить силы Англии и ее союзников с силами СССР, который пользовался большим влиянием в Болгарии и Югославии, но это не входило тогда в планы правительства Черчилля. Английские империалисты стремились в то время отвести германский удар от своих колониальных владений на Ближнем Востоке в сторону СССР. Ради этого Черчилль и Иден согласились сдать Гитлеру весь Балканский полуостров, в том числе и Грецию, которой Англия предоставила свои гарантии.

Коммунистическая партия Великобритании также считала, что весной 1941 года имелаась возможность остановить продвижение Германии на юг Балканского полуострова. Как писал в мае 1941 года Палм Датт, если бы Болгария заключила пакт о взаимопомощи с СССР, то можно было бы предотвратить дальнейшее расширение войны на Балканах, однако реакционное болгарское правительство отклонило советское предложение. «Но наибольшая ответственность за эту ситуацию лежит на британском империализме, который вместо того, чтобы использовать свое влияние в поддержку таких совместных действий с Советским Союзом, обеспечивающих независимость балканских народов, выдвинул вместо этого нереальный план создания союза балканских государств и Турции. Вследствие своей враждебности и отрицательной позиции по отношению к Советскому Союзу, а также потому, что он был заинтересован не в сохранении независимости балканских народов, а в расширении войны на Балканах, в ущерб интересам балканских народов Болгария была сдана Гитлеру. Но раз Болгария была потеряна, то было слишком поздно спасти Югославию и Грецию, и война за независимость этих двух народов потерпела временную неудачу».²

¹ Г. Димитров. Накъде върви България. Соч., том II. Изд. на БКП. София, 1954, стр. 116.

² «Labour Monthly». 1941, N 5, p. 210.